

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. П. ПУСТОВИТ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае

Объективной истории противостояния белых и красных в Охотско-Камчатском крае до сих пор нет. Нет даже более или менее полного описания событий 1921—1923 гг. А то, что есть — крайне отрывочно и тенденциозно, и — главное — содержит много искажений, передергивания фактов и откровенную неправду. Все это касается не только поздних «воспоминаний» революционеров и красных партизан, но и работ историков советского периода.

Данная публикация — первая в отечественной науке попытка объективного исследования «бочкаревицины». Это сложное и противоречивое явление Русской Смуты рассматривается, в основном, сквозь призму выявленных в постсоветские годы документов.

Перед автором стояла двуединая задача: восполняя существенный пробел в истории родного края, восстановить реальный ход событий, мысли и поступки представителей противоборствующих сторон и «промежуточной силы», каковой являлось местное население. Автор действовал как реставратор, а если где-то поневоле к фактам примешались эмоции, то это у него от литератора, и они, думаю, легко простимы.

Мои основные источники: фонд 1199 УФСБ Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО) и фонд 28 Камчатского областного народно-революционного комитета Государственного архива Камчатской области (ГАКО). Используются также другие фонды ЦДНИКО — 800 бывшего партархива, 19 Камчатского губбюро РКП(б), 44 Уполномоченного Дальневосточной краевой контрольной комиссии, 730 Петропавловского горрайкома РЛКСМ.

Через Региональное управление ФСБ по Камчатской области я получил во временное пользование хранящееся в аналогичном управлении ФСБ в Приморье архивное уголовное дело № ПУ-7648 (Камчатской экспедиции Бирича и др.), откуда почерпнуто много сведений о белых военных и гражданской администрации во главе с особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае. Большое спасибо всем, кто помог мне.

А натолкнули меня на мысль написать эти очерки подшивка «Камчатского листка» за 1922 г. (ГАКО) и поступившее в ЦДНИКО в числе первых из ФСБ «Думское дело» Петропавловской городской думы, которая действовала в областном центре весь период революции и гражданской войны в России.

ОДИССЕЯ НЕПРАВИЛЬНЫХ ЛИЦ

Экспедиция, а точнее Северный экспедиционный отряд (СЭО) оформился к концу лета 1921 г. Командовал им есаул Бочкарев, который перед этим воевал у атамана И. П. Калмыкова.

Из рассказа казака и торговца Георгия Бека: «Я с Бочкаревым познакомился в 1918 г. в купе вагона по дороге из Харбина во Владивосток. Бочкарев ехал тогда из Петрограда. В 1920 г. я оказал его жене услугу: она очень нуждалась, и я ей денежно помог. Когда Бочкарев узнал об этом, он мне сказал: “Никогда не забуду этой услуги”».

Вновь Г. Бек встретился с Бочкаревым в августе 1921 г. на Светланке (на главной улице Владивостока Светланской, названной так в честь корабля, на котором прибыл в этот город во время своего путешествия по Дальнему Востоку Великий князь Николай Александрович — будущий император Николай II; при советской власти она носила имя Ленина). Бочкарев обрадовался встрече: «А ты знаешь, я отправляюсь на Север. Снаряжай торговую экспедицию».

Они вместе нанесли визит Х. П. Биричу на его дачу в Седанке под Владивостоком. Как позже утверждал Бирич, они уверяли его, что на Камчатке безвластие и полная анархия.

Контакт с Биричем есаул установил за несколько недель до их визита. В середине июля он отправил ему письмо, которое начиналось словами: «Милостивый государь и глубокоуважаемый Хрисанф Платонович, ссылаясь на наши личные переговоры, считаю необходимым представить Вам ниже следующий доклад...»

Изложив «общий план антибольшевистской военной работы», построенной на захвате базовых, богатых экономическими ресурсами районов и нанесении оттуда перпендикулярных фланговых ударов по Транссибирской магистрали, есаул обращал внимание адресата на один из таких районов, где «Амурская область довольно близко подходит к Охотскому морю совершенно почти незаселенным Удским уездом...»

В данном районе, докладывал Бочкарев, четыре драги, на Корбинских приисках тоже несколько драг. Правильная эксплуатация района может дать казне очень солидный золотой запас.

«Так как я в свое время участвовал в гидрографических работах в этом крае и имел возможность с ними хорошо ознакомиться, — продолжал есаул, — и так как в моем распоряжении имеется отряд, обладающий достаточной подвигностью, то выполнение намеченных операций я мог бы взять на себя».

Бочкареву требуются винтовки, пулеметы, взвод легкой артиллерии (вооружение при наличии денег можно легко приобрести), продовольствие и два парохода небольшого тоннажа.

Перечислив все это, Бочкарев вновь возвращается к золоту — приводит данные по его добыче в облюбованном им районе. Они впечатляют, особенно на Алекминских и Охотских приисках: от 60 до 100 пудов в год.

Будь Х. П. Бирич золотопромышленником, он бы и без есаула знал, где и сколько намывают. Только Хрисанф Платонович промышленлял по другой части. Сначала торговлей, затем рыбным промыслом: в 1908 г. получил близ Усть-Камчатска участок на озере Нерпичьем...

Бирича и его коллегу Демби устькамчатцы помнили долго. Некоторые, уже в 1930-х гг., считали, что при них «жилось несравненно лучше: всего было вдоволь, и народ делал, что хотел».

В специальной литературе, издававшейся до революции в Хабаровске и Санкт-Петербурге, можно найти выступления Х. П. Бирича на съездах и совещаниях рыбопромышленников по волновавшим его вопросам: утилизация краба; предоставление русским рыбопромышленникам права беспошлинного ввоза грузов на их рыбалки и фрахтования иностранных судов; устройство телефонов между рыболовными участками; наем русских рабочих на рыбные промыслы Камчатки.

Есаул В. И. Бочкарев знал, с кем имеет дело, и кто ему нужен. Завершая письмо, он высказал настоятельную просьбу, «чтобы Приамурское правительство, хотя бы секретно, санкционировало эту экспедицию, назначив своего эмиссара для означенных областей из лиц, известных местному населению». И добавил: «Я уверен, что в стадии осуществления этого плана им глубоко заинтересуются представители иностранных держав и представители заграничного капитала».

В феврале 1923 г., представ перед революционным трибуналом, Х. П. Бирич отвергнет обвинение в организации экспедиции. И укажет на ее инициатора — члена Приамурского Народного Собрания А. Н. Кругликова. «Меня вызвал Н. Меркулов (один из двух братьев, возглавлявших правительство. — *В. П.*), предложил отправиться на Камчатку и организовать там гражданское управление».

Если верить Х. П. Биричу, он долго не соглашался, но потом, чтобы не установилась военная диктатура, предложение Меркулова в конце концов принял. С целью упорядочить, как он выразился, экономическое положение Камчатской области.

Должность его называлась «Особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае».

«Правительство зафрахтовало пароход Добровольного флота “Кишинев” и назначило посыльное судно “Свирь”, — рассказывал на следствии Бирич, — отпустило на содержание и снаряжение воинского отряда 91 500 руб. и гражданских чинов — 25 тысяч. На содержание воинских частей Правительство отпустило Бочкареву 15 000 и 76 500 ассигновками через меня. Никакие торговые фирмы участия в снаряжении экспедиции не принимали».

В печать попала другая цифра: 300 тыс. руб. золотом. Ряд членов Народного Собрания внес в этот орган запрос о целесообразности таких затрат. В нем, в частности, говорилось: «В то время, как рабочие и служащие правительственных учреждений не могут получить жалования за июль и август и вынуждены буквально голодать, в то же время выбрасываются сотни тысяч на никому не нужную камчатскую экспедицию, цель которой, видимо, начать гражданскую войну в Камчатской области, не подчиненной Временному Приамурскому правительству».

Высказывали серьезную озабоченность и коммерсанты, поскольку «при отрезанности Владивостока от запада и Сахалина», у них оставался всего один свободный пункт торговли — Камчатка. Летом 1921 г. они отправили туда много товаров и очень беспокоились за судьбу зафрахтованных пароходов (те должны были возвратиться назад с пушниной). Коммерсанты боялись понести убытки от вооруженного столкновения СЭО Приамурского правительства с советской экспедицией, которая готовилась к отплытию на Камчатку через Китай, и напрямую с этим связывали свои будущие убытки.

Советская экспедиция, стоившая ее организаторам 750 тыс. золотых рублей и три миллиона романовскими деньгами, предпринималась для того, чтобы удержать за Москвой если не всю Камчатку, то хотя бы часть ее восточного побережья. Комиссарами экспедиции (а с прибытием на место — и области) поочередно назначались П. и И. Кларки — отец и сын. Примерно в то же время во владивостокской прессе появилась такая информация: советское правительство предложило Америке земельную концессию на Камчатке площадью в 400 тыс. английских квадратных миль и отдает ей же две базы для флота на русском побережье Тихого океана.

Закупку продуктов, других товаров советская экспедиция произвела с помощью шанхайской конторы Центросоюза. Зафрахтовала английский пароход «Ральф Моллер». Комиссар И. Кларк, добираясь до Шанхая из Приморья инкогнито, опоздал, согласно воспоминаниям своего коллеги коммуниста М. П. Воловникова, почти на месяц.

Советская экспедиция отплыла на пять дней позже бочкаревской. «Ральф Моллер» благополучно достиг японского порта Муроран, близ южных Ку-

рил, однако, выйдя из него, был обстрелян в нейтральных водах посыльным судном Приамурского правительства «Батарей». Пришлось возвращаться в Муроран, куда следом пришла и «Батарей»; здесь оба судна подверглись задержанию.

Находившийся в тот момент во Владивостоке видный камчатский демократ и ученый А. А. Пурин утверждал: «На пароходе “Ральф Моллер” оказалось большое количество оружия, военного снаряжения, чекисты (члены советской чрезвычайной комиссии для производства террора и арестов), человек пятнадцать советских комиссаров во главе с Кларком...

При наличии такого опасного груза японские власти совместно с английским консулом признали задержание парохода “Ральф Моллер” вполне правильным в интересах защиты порядка от произвола и покушений коммунистов на спокойную жизнь камчатского населения... “Батарей” возвращена во Владивосток, а пароход “Ральф Моллер”, груз и советские комиссары арестованы».

Все это Александр Антонович Пурин изложил весной 1922 г. в записке в органы местного самоуправления Петропавловска. Заканчивалась она так: «По дополнительным сведениям, Кларк и сопровождавшие его советские комиссары японскими властями высланы обратно в Шанхай. Отпущенное советским правительством для содержания чекистов, подкупа китайских властей и прочего, золото присвоено, по сообщению газет, Кларком, за что последний в ДВР (Дальневосточная республика. — В. П.) предан суду».

М. П. Воловников, подводя итоги экспедиции, расценивал поведение И. Кларка «как предательство интересов партии и народа во имя своего личного обогащения». По сведениям Воловникова, предателю удалось достичь цели: он «сбежал в Австралию, где имел свое крупное хозяйство».

Что же касается отряда Бочкарева, то ему тоже не удалось отбыть в Охотско-Камчатский край в намеченный срок. 16 сентября 1921 г. вахтенный офицер занес в судовой журнал парохода «Свирь»: «У циркуляционной машины снят бугель эксцентрика. В правой топке носового котла обнаружено два запальных стакана и две шашки пироксилина...» Помимо этого, на «Свири», как и на «Кишиневе», оказались снятыми золотники машины.

Согласно воспоминаниям большевика Г. К. Кофейникова и бывшего матроса А. И. Козырина, направленного для подрывной работы на «Свирь», все перечисленное было делом их рук и еще нескольких товарищей, руководил которыми коммунист Ф. П. Поносов.

В день обнаружения на «Свири» фактов вредительства против Х. П. Бирича выступила выходившая во Владивостоке газета «Дальневосточная мысль». В заметке «Не тот ли?» автор, избравший псевдоним «Сахалинец», называл Хрисанфа Платоновича каторжанином, подставным арендатором, эксплуататором и т. п.

Приведем лишь один, компрометирующий Бирича в глазах читателей газеты, случай периода русско-японской войны 1904—1905 гг. Хрисанф Платонович руководил одной из дружин самообороны. Во время занятия Сахалина неприятелем его дружина, подобно остальным, отступала и сожгла при этом все промыслы и имущество, числившееся за Биричем. «Это в дальнейшем было истолковано как похвальный патриотический поступок, — писала «Дальневосточная мысль», — и дало возможность г. Биричу получить с казны за погибшее имущество солидную сумму, какую он нашел нужным указать».

Компаньону Бирича А. Демби, уверяла газета, «пришлось отказаться от его услуг в качестве хозяина Усть-Камчатского рыбоконсервного завода ввиду крайней озлобленности населения, дабы она не переросла в вооруженное столкновение». Советский историк М. П. Стельных отмечал, что во время путины р. Камчатка перегораживалась в устье, в верховье рыбы проходило мало, и жители Долины «вследствие этого голодали».

О компромате во владивостокской прессе Х. П. Бирич узнал накануне отбытия с СЭО на Камчатку, и, по его словам, «не обратил на это никакого внимания».

С Демби он не сотрудничал с 1916 г., однако переписка между ними продолжалась вплоть до осени 1922 г. В письме от 20 сентября 1921 г. из японского порта Хакодате А. Демби пожелал Биричу успеха в предпринимаемой экспедиции: «Дай Бог Вам сохранить Ваше здоровье на несколько лет, чтобы Вы могли провести в жизнь все намеченные Вами программы. Вы приняли на себя весьма тяжелую и трудную задачу...»

А. Демби заверял Хрисанфа Платоновича: к открытию навигации следующего года все необходимые товары будут доставлены прямым путем из Америки в Охотск. А в приписке сообщал: «Рыбный сезон в Усть-Камчатке прошел очень удачно — мы приготовили всего: Красный — 54 000 ящиков, Сильвер — 30 000, Пинк — 72 000 ящиков. В других участках, где я заинтересован, так же хороши уловы...»

Справка. Бирич Хрисанф Платонович, 1857 года рождения, уроженец Волынской губернии Заславского уезда, местечка Щепетовки (так значится в автобиографии), прописан в г. Владивостоке. По профессии рыбопромышленник. Окончил Киевскую фельдшерскую школу. В 1873 г. примыкал к симферопольским народникам. Когда разговор заходил о сахалинской каторге, пояснял: сосланы за оскорбление офицера, и только, «вообще никогда не совершал ничего уголовного», не говоря уже о каком-то отравлении. В 1916 г. уехал в Петроград, желая там приобрести имение, а тут — февральский переворот. Возвратился во Владивосток, приобрел с аукциона земельный участок и дачу в Седанке и до августа 1921 г. занимался хозяйством.

В общей сложности проработал на Камчатке восемь лет. Женат. Супруга сорока девяти лет, домохозяйка. Две дочери и трое сыновей. Все — взрослые.

В 1922 г.: Павел, 25 лет, Сизтл, лесная концессия; Сергей, 27 лет, Дайрен, транспортная контора; Арсений, 22 года, Уэлен, фирма Свенсона.

СЭО отправился в Охотско-Камчатский край в ночь с 24 на 25 сентября 1921 г. Кто-то из отрядников (скорее всего редактор литератор Ю. М. Десаль) обрисовал в «Камчатском листке» отплытие в романтическом духе.

«...Среди политической растерянности, туманных политических перспектив Приморья и русского дела, поздно вечером, под мощные звуки национального гимна, плавно отошли от владивостокского мола “Кишинев” и “Свирь”, увозя в неизвестную даль горсть русских людей.

*Вела их отвага и вера.
От мишенья и злобы они далеки.
То русские или офицеры
И верные им казаки.*

...Так начинался этот поход добровольцев. За ними — растерзанная Россия, их раны и пытки. А впереди — что их ожидало, знали они? Холод далекой Камчатки... “Вы — обреченные”. Так провожали их люди рассудка, родные шептали: “Странные вы, куда вы идете, враг ведь и там силен. Чем вы его встретите? Остановитесь — на гибель отряд обречен”».

«Когда экспедиция отправлялась из Владивостока, — вспоминал Х. П. Бирич, — я на пароход “Кишинев” приехал перед самым отходом — после молитвы». Едва пароходы вышли в открытое море, на них, пишут советские исследователи, «были подняты воинские флаги монархической России», а В. И. Бочкарев, свидетельствует Бирич, «вышел из своих границ: принял командование над обоими судами».

На допросе в ГПУ в ноябре 1922 г. Хрисанф Платонович покажет: «Я несколько раз спрашивал Меркуловых, пропустят ли японцы вооруженный отряд ввиду недопущения японским командованием русских вооруженных сил, но Спиридон Меркулов мне сказал, что пропуск экспедиции обеспечен и об этом беспокоиться нечего. Действительно, японцы никаких препятствий не чинили».

Итак, экспедиция Бочкарева — Бирича вышла из Владивостока на двух судах. Гражданское управление во главе с особоуполномоченным, часть воинского отряда и пассажиры — на «Кишиневе», остальные военные, есаул со штабом — на «Свири». При Бириче находился представитель Приамурского правительства Николай Михайлович Соколов.

Численность СЭО в момент отправки по одним источникам была 400, по другим — около 500 чел. Значительное число составляли офицеры. По воспоминаниям одного из участников экспедиции, Бочкарев привлек много желающих ехать с ним прежде всего тем, что обещал платить каждый месяц жалование, независимо от чина, по 25 руб. золотом «на всем готовом, вплоть до зубного порошка. Семьи поступивших обеспечивались как продуктами,

так и деньгами и квартирой. Каждому было обещано увольнение из отряда по личному желанию в любой момент».

По выходе за остров Аскольд поднялся сильный норд-ост, который перешел в шторм. Суда могли двигаться со скоростью не более трех миль в час. Пришлось укрыться в бухте Врангеля, откуда 26 сентября была сделана безуспешная вылазка. К утру следующего дня шторм утих, и оба парохода вышли в море. Шли вдоль берега. Не доходя до пролива Лаперуза, «Свирь» дала сигнал, что обгонит и пойдет напрямик в Охотск, а в случае шторма будет ждать «Кишинева» в одной из бухт Тауйской губы.

Доктор исторических наук Б. И. Мухачев описывает дальнейшие события следующим образом: «3 октября 1921 г. “Свирь” и “Кишинева” подошли к Охотску, остановившись у поселка Новое Устье... На берегу у Нового Устья были видны люди. Они что-то кричали и махали руками. Бочкарев распорядился послать на берег шлюпку. В нее уселись одиннадцать офицеров во главе с подполковником Лукомским.

Прошло более двух часов в ожидании. Что происходит там, на берегу? Наконец увидели, что шлюпка отвалила от берега и направилась к “Свири”. На ней уже не одиннадцать, а тринадцать человек. Лукомский первым поднялся по трапу. И он, и другие офицеры были очень возбуждены, радостно смеялись.

— Братцы, что было! — захлебываясь, рассказывал офицерам Лукомский. — Еле ноги унесли! За всю германскую и гражданскую не попадал в такой переплет.

Оказывается, вся бочкаревская разведка угодила в плен к красноармейцам якутского отряда, прибывшего на помощь охотчанам. Командиры очень ловко выдали себя за яныгинцев (сторонников белых. — *В. П.*), пригласили офицеров в избу, стали расспрашивать о составе экспедиции. Но что-то офицерам в их разговоре показалось неестественным. И Лукомский стал преувеличивать силы белых. На двух судах имелось всего лишь одно морское дальнобойное орудие, притом даже без снарядов, но подполковник умолчал об этом. Наоборот, значительно преувеличил вооружение. К Охотску подошли в это время пароходы “Взрыватель”, “Тунгус”, зафрахтованные промышленниками. Вместе со “Свирью” и “Кишинева” они создавали впечатление целой эскадры.

Со стороны Булгина и Охотска вдруг началась перестрелка. Командиры красных вышли из избы, оставив часовых. Отряду был отдан приказ отойти в тайгу. Лукомский, выглянув в окно, быстро оценил обстановку, понял, что красным сейчас не до него. По его сигналу офицеры навалились на часовых, связали их и потащили в шлюпку. Таким образом, им удалось вернуться на пароход, да еще с пленниками...»

Утром 6 октября на одном из зданий Охотска, за церковью, появился белый флаг, а в два дня там же взвился трехцветный. Еще через два часа

Х. П. Бирич получил от Бочкарева записку, в которой тот сообщал, что город занят без боя и потерь. Вечером Валериан Иванович прибыл на «Кишинев», от него Бирич узнал подробности занятия Охотска. Ночью никаких операций не проводилось. Утром есаул переправился на другой берег реки Охоты на двух кунгасах с двумя десятками подчиненных и, увидев над городом белый флаг, вошел в Охотск, не дожидаясь подкрепления. Красноармейцев в городе уже не было. Они в количестве от 100 до 120 чел. покинули Охотск. Остались только насильно мобилизованные и перебежчики, которых есаул «после должного внушения» (по-видимому, порки. — *В. П.*) отпустил по домам. В. И. Бочкарев отмечал, что «радость населения была неописуемая. Получили, наконец, возможность вернуться к своим семьям многие, ушедшие от большевиков на ту сторону реки Охоты и не видевшие своих семейств уже месяцев пять».

«Не взять бы белым Охотска, не прояви они хитрость, — подчеркивает Б. И. Мухачев. — У Яныгина Бочкарев взял 45-миллиметровую пушку, установил ее на баке “Свири”. Ночью капитан Поярков обстреливал из нее город, корректируя бой. Большого ущерба своими снарядами орудие это не могло нанести, но психологическое воздействие на защитников Охотска производило большое: они думали, что с минуты на минуту заговорят морские дальноточные орудия.

За взятие Охотска Меркулов произвел Бочкарева в полковники».

СЭО еще не достиг Охотска, а И. Кларк отправил в Москву на имя наркома иностранных дел Г. В. Чичерина доклад. Несостоявшийся комиссар Камчатской области писал: «При моем прибытии в Шанхай мною установлено, что во Владивостокском порту погружены войсками, амуницией и продовольствием большое прекрасное судно Добровольческого Флота “Кишинев” и правительственные суда “Свирь” и “Охотск”. На этих судах в общей сложности не менее 500 хорошо вооруженных солдат. Из вышеупомянутых судов наиболее хорошо вооружена “Свирь”».

В первых числах октября Камчатским областным народно-революционным комитетом, по словам Н. П. Фролова, была получена телеграмма с указанием организовать вооруженное сопротивление бочкаревцам. Ревком, имея в своем распоряжении двадцать милиционеров, половина которых является «пассивом», не мог без помощи населения Петропавловска и окрестных селений вступить в борьбу с отрядом В. И. Бочкарева.

Решили посоветоваться с массами. Непосредственным поводом к собранию послужил «обмен» телеграммами между Петропавловском и Охотском. Член облнарревкома, делегат от Охотска Михаил Щербаков послал туда оповещение: «К вам едет Бочкарев. Примите меру». Ответ гласил: «Меры приняты. Есаул Бочкарев».

Собрание состоялось вечером 6 октября. Городской голова Елизар Александрович Колмаков (по профессии фотограф) стал возражать докладчику И. Е. Ларину, другим представителям власти, говорившим о зверствах бочкаревых в Приморье. «Приедут люди, а не звери, — сказал он, — никакого сопротивления не нужно» (покорную голову меч не сечет), следует ориентироваться на Владивосток: какая власть там, той и нужно подчиняться.

Председатель городской Думы врач Чеслав Куприянович Щипчинский пошутил, мол, ежели облнарревкому «и всыпят по двадцать пять — это ничего». На вопрос ревкомовцев: «Что же, прикажете встречать бандитов хлебом-солью?» за Щипчинского ответил руководитель Завойкинской волости Алексей Яковлевич Чернышев: «Комитет не спрашивал нашего мнения, когда вывозил из города муку и другие продукты в тайгу, следовательно, комитет уже заранее решил удрать в сопки, но не убежит, мы его и там стреножим...»

Начальник милиции Н. П. Фролов впоследствии рассказывал: «8 октября Комитет отправлял на японском пароходе в глубь области 300 пудов муки. Председатель Думы Щипчинский и городской голова Колмаков решили по сему вопросу созвать Думу в Народном доме, чтобы воспротивиться вывозу... Заседание было назначено на час дня, а пароход уходил в четыре. Собрались все гласные и жители города, но председателя и городского головы не было, которые были на пароходе.

Я, узнав, что Щипчинский и Колмаков хотят задержать муку, пришел на пароход, где увидел пьяного Щипчинского, бушующего и хлопотавшего выгрузить муку...»

Свое присутствие на пароходе Е. А. Колмаков объяснял тем, что ему необходимо было дать срочное поручение отъезжавшему гр. Клочкову на предмет приобретения в Японии кинематографических лент для Народного дома. Сойдя с парохода на пристань вместе с гласным В. А. Павловым, городской голова услышал много неприятных слов от начальника милиции — тот грозился засадить их вместе с председателем Думы в арестный дом.

Затем Н. П. Фролов направился в Народный дом. «Я, по приказанию облнарревкома, заседание Думы не разрешил и предложил публике разойтись по домам. Тогда из толпы были слышны возгласы: “Арестовать начальника милиции!”»

Дело принимало неблагоприятный для ревкома оборот. Тем не менее, он предусмотрел и это.

Недаром, когда на «совете с массами» горожанин из коренных Н. П. Косыгин поинтересовался, будет ли облнарревком считаться с решением общего собрания жителей Петропавловска и окрестных селений, председатель ревкома И. Е. Ларин разъяснил ему, что властям желательно знать мнение народа, но действовать они будут по-своему, независимо от того, какое решение вынесет собрание.

6 октября 1921 г. облнарревком получил моральную поддержку населения. Н. П. Косыгин «расшифровал» это следующим образом и на том же собрании: «Наша моральная поддержка поможет комитету. Товарищ Бочкарев товарищу Щербакову выплест, как следует, а мы будем смотреть. Комитету лучше уйти, что избавит невинное население от кровопролития».

В резолюции же собрания, опубликованной 9 октября в «Известиях Камчатского облнарревкома», говорилось о недопустимости нарушения мирной жизни граждан области и всякой политической перемены путем насилия.

Общее собрание жителей города и окрестных селений уполномочило вступить в переговоры с командованием бочкаревского отряда делегацию в составе: Ч. К. Щипчинского, Е. А. Колмакова, В. И. Святого, И. А. Шкляева, Г. А. Машихина, Н. П. Косыгина и Е. Ф. Одынца.

Однако не прошло и недели, как делегация отказалась выполнять возложенную на нее задачу. Дело в том, что после конфронтации между городской Думой и облнарревкомом последний 10 октября объявил в Петропавловске военное положение. В целях «предупреждения вооруженного выступления» против комитета.

Свой отказ делегация связывала с введением военного положения, подчеркивая, что в создавшейся обстановке она «лишена возможности собираться и обсуждать столь серьезное возложенное на нее поручение. Без всякой подготовки вступать в переговоры с есаулом Бочкаревым — это равносильно погубить все дело и не исполнить взятых на себя тяжелых обязанностей».

...Еще в Охотске В. И. Бочкарев поставил в известность Х. П. Бирича об изменении «по стратегическим и некоторым другим соображениям» первоначального плана экспедиции: вместо района Аян — Охотск местом базирования будет Ола, отстоящая от Охотска почти на 400 миль к западу. Об этом населенном пункте особоуполномоченный понятия не имел и ограничился тем, что выразил Бочкареву свое крайнее удивление и сомнение в правильности принятого решения.

В Охотске был оставлен гарнизон (около 200 чел.), состоявший из 2-й сотни, пулеметной команды, офицерской сотни, части команды связи и интендантства. Начальником гарнизона Бочкарев назначил капитана Константина Петровича Грундульса — одного из наиболее преданных ему офицеров, знакомых по Гродековскому отряду, а затем по Раздольному (Приморье), где находился распределительный пункт и где они, двадцать восемь военных, «сидели и ели одну селедку и полугнилой хлеб» и признавали только есаула Бочкарева, за которым, как выражался Грундульс, «шли, как за вождем».

18 октября СЭО прибыл в Ольскую бухту. В селении красных не оказалось. По словам Х. П. Бирича, местные жители выражали «искреннюю радость по поводу появления отрядников, потому как надеялись, что они обес-

печат им спокойную жизнь, устранение опасности со стороны охотских большевиков». Кстати, капитан Грундулс, по уходу кораблей из Охотска, организовал преследование отступивших красных. Они попали в такое тяжелое положение, что, по рассказам участников событий, «начинали есть друг друга, и несколько человек было съедено, и все-таки ни одного из них не удалось взять в плен живым, за исключением женщин».

23 октября 1921 г. военно-полевой суд оправдал двоих большевиков, на которых как на самых опасных и наиболее активных показал золотопромышленник А. И. Сентяпов: их решено было отправить во Владивосток вместе с группой других подозрительных. И тех, и этих не довезли даже до Петропавловска: очевидцы утверждали, что пьяные отрядники расстреляли их и сбросили в море.

В Оле Бирич и Соколов убеждали Бочкарева (но безуспешно) отказаться от мысли создать базу на охотском побережье ввиду отрезанности всех этих пустынных мест от главной части отряда в Охотске и от населенных пунктов Камчатки.

Выйдя из Олы 24 октября и прийдя в бухту Наяхан на вторые сутки, «Киншев» простоял здесь до 6 ноября. На берегу находилась лишь радиостанция и несколько построек для размещения ее служащих. Само селение — около десяти дворов — располагалось в восьми верстах от станции и в восьмидесяти от Гижиги. Бочкарев осмотрел бухту, станцию и побережье и нашел это место пригодным для устройства своей базы. «Он у меня служил на Камчатке катерным командиром, — говорил о Бочкареве Х. П. Бирич, — после я дал ему окончить мореходную школу, и он был помощником командира на пароходе “Енисей” и перед объявлением войны (германской. — В. П.) он уехал в Питер кончать Высшую мореходную школу, и я потерял его из виду...»

...По неофициальным данным середины 1920-х гг., в Гижигинском уезде имелись неисследованные залежи золота и алмазов.

Валериан Иванович Бочкарев правил здесь чуть меньше полутора лет. Обращаясь к коренному населению, он часто повторял: «Инородцы, если вы хотите есть, мы накормим вас. Бросьте заниматься политикой».

На своих врагов начальник СЭО производил, естественно, негативное впечатление: «Высокого роста, тонкий... держался подчеркнуто прямо, надменно, закидывал назад голову. Лицо неправильное, с широкими скулами, с высоким лбом. В глаза люди боялись ему смотреть. Настолько жесток был взгляд его светлых, словно подернутых ледком, глаз».

Понятно, были и другие люди, которые по-иному относились к В. И. Бочкареву. Один их них, старшина его личного катера М. М. Мытник, скажет по прошествии десяти лет: «Храбрый и хороший человек. И в момент последнего боя бился до конца».

24 октября 1921 г. «Свирь» взяла курс на Петропавловск. Для операции по занятию города была выделена 1-я сотня под командой подполковника

Кузнецова. Общее руководство поручено начальнику штаба СЭО генерал-майору из казаков Никите Андреевичу Полякову.

По Портсмутскому договору на Камчатке запрещалось держать войска; подчиненные генерала именовались жандармской полицией, он — ее руководителем и исполняющим обязанности особоуполномоченного до приезда такового.

Десант на «Свири» не превышал 90, экипаж — 45 человек.

В информационном докладе «Работа РКП на Камчатке» И. Е. Ларин писал: «Оставаться в городе было невозможно... Ближайшее население отнеслось пассивно, так как обещание облнарревкома о прибытии Кларка с подкреплением и продовольствием не оправдалось. Положение было нетвердое.

Всего в области эвакуировалось 25 человек, из них 5 членов облнарревкома, 8 служащих, 11 человек милиции и один рыбак-охотник; по партийности — 12 коммунистов и 13 беспартийных (сочувствующих)».

Среди ушедших партизанить соратник Ларина Петр Глебович Ивашкин-Ларичев называл председателя уездного комитета РКП(б) М. И. Савченко-Славского, члена трудового Союза рабочих и служащих И. И. Елисеева, члена облнарревкома А. С. Лукашевского, делегатов на областной съезд от Охотского уезда М. П. Щербакова и от Анадыря В. М. Чекмарева. В числе покинувших Петропавловск был Сергей Селиванов, боец народной охраны (милиции). Активную часть стражей порядка, направившихся для продолжения борьбы в сопки, возглавил Н. П. Фролов. Руководил ушедшими председателем Камчатского облнарревкома И. Е. Ларин.

Перед тем как оставить город, ревком распространил обращение к жителям области. В нем, в частности, говорилось: «...считаясь... с мнением населения Петропавловска и окрестных селений, не желающих, чтобы на Камчатке происходила какая бы то ни было вооруженная борьба и насильственная, помимо воли населения, смена политической власти, Комитет решил отступить без сопротивления в глубь области, где будет продолжать работу по созыву 4-го Камчатского областного съезда, который решит вопрос о том, как поступить с народными врагами... Им нужна Камчатка для того, чтобы распродать ее иностранцам, чтобы сосать из нее соки, дабы иметь средства, необходимые им для содержания бездельников и паразитов, привыкших с нагайками и винтовками разгуливать на окраинах России».

...28 октября 1921 г. пароход «Свирь» подошел к Авачинской губе. В первую очередь следовало занять маяк. Шестеро добровольцев, прыгнув в шлюпку, быстро справились с этой задачей и пошли далее по берегу, «равняясь со «Свирью» и освещая местность до Солеварки» (ныне район Богородского озера).

При проходе губы по внешнему рейду была замечена лодка, пересекавшая бухту и никак не реагирующая на сигналы со «Свири». По направле-

нию к ней пароход произвел три выстрела из орудия Гочкиса, взятого у Яныгина, после чего лодка остановилась и подплыла к «Свири».

В ней оказалось четверо охотников. Двое остались на корабле в качестве заложников, а двое других были отправлены в Петропавловск с ультиматумом большевикам сложить оружие и сдать город.

Секретарь Думы Вячеслав Иванович Румянцев вспоминал: «Когда обларревком эвакуировался из Петропавловска со своим отрядом, и город остался без власти, а пароход “Свирь” уже стоял в бухте, городская управа в лице Колмакова, меня и Новограбленова Ивана сделала совещание по поводу создавшегося положения, на котором было постановлено собрать общее собрание граждан г. Петропавловска и исполнить волю населения. Уже после нашего совещания поступили бумаги от генерала Полякова».

Помимо ультиматума, охотники, видимо, доставили обращение Временного Приамурского правительства к населению Охотско-Камчатского края. Приведем несколько выдержек из этого документа.

«Стихийным народным гневом, порывом и отвагой русских людей, крепких верою в Бога и горячей любовью к исстрадавшейся в смертельных муках родине — России — освобождены вы, граждане, от насилия и гнета губителей всего русского и национального, от большевиков-коммунистов и их приспешников, слуг сатанинской власти... Сам русский народ здесь, на далекой окраине нашей, когда-то еще, так недавно, могучей и великой — единой России, опомнился и понял весь обман и ложь, которыми опутали и обольстили его нерусские пришлые интернационалисты и приставшие к ним уголовные преступники и отбросы, — забывшие Бога и совесть.

... Теперь для вас, граждане Охотско-Камчатского края, пришло время и наступила возможность принять участие в великом и святом деле возрождения нашей Родины. К мирному труду Правительство призывает вас, русские люди, торжественно обещая, что им будут приняты все меры дать вам возможность спокойно жить, трудиться и пользоваться честно нажитыми плодами труда — собственностью. Мы не несем с собою ни золота, ни денег, ни богатства. Их нет у нас. Все они расхищены коммунистами, они все в руках уже чужеземцев и врагов национальной России... Мы зовем всех русских людей к великим жертвам и тяжелому подвигу, но знайте и помните, граждане, что только жертвами и подвигами, исполненными пламенной веры, любви и отречения от мелкого себялюбия и забот лишь о себе самом — возродится наша Родина, восстановится Великая Россия...»

По распоряжению городского головы стали собирать петропавловцев. Кто-то ударил в набат.

Экстренное общегородское собрание открылось в девять часов вечера. Его участник А. И. Дьячков спустя год с небольшим воспроизвел некоторые выступления.

Е. А. Колмаков: «Обсуждать приказы не следует и не приходится считаться с ушедшей властью».

П. Т. Новограбленов: «Правящая партия ушла, и нам нужно принять меры по охране города, так как времени осталось мало».

П. Овцын: «Бочкаревцев нечего бояться, они нас берут на испуг и приехали голые и босые, не имеют даже оружия и угля».

На него прикрикнул Н. П. Косыгин, председатель Союза домовладельцев: «Вашего брата здесь много находится, которые ничего не имеют, а у нас имущества и дома!».

Е. А. Колмаков: «Выбирать в охрану нужно лиц надежных, и обратить внимание на радиостанцию».

П. Т. Новограбленов, Косыгин, Щипчинский, и особенно Колмаков, по утверждению А. И. Дьячкова, настаивали на признании Временного Приамурского правительства.

Выступали многие. Сошлись на том, что, раз население не в состоянии сопротивляться прибывшему отряду, надо выполнять все приказы генерала, и тем самым спасти город, а то, в самом деле, камня на камне от него не оставят.

Принято было четыре постановления.

О власти в городе Петропавловске: «Ввиду ухода от управления и неизвестно куда местной коммунистической партии, стоящей против желания большинства населения у областной власти и в настоящее время сбежавшей, как не чувствующей никакой поддержки населения, — передать власть в г. Петропавловске временно городскому самоуправлению, как законно избранному гражданами города и отвечающему своему назначению впредь до установления нового порядка от Приамурского правительства...»

О сдаче огнестрельного оружия: «Принимая во внимание, что почти все население г. Петропавловска добывает средства к пропитанию охотой на разного зверя, которому оружие может понадобиться каждый день — сдать в городское самоуправление все имеющееся оружие военного образца (берданы), а другое пулевое оружие (винчестера) и дробовики просить представителей Приамурского правительства оставить себе, как необходимость для каждого охотника...»

Два других постановления (принятых также единогласно) касались охраны города и мирной делегации к генералу Полякову на «Свирь». Для наблюдения за порядком, тишиной и спокойствием в Петропавловске собрание поручило городскому самоуправлению назначить караул из двадцати пяти человек «вполне надежных лиц, при вооружении кто чем может, в состав коих входят оставшиеся не ушедшими шесть милиционеров, которым собрание выражает доверие». Старшим караульным пожелал стать гласный Петропавловской Думы Ефим Феликсович Одынец (из дворян), его и избрали.

Собрание поручилось за всех оставшихся в городе граждан, что они примут горячее участие в восстановлении мирной и спокойной жизни, «надеясь, что и ушедшая от власти коммунистическая партия не будет вредить этому».

В половине двенадцатого ночи разошлись по домам. Настроение, по словам Александра Алексеевича Ворошилова (неимуший, из мешан), было тревожное. У радиостанции выставили охрану человек десять против ушедших партизанить нарревкомовцев.

Рано утром 29 октября, чтобы успеть к восьми часам, когда кончалось действие ультиматума, на «Свирь» на катере направилась делегация жителей города — Колмаков, Щипчинский, Косыгин, Одынец и братья Новограбленовы (Иван и Прокопий). Они сообщили Полякову: большевики покинули Петропавловск 28 числа в три дня, в городе спокойно, вооруженных выступлений не предвидится, население встретит отряд «как избавителей от захватчиков власти».

Катер был отправлен обратно, а делегация оставлена на пароходе. Вскоре «Свирь» встала на якорь у берега. С корабля спустили шлюпку с вооруженными отрядниками, они поплыли к радиостанции. Потом отвезли в город делегацию. После этого высадились казаки...

В рапорте Н. А. Полякова Приамурскому правительству значилось: «Большевистский областной комитет, хорошо и своевременно осведомленный о боевых мероприятиях против него, заранее ограбив местное казначейство и обеспечив себя материально, с небольшим, отлично вооруженным отрядом бывшей милиции, уклоняясь от боя под давлением общественных вполне лояльных слоев населения, ушел в глубь области.

В момент занятия нами города, он находился еще в непосредственной близости, ведя наблюдение и разведку, но преследование его почти не представлялось возможным ввиду слабого вооружения вверенного мне отряда, так как у меня имелось всего семнадцать винтовок системы “Бердана” при крайне ограниченном количестве патронов и одно орудие “Гочкинса” с девяносто снарядами.

Для полного вооружения отряда я принужден был в срочном порядке прибегнуть к конфискации нарезного оружия у пришлого элемента и торговцев, тем более что при этом надлежало пресечь вредную деятельность некоторых лиц и фирм, уличенных в тесной связи с большевиками».

Таким образом, отрядники получили десять «трехлинеек» и восемьдесят один винчестер разного калибра. Самые насущные надобности отряда в зимнем обмундировании и продуктах первой необходимости (дабы избежать массового заболевания цингой) вынудили генерала Полякова заставить наиболее крупные фирмы, такие как «Виттенберг и Сайденберг» и «Чурин и К^о» выдать все это в обмен на долговые обязательства, оплатить которые следовало Временному Приамурскому правительству.

Отряд был расквартирован в «Судейском городке» (теперь ул. Красноармейская, близ морвокзала), состоявшем из пяти больших домов с центральным отоплением; комендантское управление разместилось в здании полицейского; к чинам данного управления отошла квартира областного инженера, еще в две казенные квартиры вселились семьи солдат и оружейная мастерская.

В связи с занятием столицы области, В. И. Бочкарев издал приказ по СЭО: «С 30-го сего октября побережье Охотско-Камчатского края от г. Охотска до г. Петропавловска включительно считать очищенным от большевиков». Тем же приказом снималось военное положение между этими городами «в пределах стоверстной полосы».

Бочкарев с ординарцами, частью пулеметной команды и команды связи (по одним сведениям 40, по другим 80 чел.) решил зимовать в Наяхане.

Х. П. Бирич отправился на «Кишинев» в Петропавловск. Его отношения с начальником СЭО стали прохладными. На Бочкарева, по отзывам многих, большое влияние имела супруга Ида Александровна. Она вмешивалась во все дела и была для Бирича «в высшей степени отрицательным человеком». Жена Хрисанфа Платоновича Пелагея Петровна часто вспоминала о столкновениях с Бочкаревым, когда тот появлялся на «Кишиневе», уверяя, что он всегда придирался и издевался над ними с мужем, и в конце концов она перестала с ним разговаривать.

У особоуполномоченного Временного Приамурского правительства вызывали протест незаконные, с его точки зрения, реквизиции у торговых фирм. Сохранилась копия документа от 25 октября 1921 г., где начальник СЭО приводит доводы в свое оправдание. Речь идет о фирмачах, которые собирались доставить в Якутск, «в стан большевиков», 150 нарт, предметов первой необходимости, а местным жителям продавали лишь спирт по баснословным ценам.

«Иногородцы, якуты и тунгусы, падки до выпивки, обирались, но предметов первой необходимости не имели, что вело к обнищанию населения и к упадку Государственных Уставов, а посему я совместно с населением, с добровольного желания вновь избранных поселковых властей, постановил: отделение фирмы “Кунст и Альберс” реквизировать, назвать ее поселковой лавкой, причем продажа товаров будет производиться под контролем Арманского поселкового общества» (сейчас Армань — поселок Ольского района Магаданской области).

Вечером 11 ноября 1921 г. «Кишинев» встал на якорь на внешнем рейде Авачинской губы. Прибывший на корабль генерал Н. А. Поляков доложил Биричу, как был занят Петропавловск. Возможно, справился о Бочкареве.

В противоположность особоуполномоченному, Поляков высоко ценил Бочкарева (как, впрочем, и тот его), нисколько не тяготился тем, что, несмот-

ря на свое генеральство, служит под началом Валериана Ивановича, а даже наоборот: как-никак тот сподвижник Калмыкова! Сам Никита Андреевич участвовал в боях с красными в рядах войска атамана А. И. Дутова.

12 ноября «Кишинев» вошел на внутренний рейд и пришвартовался к берегу. Глава новой администрации Камчатки принял городского голову, представителей населения областного центра, различных фирм. Все они, по словам Бирича, приветствовали его и «выражали радость и благодарность Приамурскому правительству за спасение от большевиков и за восстановление в крае нормальных спокойных условий жизни».

Х. П. Бирич попросил городского голову собрать назавтра всех, желающих получить информацию о положении в стране и на Дальнем Востоке. Другим способом довести все это до сведения горожан было нельзя — уходя, нарревкомовцы испортили единственную в области типографию.

В воскресенье 13 ноября в три часа дня особоуполномоченный и сопровождающие его лица явились в Народный дом, где их ожидали жители Петропавловска и окрестных селений. Поприветствовав собравшихся и поздравив с переменой власти, Х. П. Бирич выразил уверенность, что «камчатские старожилы, помня подвиги и заветы предков, окажут должную поддержку нашему национальному Приамурскому правительству в его героической борьбе за сохранение в целостности единственного уцелевшего от общего разрушения и грабежа Дальневосточного угла нашей Родины».

Представитель правительства Н. М. Соколов обрисовал современное состояние Советской России, сделал обзор деятельности социалистов на Дальнем Востоке «после власти адмирала Колчака и атамана Семенова», рассказал о событиях, которые привели к национальному перевороту 26 мая 1921 г.

Отмечалась важность переживаемого момента и укрепления на всем дальневосточном побережье русской национальной власти.

Камчатцы слушали прибывших с напряженным вниманием. Ни шума, ни возгласов. Образцовый порядок поддерживался самими участниками собрания при полном отсутствии полиции и военных. А в зале между тем находилось несколько сот человек.

Все это особоуполномоченный по управлению Охотско-Камчатским краем изложил в своем первом отчете председателю Приамурского правительства. «При ближайшем ознакомлении с городским самоуправлением и личным составом служащих в казенных и общественных учреждениях и с работой этих учреждений мы могли констатировать, что влияние большевиков за время их властвования в Петропавловске было поверхностное и весьма осторожное.

Каких-либо произвольных захватов частной собственности на Камчатке, например, не было вовсе. Это объясняется и отчасти, может быть, тем, что большевики нашли достаточно казенного имущества в казенных складах и Центросоюзе, для использования казенных складов был учрежден Союз

камчатских кооператоров... сделавший из этой операции источник дохода и кормления коммунистов.

Этот Союз мною ликвидируется, его склады и имущество возвращаются в ведение казны и подчиняются одному из отделов областного управления. Часть имущества Центросоюза, особенно пушнину, полученную в обмен на товары, большевики успели вывезти через своих агентов...»

17 ноября во второй половине дня состоялось очередное заседание Петропавловской городской Думы под председательством Чеслава Куприяновича Щипчинского. Среди присутствовавших был А. И. Бабкин-Байкалов, оренбургский казак, антикоммунистический публицист при Колчаке, а после его падения основатель организации РКП(б) на Камчатке, исключенный затем из партии как неблагонадежный элемент.

Не пользовался он доверием и у белых. Земляк Александра Ивановича генерал Поляков приказал установить за ним строгий надзор. Так что когда гласный Бабкин-Байкалов вместе со своими коллегами шел 17 ноября 1921 г. в Думу, он уже был под наблюдением.

С докладом «О текущем моменте» на думском заседании выступил Х. П. Бирич. Особоуполномоченный объявил, что назначен в край «с правами прежних губернаторов». Что Камчатка без Владивостока не может существовать как в географическом, так и в других отношениях, ибо ей нужен пункт, который бы снабжал ее всем необходимым. Что задача правительства, состоящего из членов несоциалистических организаций, — установить на Камчатке демократическую власть, но твердую, как при царе. И что местному самоуправлению даются широкие права, и администрация будет сотрудничать с ним.

Населению Камчатской области предстояло в ближайшее время избрать своего депутата в Приамурское Народное собрание. Положением о выборах запрещалось выставлять кандидатуры коммунистов, анархистов, эсеров, интернационалистов и максималистов.

ОСТОРОЖНО, НЕ НАСТУПИТЕ НА МОЗГИ!

12 ноября 1921 г. Приамурское правительство учредило Особое совещание по оказанию культурно-экономической помощи населению Охотско-Камчатского края, состоящее из хорошо знакомых камчатцам политических и общественных деятелей: А. Г. Чаплинского, А. А. Пурина, И. Д. Добровольского, А. Д. Батурина.

В тот же день Х. П. Бирич обратился к начальнику Петропавловского гарнизона генерал-майору Н. А. Полякову с просьбой предоставить ему отчет о реквизициях, а также копии расписок, оставленных фирмам. Он попросил генерала не производить более реквизиций без его письменного на то согласия.

При сем особоуполномоченный препроводил Н. А. Полякову утвержденное правительством Положение об управлении Охотско-Камчатским краем, из коего следовало: гарнизон находится в распоряжении главы гражданской администрации, и у него должно быть испрашиваемо разрешение «на всякие меры, выходящие за пределы непосредственно военных действий и нарушающие права мирного населения».

Н. А. Поляков отчет представил, однако не согласился с тем, что нарушал права, — отнес это к неправильной осведомленности особоуполномоченного, основанной на непроверенных данных.

После занятия города 29 октября 1921 г. генерал ввел проверку и учет всех прибывающих и убывающих из Петропавловска лиц. Чрезмерно строгие, по мнению Бирича, инструкции, данные патрулям, поставили город и окрестные селения «в абсолютную почти невозможность передвижения». С первого же дня приезда Хрисанфа Платоновича на его имя стали поступать жалобы, где, кроме всего прочего, указывалось, что подобные порядки противоречат распространяемому воззванию правительства к населению края и лишают его свободы «в большей мере, чем при большевиках». Бирич отменил стеснения, чинимые военными властями...

В целях «охранения спокойствия и обезвреживания большевистских группировок, занявших нелегальное и выжидающее положение», Н. А. Поляков установил строгий надзор за подозрительными личностями (такими, как А. И. Бабкин-Байкалов, член облнарревкома Д. М. Бадах, подозреваемый в убийстве в 1920 г. трех офицеров Петр Чужих).

В городе оставались жены ушедших в сопки партизанить И. Е. Ларина, Н. П. Фролова, которые, как считал генерал, имели «тайные сношения с сопочниками» и явно занимались шпионажем.

Военные разоружили неблагонадежных сотрудников бывшей милиции и определили их на хозяйственные работы при обозе комендантского управления. Одновременно был учрежден военный контроль радио, почтово-телеграфных и телефонных сообщений.

16 ноября 1921 г. Х. П. Бирич провел совещание с участием руководителей местного самоуправления, военной и гражданской администрации. Обсуждался вопрос о мерах против контрабанды спиртных напитков.

Врач П. П. Рубецкий говорил о продаже в области «денатурированного спирта вместо водочного», случаях отравления (и даже потери зрения) среди инородцев. Он высказался за свободную торговлю при правительственном надзоре за доброкачественностью приобретаемых напитков.

П. П. Рубецкого поддерживал председатель Думы Ч. К. Щипчинский, а также управляющий таможенной заставой К. И. Кодылев: «В течение десяти лет наблюдал, как пили... несмотря на запретительные меры, — сказал он, — причем суррогаты, стоящие очень дорого. Особенно страдали много пуш-

ники, которые обменивали пушнину на спирт. Торговцы спиртными напитками учитывали свое преимущественное положение, брали пушнину за бесценок, давая пушнику банку плохого спирта, взамен брали хорошие сорта пушнины...»

Ч. К. Щипчинский заявил, что этот вопрос обсуждался гласными еще в 1920 г., и есть соответствующее постановление, но свободной продаже воспрепятствовал облнарревком, очевидно, боясь лишиться возможности «конфисковывать спирт в свое распоряжение». В доказательство правильности думского решения врач Ч. К. Щипчинский привел собственные наблюдения за бурятами: с появлением в улусах монопольных лавок пьянство у них «пошло на значительную убыль».

Не возражая против свободной торговли, городской голова Е. А. Колмаков предлагал предусмотреть ограничения для инородцев, потому как они способны пропитья вконец, и не на что будет купить продукты.

Х. П. Бирич высказал опасение, что свободная продажа повлечет за собой «большой ввоз спирта из Японии». Позиция государственного контролера Миховского — ввоз из-за границы не ограничивать при условии введения акциза на все напитки. Доктор Ч. К. Щипчинский, соглашаясь с ним, заметил: «Трудно будет только проконтролировать уже ввезенный на Камчатку спирт».

Генерал-майор Н. А. Поляков полагал, что «только путем монопольной торговли можно достигнуть общего обложения спиртных напитков».

Представитель правительства Н. М. Соколов считал необходимым придерживаться порядка, который установлен на территории, контролируемой Временным Приамурским правительством, где давно введен акциз. Хотя, добавил он, монополия может вызвать нарекания на правительство, дескать, оно занимается спаиванием народа.

Участники совещания пришли к единому мнению о введении акциза на все (по предложению Миховского) виды спиртных напитков, «причем продажная стоимость одной бутылки в 95 градусов не должна превышать трех золотых рублей».

Постановили ходатайствовать перед правительством о разрешении: свободного ввоза в Охотско-Камчатский край спиртных напитков как из русских местностей, так и из-за границы; свободной торговли этими напитками под контролем правительственных чиновников; введения акцизного обложения по ставкам, действующим на территории Приамурского правительства.

Много забот доставляли Х. П. Биричу военные. В докладе председателю правительства Спиридону Денисовичу Меркулову он писал: «Еще во время стоянки парохода “Кишинеv” на Петропавловском рейде начали поступать ко мне требования командования об удовлетворении отряда как предметами довольствия и обмундирования, так и оборудованием и обстановкой квартир. Эти требования были предъявлены в такой форме, что я вынужден был

созвать представителей местных торговых фирм для изыскания выхода из создавшегося для меня, как “отрядного интенданта”, положения».

Фирмы, дабы не повторились произвольные реквизиции, согласились под личное ручательство особоуполномоченного и по санкционированным Биричем требованиям отряда отпускать ему товары. Во избежание эксцессов, могущих возникнуть «на почве неудовлетворения военных», Хрисанф Платонович несколько раз воспользовался предоставленным ему кредитом.

Часть товаров и материалов предназначалась гарнизонному собранию, на открытие которого Бирич дал разрешение в расчете на то, что «офицерский состав, имея место для устройства вечеров и для общения как между собой, так и с местными жителями, поведет более культурный образ жизни, и прекратятся в его среде ссоры и эксцессы на почве пьянства».

Расчет этот, говорится далее в докладе, не оправдался. «Бесперывное пьянство и разгул среди чинов отряда, в особенности конвоя генерал-майора Полякова, не прекращались и многократно переходили в ругань, драки и дебоши, во время которых затрагивали и частных лиц. В то же время работа отряда в отношении его прямого назначения — активной борьбы с большевиками — совершенно остановилась... несмотря на частые, по заявлению жителей, пребывания отдельных большевиков (членов исполнительного комитета) в городе, ни один из них задержан не был, военными властями производились аресты ни в чем не повинных лиц, коих, по выяснению их личности, приходилось освобождать».

28 ноября 1921 г. совет управляющих правительственными ведомствами постановил: открыть кредит «в распоряжение управляющего торговлей и промышленностью на расходы по приобретению и отправке в Петропавловск-на-Камчатке продовольственных и других предметов первой необходимости из чрезвычайной сметы государственной канцелярии 1921 г. в сумме 30 061 руб. золотом»; предоставить вышеупомянутому управлению «произвести пополнение означенной суммы путем реализации на эту сумму товаров, находящихся в распоряжении Ведомства торговли и промышленности; разрешить управлению торговли и промышленности временно израсходовать из ближайших поступлений кассы ведомства 22 290 руб. золотом на закупку имеющихся в казне товаров». Их отправка на Камчатку в срочном порядке была возложена на управляющего торговлей и промышленностью. Возвращение в казну ассигнованных сумм предусматривалось за счет «удержания стоимости отпускаемых товаров из причитающегося содержания служащим», срок службы коих считался со дня прибытия Х. П. Бирича в Петропавловск.

На том же заседании совет управляющих правительственными ведомствами утвердил проект договора с А. М. Березовским о предоставлении ему права перевозки грузов на транспорте, отправляющемся на Камчатку.

29 ноября начальник СЭО В. И. Бочкарев выпустил обращение «К вам, хозяевам Русского Севера». В нем говорилось: «В дни тяжких испытаний, выпавших на долю нашей матушки-России, я обращаюсь с призывом немедленного объединения, необходимого Вам для того, чтобы отстоять от посягательств советской власти свой край, свою веру, свою самобытность, свои обычаи. Дым и пепел российского пожара уже достигает вершины ваших гор. Прислушайтесь, сыны севера, и вы услышите, как стонут ваши родные братья-якутяне под игом интернационального сброда...

Советская власть, насильно воссевшая в настоящее время на престол Московского государства, решила продать вас и ваш край жадным иностранцам, под шумок растаскивающим остатки былой великой России. Подумайте, что сделали они с великой Россией, с родным вам оратаем-славянином и что готовят вам самим эти кровавые тираны. Подумайте хорошенько над тем, что произойдет с вами, когда жадная рука иностранца в погоне за богатством начнет машинами дробить ваши девственные горы, рыть долины, заражая воздух смрадным чадом заводов, что станет с вами, лишенными приюта гор и долин, покинутых зверьем.

В поисках пропитания вы невольно должны будете идти в работники к жадному иноверцу, и тот не пощадит вашего здоровья, а извлекая только свои выгоды, за кусок черного хлеба загонит вас в свои смрадные шахты, надорвет вашу слабую грудь непосильным трудом. Безбожный сам, он заставит вас забыть заветы предков, растлит семью и изведет ваших женщин...»

Конкретной формой объединения северян, разъяснял Валериан Иванович Бочкарев, должно стать избрание «желаемой своей власти из лучших людей». Одновременно начальник СЭО издал специальный приказ, содержащий необходимое уточнение: желаемый и приемлемый для всех порядок будет установлен путем созыва в Гижиге 1 сентября 1922 г. краевого съезда населения края; порядок этот «позволит предотвратить грядущие бедствия...»

С поступившими из Няхана документами Поляков ознакомил Бирича. Тот, по словам генерала, поначалу ничего не имел против них и распорядился в целях широкого распространения отпечатать оба текста в областной типографии. Но уже на следующий день переменял мнение об обращении, найдя в нем призыв к сепаратизму и говоря, что оно может быть истолковано как измена правительству. Вдобавок, выражения об иностранных державах (в то время как в Авачинской губе находился японский военный корабль) особоуполномоченный посчитал выходящим «из пределов международной вежливости».

Бирич попросил Полякова распространение обращения прекратить и без его согласия ничего в этом роде не предпринимать. «Имейте в виду, Ваше Превосходительство, — напоминал Х. П. Бирич генералу, — большевики в крае еще не ликвидированы».

Реакцию Хрисанфа Платоновича на бочкаревское обращение Поляков посчитал недоразумением из-за «неточного понимания мыслей по объединению народностей далекой северной окраины», и в таком духе ответил особоуполномоченному письменно.

Обращение, скрепленное подписью генерала, уже было расклеено в Петропавловске и передано по телеграфу «внутрь области». Телеграммы же Бирича вдогон об отмене обращения задержал военный контроль. Это, утверждал Бирич, породило много неясностей на местах, и некоторые селения направили в областной центр своих посланцев за разъяснениями.

Из рапорта начальника штаба СЭО Н. А. Полякова члену Временного Приамурского правительства по военно-морским и иностранным делам: «Первоначально г. Бирич, присутствуя часто на военных торжествах, высказывался о своем расположении к отряду и готовности удовлетворить все его нужды, указывая на близкое знакомство с Валерианом Ивановичем Бочкаревым. Но вскоре последовал крутой перелом в его отношениях к отряду... Так, на обращенную к нему просьбу содействовать открытию кредита военным у местных фирм до получения жалования последовал резкий ответ, что это является делом военного начальства. И в то же время такой кредит был открыт служащим гражданского управления». А 8 декабря Х. П. Бирич распорядился не отпускать продукты отряду до прибытия парохода из Владивостока.

И все это происходило в период, как называл его Поляков, «начала созидания гражданской власти и урегулирования войсковой и гарнизонной жизни», для чего генерал образовал комендантское управление с хозяйственным обозом при нем, офицерское собрание (открытое и рядовым казакам), гарнизонный суд чести.

Первая сотня, размещенная казарменно в здании бывшего окружного суда и несшая караульную службу и охрану города, переведенная на положение мирного времени, периодически получала оперативные, разведывательные и розыскные задачи, которые выполнялись «самым тщательным образом». Радиостанцию, почту и телеграф обслуживала специальная команда связи.

30 ноября 1921 г. заведующий училищами Камчатской области Прокопий Трифионович Новограбленов направил Малкинскому сельскому обществу письмо, где отмечалось, что новая власть намерена установить в крае порядок, существовавший «ранее, до большевистского вторжения».

«Все меры к благополучной жизни населения Приамурское Временное правительство принимает на себя и проведет в жизнь при первой же возможности, — писал Новограбленов, — но сейчас, в переходный период, население должно прийти на помощь правительству...»

С 10 декабря 1921 г. особоуполномоченный этого правительства Х. П. Бирич в экстренном порядке разрешил в Петропавловске свободную торговлю спиртным. Все продаваемые населению горячительные напитки надлежа-

ло оплачивать акцизом по следующим ставкам: ведро спирта — 20, водки и саке — 10; литр ликера — 2,5; бутылка шампанского, водки, коньяка или водочной настойки — 2, виноградного вина и наливки — 1 руб.

Надзор за оплатой акциза особоуполномоченный возложил на управляющего таможенной заставой К. И. Кодылева, наделенного правами окружного акцизного надзирателя.

В середине декабря Бирич разослал всем волостным комитетам «для сведения и объявления» жителям телефонограммы идентичного содержания: «Принимая во внимание, что установленный бывшим областным комитетом налог на пушнину ложится на местное население, я приказом 14 декабря 1921 г. обязательное постановление бывшего комитета от 26 ноября 1920 г. отменил».

...Характеризуя свои отношения в ту пору с особоуполномоченным, генерал приводит случай с отрядным священником о. Петром (Денисовым). Х. П. Бирич препятствовал его выезду в штаб отряда — в Наяхан, подозревая в противоправительственной агитации потому только, что священник, обиженный «неприглашением на общую молитву» в связи с праздником в здании областного управления, говорил об этом публично.

«Его простые и искренние слова были тогда же истолкованы г. Биричем как неуместные выражения. При отправлении о. Петра санным путем в Наяхан, я, зная его убеждения и любовь к родине, просил его в пути следования информировать население о положении в Приморье и нашем крае». Генерал добавляет, что Бирич не только не оказал никакой материальной помощи о. Петру («как личному врагу») в его поездке, но и потребовал от Полякова прекратить ее.

16 декабря 1921 г. областная гражданская администрация оповещает население о выходе из Владивостока на Камчатку парохода «Охотск» «с частными грузами — продовольствием, мануфактурой и другими предметами первой необходимости».

Между 15 и 20 декабря Бирич распространяет свое воззвание к гражданам Охотско-Камчатского края по случаю предстоящих выборов в Народное собрание — законодательный орган на территории Приамурского правительства, в работе которого предусмотрено участие пяти наших депутатов: трех от Петропавловска и двух от Охотского района...

Гарнизон г. Охотска состоял в то время из офицерской и 2-й казачьей сотен, части команды связи и интендантства — всего 250 чел. Командовал им капитан Константин Петрович Грандульс (в некоторых источниках его фамилия воспроизводится как Грандульс).

20 декабря 1921 г. в гарнизоне были зарегистрированы две насильственные смерти. Оба убитых принадлежали к старшему офицерству. Тот и другой погибли дома, во внеслужебное время.

Полковника Данилина нашли лежащим в столовой у дверей квартиры вверх лицом. Производившие осмотр места происшествия штабс-капитан Никомилов и поручик Новиков занесли в протокол: «Левая половина туловища приподнята на дровах, правая рука согнута в локтевом суставе под углом и покоится на груди, причем пробита пулей в области среднего пальца, опалена верхняя часть ее, и перебит средний палец в третьей фаланге. Левая рука вытянута по туловищу и согнута в кисти.

Правая нога заброшена на левую в согнутом положении. Левый глаз выбит, и пуля вышла, пробив верхний край сосцевидного отростка выше правого уха. По всей спине и на ягодицах кровоподтеки...»

Второй убитый — полковник Львов лежал «дугообразно на спине» в спальне у двери в столовую с мундштуком в правой руке. «Половина мозгов, — констатировали следователи, — влево от трупа на полтора метра под ножкой кровати. Левая половина лица обожжена, глаза выбиты. Правая половина передне-лобной, теменно-затылочной костной... выворочена. Следы волос и мозгов на косяках двери и шторах».

В квартире, где жили интенданты, были обнаружены три патрона от винчестера. Раскрытый шкаф в спальне говорил о том, что в нем, скорее всего, кто-то рылся. Следователи обратили внимание на опрокинутый стул и пустой солдатский ранец на кровати...

Капитан К. П. Грундульс показал: у интендантов почти каждый день организовывались пирушки; они отказывались выдавать штабное довольствие, утаивали спирт; и вообще в лавке многое пряталось, «в уплату шли» белые куропатки и иная дичь, которая «благополучно уничтожалась интендантами», в то время как он, начальник гарнизона, с женой и штабом «сидели на одних рисовых или картофельных котлетах», когда его жене доктор прописал пиво, но интенданты говорили, что его нет, а на пирушках у Данилина (с женщинами) оно лилось рекой.

26 ноября, в день Георгиевских кавалеров, продолжал капитан Грундульс, он «на свой счет» взял в гарнизонной лавке консервов и «ходил — почти выпрашивал одну-две рыбки. Интенданты не сообразовали даже предложить...»

Несмотря на то, что у начальника гарнизона и гражданина Соболева пайки одинаковые, первому не дали вообще муки, а второму прислали сразу 20 пудов, да еще пятипудовый куль сахара.

Гарнизонный врач, статский советник Крамник уговаривал Грундульса поехать отдохнуть в Новое Устье, так как капитан «вследствие чрезмерной работы переутомился и заболел». А в госпитале от него можно было услышать, мол, капитан уедет, новый начальник района отменит приказы о воспрещении пьянства, разрешит пить, «но не попадаться пьяным».

Со стороны доктора начали раздаваться угрозы в адрес корнетов Истомина и Калмыкова, прапорщиков Эйхлера и Чернова; Крамника поддерживали

офицеры, часто бывавшие в лазарете, где, по утверждению Грундюльса, доктор устроил «настоящий каба́к».

Штабс-капитан А. И. Госс пришел к полковникам Данилину и Львову и заявил им, что «сегодня их арестуют».

Грундюльс вызвал к себе Львова и Крамника. Врач уверял, будто подобные разговоры он вел исключительно ради того, чтобы «успокоить» большого поклонника Бахуса, бельгийского подданного капитана Владимира Николаевича Колосова.

Полковник Львов упрекал доктора, что тот «впутывает его имя в какую-то грязную историю» и благодарил Грундюльса за вызов для объяснения.

...Вечером 19 декабря 1921 г. прапорщик Н. Л. Лифляндер получил приказ от начальника команды связи задержать «не подчинившегося явке» штабс-капитана Субботенко. Этот офицер находился в квартире Львова и Данилина. В 22 часа туда вошел Лифляндер с двумя солдатами. Оставив их на кухне, он прошел в комнаты и грубо объявил штабс-капитану, что тот арестован, но соответствующего документа не показал.

Полковник Данилин предложил прапорщику покинуть помещение — зашел, не спросясь, к тому же ведет речь на повышенных тонах. Лифляндер отдал распоряжение солдатам не выпускать штабс-капитана из квартиры. Минут через двадцать прибыл сотник Хаджи-Мурат с бумагой об аресте.

Субботенко попросил разрешения переодеться. Прапорщик Лифляндер (двадцати четырех лет, холост, православный) опять заговорил в прежнем тоне. Полковник Данилин сказал ему, чтобы он уходил, так как «дело сделает плац-адъютант», то есть сотник Хаджи-Мурат. Прапорщик вышел в кухню, причем полковник вновь напомнил ему: без разрешения не входить.

Не прошло и двух минут, как послышался стук в дверь. Данилин открыл ее, пропустил чиновника управления интендантства М. Савушкина. Стоящий за ним Лифляндер произнес: «Я постучался потому, что к вам входит какая-то штабная личность».

После непродолжительного разговора полковник Данилин взял Лифляндера за рукав и попросил выйти из кухни. В коридоре прапорщик быстро повернулся, зарядил винтовку и направил ее на полковника. Данилин выхватил браунинг и выстрелил...

Так развивались события на квартире интендантов вечером 19 декабря по рассказу поручика Л. А. Комарского. Его показания подтвердил сотник Хаджи-Мурат. Грундюльс говорил, что Данилин ранил Лифляндера довольно серьезно: оказались задеты легкие, раздроблена левая лопатка.

Хаджи-Мурат был среди тех, кто покинул помещение сразу после инцидента и пришел сюда, когда убийство уже совершилось.

Он показал: «Увидев полковника Данилина, лежащего на дровах, я заметил поручика Губенко, но входил ли он с нами, я не помню. Я прошел в сле-

дующую комнату. В это время мне кто-то сказал: “Осторожно, не наступите на мозги!” Еще были чьи-то слова: “Кто-то успел снять браунинг у полковника Данилина”, потом капитан Ляпушкин взял кухлянку с пола со словами: “Как бы ее не украли”».

Что же произошло? В доме оставалось четверо: полковники Данилин и Львов, поручик Комарский и чиновник Савушкин. Согласно показаниям последнего, убийцы ворвались спустя четверть часа после того, как Данилин ранил прапорщика.

Комарский и Львов отдыхали на своих койках. Данилин, выходя из комнаты, где «машинально ходил», попал под выстрелы в упор и грузно опустился в кучу дров около печки, будучи убитым наповал.

На шум вбежавших с криком и ругательствами офицеров поднялся с койки полковник Львов. Когда убивали Данилина, он подошел к тем же дверям с другой стороны... Поднял руки вверх и произнес: «Я, господа...» И — больше ни слова. Раздалось снова несколько выстрелов подряд из револьвера и один из винчестера, «бывшего у корнета Чернова, угадавшего в череп, который, разбившись, остался держаться лишь на коже от затылка. Мозги и все остальное вылетело на пол».

Убийцы Эйхлер и Чернов выдвинули на следствии свою версию. Узнав о ранении прапорщика Лифляндера, они подбежали к полковнику Данилину «потребовать от него объяснения», но ввиду того, что тот пальнул в направлении корнета Калмыкова, Эйхлер выстрелил из винчестера в голову сначала Данилину, а затем Львову, выскочившему с наганом в правой руке.

Но в браунинге Данилина нашли шесть патронов — значит, стрелял он только раз — в Лифляндера.

Чудом уцелевший еще один свидетель дорисовал картину происшедшего. «Дверь распахнулась, и ворвались с шумом корнет Калмыков, еще несколько человек, разглядеть которых я не мог. Кто-то кричал: “Вы арестованы!” Полковник Данилин, видя направленные на него винтовки, крикнул: “Я не боюсь!”

Сразу же раздался залп. Полковник Львов соскочил с койки и направился на выстрелы, в это время я услышал второй залп, и полковник Львов упал.

Я в это время спрятался под койку. Пришедшие вошли в ту же комнату, что-то говорили, какие-то приказания отдавал корнет Калмыков, на что прапорщик Эйхлер отвечал: “Слушаю! Так точно!” И сразу вышли.

После вошел чиновник Савушкин с фонарем и говорил мне, что меня ищут и хотят убить (искали и доктора Крамника, но тот был в отъезде. — *В. П.*). Я ему сказал: “Михаил Михайлович, вы уходите и сами скрывайтесь”. Он вышел.

Вслед за этим услышал со двора голос капитана Кочемасова, поручика Губенко, сотника Хаджи-Мурата, штабс-капитана Ляпушкина. Здесь они

стали стаскивать с убитых вещи. Взяли браунинг с полковника Данилина, полезли в шкаф.

Кто-то сказал: “Этот браунинг надо отдать во Вторую сотню”. Затем услышал голос капитана Кочемасова: “Ну, теперь все хорошо. Еще кончить Комарского...”

Достали вино, деньги золотыми пятирублевками, два свертка по два вершка длиною, серебра рублей 270. На какой-то вопрос поручик Губенко спросил: “А откуда ты знаешь?” И кто-то ответил: “Я здесь все знаю”. Они ушли.

После этого еще три раза приходили, а кто — не мог определить. Слышал голос: “Выходите, будем закрывать. Капитан Грундульс приказал”.

Так я пробыл до утра под кроватью. Утром, когда стало светать, я улучил момент, когда часовой отошел от окна, заскочил за печь на кухне и сидел. Слышал утром: кто-то заходил, мерку снимал для гробов. Приходил капитан Грундульс с кем-то, он обещал прислать фельдшера для определения ран (поговаривали, будто, глядя на убитых, Грундульс сказал: «А, сволочи, переворотчики, не все еще здесь». — *В. П.*).

Вскоре послышалось за окном, что на печке кто-то есть. Я продолжал сидеть. Вошли сотники Утехин и Тарасов, предложили мне слезть. Я отвечал: “Если меня расстреляете, я лучше сам застрелюсь”. Вошел ротмистр Шредер. Я слез с печки, оделся. Взял оставшиеся в ранце некоторые вещи и документы — свои и полковника Данилина и с ним отправился в офицерскую сотню».

Чудом спасшимся от смерти свидетелем, поведавшим все это, был поручик Лука Антонович Комарский (двадцати трех лет, холостой, православный, уроженец Подольской губернии).

24 декабря 1921 г. Охотский военно-полевой суд в составе: председателя подполковника Дроздова; членов: войскового старшины Дорохова и штабс-капитана Госса при секретаре подьесауле Виттоле признал Калмыкова, Истомина, Эйхлера и Чернова виновными в том, что они «злонамеренно воспользовались ранением прапорщика Лифляндера», ворвались в интендантскую квартиру, Эйхлер стрелял из винчестера, а остальные «с оружием в руках составляли охрану и предоставили ему возможность совершить преступление». Суд приговорил всех четверых лишиться орденов и воинских званий и «предать смертной казни через расстреляние».

Расстреляли их в восемь утра 25 числа — корнетов: черниговца Истомина и одессита Бориса Михайловича Калмыкова; прапорщиков: петербуржца Чернова и Виктора Рудольфовича Эйхлера, уроженца Севского уезда Орловской губернии.

Двое из них — Эйхлер и Калмыков — принадлежали к дворянству. Все являлись православными. Самому старшему — корнету Истомину — было двадцать восемь. Самому младшему — прапорщику Эйхлеру — до двадцати одного года не доставало ровно месяца.

Дело в отношении капитана Грундулса (у него ночевали убийцы, совершив преступление) военно-полевой суд передал на усмотрение начальника СЭО В. И. Бочкарева.

...24 ноября 1922 г., после окончательного установления советской власти во Владивостоке, в числе задержанных ГПУ оказался офицер М. Г. Харитонов, заявивший, что давно сочувствует РКП и дважды выполнял секретное задание в стане белых. Второй раз он «проник в отряд Бочкарева... 1 июня 1921 г., поступил туда сначала писарем, затем был назначен делопроизводителем и до 16 октября 1922 г. находился в Охотске в интендантстве...» Вскоре, однако, задержанный от части своих показаний отказался и назвал свою настоящую фамилию — Савушкин...

...Сославшись на указания Приамурского правительства «о соблюдении крайней осторожности при возбуждении преследования против лиц, признанных опасными в политическом отношении», Х. П. Бирич издал 27 декабря 1921 г. приказ № 114, который генерал-майор Н. А. Поляков должен был принять к неуклонному исполнению: никаких (как ранее по поводу реквизиций) обысков и арестов без его письменного разрешения «в каждом отдельном случае». Виновным в несоблюдении данного приказа грозила уголовная ответственность «по всей строгости закона».

Тем временем обстановка в Петропавловске стала еще больше осложняться «неблагополучием» среди военных и, прежде всего, из-за привилегированного положения личного конвоя Полякова, составлявшего 10—12 чел. Освобожденный от караульной службы, он, в сравнении с другими чинами отряда, снабжался довольствием и обмундированием в значительном избытке. Плюс спирт (а за неимением такового денатурат), благодаря чему, по утверждению Бирича, конвойцы во главе с адъютантом генерала корнетом Татаровским «сделались в полном смысле пугалом для местного населения».

Никита Андреевич Поляков, понятно, отрицал это, говоря, что всюду, где только предоставится возможность, чиновники гражданского ведомства пытаются «опорочить действия военного командования», очернить служивых и вызвать у горожан к ним «недоверие и нерасположение». К таким фактам генерал отнес как форму приказов особоуполномоченного о недопустимости реквизиций, обысков и арестов, так и расклейку их по городу — то есть предание широкой огласке.

«На ходатайство мое о выдаче командам жалования, — информировал Владивосток Н. А. Поляков, — г. Бирич в присутствии моем, полковника Андреева и подполковника Кузнецова показывал различные ассигновки и расписки, доказывая, что деньги на содержание отряда получены Бочкаревым полностью и недвусмысленно намекал, что эти суммы на нужды отряда не пошли». То же самое говорил в гостях в частном доме в канун Нового года заведующий канцелярией особоуполномоченного Ф. Д. Стецюк.

Генерал Поляков был убежден в том, что «какая-то тайная и злая мысль руководила стремлением внести раздор в среду военных и посеять вражду, создать внутри отряда отдельные и враждебные друг другу группировки», для чего в ход шли все средства, и цель оказалась достигнутой, «в первую очередь среди офицеров и команды посыльного судна “Свирь”».

Х. П. Бирич придерживался иного мнения, указывая на личный характер разногласий между генералом и командиром «Свири» поручиком по Адмиралтейству Р. Я. Салатко-Петрище. Последний подал рапорт особоуполномоченному с просьбой разъяснить, кому он должен подчиняться. Хрисанф Платонович разъяснил — руководителю гражданской администрации.

Генерал арестовал поручика на тридцать суток за то, что он обратился с рапортом не по команде; самовольно объявил экипажу о переподчинении; не принял надлежащих мер к прекращению обсуждения в кают-компании политических вопросов.

Н. А. Поляков наложил дисциплинарное взыскание на командира «Свири» 28 декабря, однако тот повиновался приказу не сразу и 2 января 1922 г. подал второй рапорт особоуполномоченному о неправильности генеральских распоряжений.

«Таким образом, — писал Поляков, — одна из крупных боевых единиц отряда, выделенных под моим командованием, оказалась без ведома и вопреки приказа начальника Экспедиционного отряда вышедшей из моего подчинения».

7 января 1922 г. Х. П. Бирич распорядился немедленно освободить из-под стражи Р. Я. Салатко-Петрище, а также ревизора «Свири» прапорщика по Адмиралтейству В. А. Кулия, ожидавшего на гарнизонной гауптвахте отправки во Владивосток для предания военно-окружному суду за попытку арестовать генерала Н. А. Полякова 5 декабря 1921 г.

В тот же день 7 января в помещении генеральского конвоя выстрелом из карабина был убит старший урядник штаба отряда Алексей Грабовский, о котором за два часа до этого Бирич говорил Полякову, что тот бранил в пьяном виде особоуполномоченного и грозился в адрес чинов его администрации. Установить и задержать убийцу не удалось.

Городской голова Е. А. Колмаков вспоминал: «На первый день Рождества у Бирича были гости, как служащие, так и из граждан города... Марамзин, Стецок, Дельсаль и другие, из граждан — Киселев, Захаров Логвин, Новограбленов, Одынец. Одни приходили, другие уходили, здесь же находились японцы. Перед вечером произошел инцидент между пьяным капитаном Любвиным и подполковником Кузнецовым, который сделал замечание Любвину, и его проводил Щипчинский с одним из офицеров... В тот же вечер произошел инцидент со стрельбой, о которой я ничего не знаю».

Генерал Поляков в сопровождении адъютанта явился на квартиру Бирича с докладом. Татаровского хозяин встретил словами: «Мерзавец, вон из

моей квартиры!» Вслед за этим, сообщал во Владивосток Поляков, «я подвергся покушению со стороны заведующего милицией Ю. М. Дельсаль, выстрелившего в меня и не попавшего лишь благодаря вмешательству штабс-капитана Руднева».

Что побудило Юрия Михайловича применить оружие? Генерал неоднократно уличал его в самозванстве: проехавши в 1921 г. всю Советскую республику под видом военнопленного, он в среде белых представлялся сначала офицером Ахтырского гусарского полка, потом корниловцем, затем петлюровцем.

Командуя, кроме милиции, еще и типографией, Ю. М. Дельсаль, по отзывам рабочих, ничего в этом деле не понимал, но всюду лез, однажды даже рассыпал набор... Позже стал редактором возрожденного «Камчатского листка».

Выпуск местной газеты возобновился лишь 1 января 1922 г. Наборщики Клочкив, Лосев и заведующий типографией Семенов 28 октября 1921 г., за несколько часов до смены власти, «сняли у печатной машины главные части», которые Семенов унес в сопки. «С приходом белых, — рассказывал Евгений Петрович Клочкив, — машина была приведена в исправность, части были выточены господином Бергау Ф.».

...Сразу же после стрельбы в квартире особоуполномоченного охрану дома взяла на себя команда «Свири». Генерал Поляков, «во избежание эксцессов или вооруженного столкновения», отдал приказ об охране зданий Судейского городка, где размещались военные, и их квартир.

Поздним вечером все того же 7 января Х. П. Бирич приказал Полякову арестовать и препроводить на гауптвахту Татаровского. Генерал не стал делать этого по двум причинам: особоуполномоченный не вправе налагать дисциплинарные взыскания; помещение корнета на «Свирь» было бы, по мнению Полякова, равносильно смертному приговору.

Роль посредников в противостоянии гражданских и военных властей взяли на себя по инициативе священника Петропавловского собора о. Михаила руководители городского самоуправления Ч. К. Щипчинский, Е. А. Колмаков и П. Т. Новограбленов. Вчетвером они пошли на квартиру Н. А. Полякова. «И отец Михаил уговаривал его ради праздника и спокойствия в городе прекратить ссору, уговаривал я и Щипчинский, — вспоминал Елизар Александрович Колмаков, — генерал Поляков выразил согласие пойти на квартиру к Биричу и отправился вместе с нами. Между Поляковым и Биричем началась пикировка: кто кому должен подчиняться... в конце концов Бирич и Поляков уверили нас, что команды не сделают ни одного выстрела, но караулы не снимались всю ночь».

Ночь на 8 января прошла без происшествий, но «крайне тревожно» еще и потому, что событиями в городе впервые очень серьезно заинтересо-

лись японские военные. Местность у дома особоуполномоченного освещалась прожектором с военного корабля «Канто», готового высадить десант...

13 января 1922 г. Петропавловская Дума, учитывая, что вооруженное столкновение в областном центре может спровоцировать вмешательство во внутрирусский конфликт японцев «с гибельными последствиями для города и края», постановила обратиться к Биричу и Полякову с просьбой «не допускать по отношению друг к другу каких бы то ни было репрессивных мер».

Дальнейшее в изложении Н. А. Полякова выглядело так: оскорбление, нанесенное Биричем корнету Татаровскому, обсуждалось в гарнизонном суде чести, где особоуполномоченный вновь оскорбил офицера, на сей раз председателя суда военного летчика полковника Андреева (в присутствии капитана Зайцева) словами: «Вы врите», и только служебное положение и возраст — шестьдесят четыре года — Хрисанфа Платоновича «не позволяли потребовать у него законного удовлетворения». В итоге Татаровский уволился от службы по болезни, вышел из состава СЭО для возвращения во Владивосток.

10 января 1922 г. Х. П. Бирич письменно упрекает Полякова в том, что он до сего времени не считал нужным докладывать обо всех особенно секретных распоряжениях Бочкарева и, как начальник экспедиции и поляковский начальник, требует от него предоставить таковые в копиях, а также все приказы по отряду, «имеющие значения общих руководящих указаний» с момента выхода «Кишинева» и «Свири» из Владивостока в конце сентября 1921 г.

Через несколько дней — еще одно требование: дать в расшифрованном виде часть телефонного разговора с Наяханом, «зашифрованного военным шифром» и случайно оказавшегося у Бирича. Обо всем этом Поляков докладывает В. И. Бочкареву.

Тревожит генерала и другое. 12 января он получает донесение подполковника Кузнецова, в котором говорится: согласно агентурным сведениям, в Сероглазке скрываются прибывшие из Анадыря член ячейки партии коммунистов Валентин Салтан, он же Пересвет, Детков и Иван Иванович Елизов; укрывает их местный житель Василий Крупенин, у него они проживают, «имея сношения с городом». О донесении Кузнецова немедленно ставится в известность Х. П. Бирич. В тот же день он предлагает генералу послать в Сероглазку небольшой отряд и, чтобы не было недовольства среди местных жителей, «обыски домов и аресты произвести днем, и нарядить для этого людей трезвых и осторожных».

...15 января 1922 г. Р. Я. Салатко-Петрище подает Полякову прошение об увольнении его со службы в СЭО «ввиду сложившихся обстоятельств» и одновременно направляет председателю Приамурского правительства телеграмму следующего содержания: «Мой арест, произведенный генералом Поляковым, вызван моими служебными упущениями. Создалась атмосфера оскорблений в отношении меня со стороны Бирича, а также опасение за мою

жизнь. В настоящее время нахожусь на квартире генерала Полякова в полной безопасности. Все действия генерала вполне законны».

17 января просит уволить его в отставку и Н. А. Поляков. С мундиром, пенсией и производством в генерал-лейтенанты. И «впредь до получения указа об отставке» командировать как оренбургского казака с первым отходящим парходом во Владивосток в распоряжение войскового атамана Оренбургского казачьего войска. Мотив отставки — невозможность продолжать службу «по возрасту и состоянию здоровья».

Скорее всего, именно в эти дни генералу доставляют копию телеграммы председателя правительства Спиридона Денисовича Меркулова, адресованной Х. П. Биричу: «Вы являетесь Особоуполномоченным правительства. Вам должны подчиняться все гражданские и военные власти...»

Как утверждал Бирич, Поляков имел секретное распоряжение захватить по приходе в Петропавловск парход «Охотск», но часть офицеров и солдат 1-й сотни категорически отказалась участвовать в этом, более того, заявила о готовности противодействовать данному приказу.

20 января 1922 г. не состоялось первое заседание по сельскому самоуправлению, на которое Х. П. Бирич пригласил председателя Думы Ч. К. Щипчинского, городского голову Е. А. Колмакова, мирового судью Н. М. Успенского, заведующего канцелярией Ф. Д. Стецюка, старшего делопроизводителя В. А. Павлова, делопроизводителя М. Я. Марамзина, заведующего сельхозфермой И. Ф. Голованова, бухгалтера казначейства С. Г. Ошева и по одному представителю от Завойко, Сероглазки, Авачи, Микижи, Хутора и Паратунки, а также отдельных селений, если они смогут приехать в Петропавловск к этой дате. Председательствовать на таких заседаниях должен был представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов.

В связи с введением в действие Временного положения об управлении Охотско-Камчатским краем Бирич хотел выяснить, «какие частичные изменения и исправления» следует внести в организацию сельских обществ, здоровых уставов которых, заложенных еще в дореволюционное время, не удалось разрушить даже большевикам.

Стройную же, законченную систему органов сельского самоуправления предполагалось создать «в законодательном порядке путем рассмотрения этого вопроса в Приамурском Народном собрании при участии депутатов от Охотско-Камчатского края».

Утром 21 января Х. П. Биричу доложили с маяка, что парход «Охотск» показался в море. Около полудня парход вошел в лед Авачинской губы и остановился в 0,7—0,8 мили от города. Бирич распорядился выслать со «Свири» на «Охотск» часовых. «Свирь» заранее начала пробивать проход во льду из Ковша на внешний рейд; утром 22 числа работы были закончены, а к вечеру «Охотск» вошел в Ковш.

Прибывшие с «Охотском» члены Особого совещания по камчатским делам первый демократически выбранный в 1917 г. руководитель области Александр Антонович Пурин и председатель Петропавловской городской Думы в 1919—1920 гг. Иннокентий Дмитриевич Добровольский перебрались на берег по льду еще 21 января.

За их подписью в сельские и волостные управления Камчатки ушел циркуляр, в котором говорилось, что приход «Охотска» — результат «целого ряда» докладов Особого совещания правительству о необходимости присылки парохода с продовольствием, учебными пособиями и медикаментами.

«Совещание командировало нас, — писали Пурин и Добровольский, — для ознакомления с положением на месте», чтобы по возвращении во Владивосток сообщить правительству обо всем подробно.

«В дальнейшем предстоит большая работа. Особенно деятельное участие в совещании принимает его председатель Сергей Петрович Руднев, член Народного собрания. Наиболее серьезными вопросами... являются горный, пушной, рыбный, школьный и медицинский. Для ваших всех нужд желательно получать наиболее исчерпывающие сведения. Совещание многого не обещает, но по силе возможности будет всецело отстаивать ваши нужды, клонящиеся к пользе Охотско-Камчатского края и не идущие вразрез с общегосударственными целями и задачами».

Прибытие «Охотска» стало событием еще и потому, что зимой суда Добровольного флота на Камчатку не ходили. Навигация на линии Владивосток — Петропавловск открывалась в мае-июне и закрывалась в октябре-ноябре. 21 января 1922 г. пароход «Охотск» нарушил эту традицию.

На его борту находилось 10 055 пудов груза. Одна десятая его принадлежала А. М. Березовскому, остальное — шестнадцать другим коммерсантам. По договору с Владивостокским портом Березовский обязался заплатить 5 000 иен за перевозку пассажиров и груза плюс 150 иен за каждые просроченные (свыше пятидесяти дней) сутки рейса. Кроме того, на нем лежало снабжение за свой счет «Охотска» на переходе в Петропавловск и обратно углем, водой, смазочными и обтирочными материалами с момента подачи парохода под погрузку.

Согласно § 2 договора фрахтователь, то есть Березовский, целиком отвечал за сохранность всего перевозимого на судне груза. Между тем около 500 пудов мяса «было по пути выброшено за борт» и 176 пудов привезено в испорченном виде. Не хватало и многих других продуктов.

«За недоставленное и утраченное Березовский обязан возместить убытки казны полностью, — докладывал правительству Х. П. Бирич, — то есть уплатить по рыночным ценам Петропавловска. В обеспечение интересов казны я дал распоряжение грузоотправителю — директору фирмы “Китомарус”

Пилецкому задержать во Владивостоке расчет с Березовским и причитающиеся ему платежи как отправителю грузов...»

Обнаружилось также, что «Охотск» — «совершенно без угля на возврат». Гражданская администрация выделила ему сто тонн, после чего весь запас «Свири» и еще одного судна СЭО — «Взрывателя» составил пятьдесят тонн — меньше, чем на месяц.

По этой же причине без угля оставались и казенные здания с центральным отоплением. Отопление их дровами и поддержка «небольшого пара» на судах (при рыночной цене погонной сажени 28 руб.) выливалось в довольно-таки крупную сумму.

На «Охотске» приехал друг Бочкарева Георгий Георгиевич Бек, в прошлом прапорщик — сорокатрехлетний дворянин. И сразу же отправил телеграмму в Наяхан начальнику СЭО: «Дорогой Валериан! Приехал с открытым сердцем служить идее, тобой возглавляемой, взял с собою коммерческую организацию... Здесь сейчас имею свыше пятисот ведер спирта, двести пудов сахара-рафинада, пятьсот пудов мануфактуры английской, пятьсот пудов чая.

Цены мне затруднительно сейчас сказать, поставлю в Тигиль средние рыночные Камчатки. Во всяком случае, дешевле конкурентов. Твое доброжелательное предложение прибыть к 10 июня с указанными товарами намерен использовать в полной мере. Прошу тебя завтра к аппарату для конкретных переговоров при участии директора фирмы Пилецкого. Всей душой рад служить в данном случае делу большого государственного значения».

...Командование Петропавловского гарнизона ожидало подкрепления, но его на «Охотске» не оказалось. Внутренний уклад воинской части к этому времени был нарушен еще одним обстоятельством. Ю. М. Дельсаль с помощью сотника Бодрова, неуживчивого и всюду вносившего разлад, тайком вербовал казаков в милицию, обещая им увеличение жалования, улучшение материальных условий и вообще более легкую службу.

Одновременно с вербовкой, якобы разрешенной генералом Поляковым, велась критика командования и его приказов, создавших, как считал Н. А. Поляков, «общую картину, памятную уже по разрушению нашими врагами Великой Русской Армии».

23 января 1922 г. начальник гарнизона получил приказ Х. П. Бирича о формировании из находящейся в Петропавловске части СЭО военной милиции с полным ее подчинением гражданской власти на основании правительственных распоряжений по переходу на мирное положение.

Должность начальника гарнизона и жандармской полиции — команды с правоохранительными и таможенными функциями упразднялась. Отрядники, не пожелавшие продолжать службу в военной милиции, могли отбыть на «Охотске» во Владивосток.

25 января 1922 г. состоялся телеграфный разговор между Петропавловском и Облуковино, откуда дал о себе знать священник о. Петр, направляющийся в штаб отряда — в Наяхан.

Он сообщал, что с большим трудом добрался до этого населенного пункта на западном побережье Камчатки (селение располагалось на берегу одноименной реки на территории нынешнего Соболевского района). «Население к нам и власти относится великолепно. Исполняю приказание генерала — выдаю служащим по 75 руб. и, кроме того, даю распоряжение о выдаче продуктов: по двадцать пудов муки и два кирпича чаю, и двадцать аршин мануфактуры. Население повсюду ждет меня и просит разрешения вопросов, в которых я даже не компетентен».

В качестве примера о. Петр приводил селение Мономахово — сейчас Соболево — где хранились мука, соль и другие продукты, доставленные сюда при красных Союзом кооператоров; он установил на свои товары баснословно высокие цены. Все это лежало мертвым грузом. Мука портилась и пожиралась крысами.

Общество потребителей обратилось к священнику: как быть? Тот создал комиссию, она решила, что продавать продукты по установленной Союзом камчатских кооперативов цене невозможно. Священник посоветовал сделать скидку на весь товар с таким расчетом, что, если не будет переоценки, общество потребителей могло бы на вырученные деньги купить те же продукты и возратить хозяевам.

«Все население, — телеграфировал о. Петр, — нуждается в учительском персонале. Во многих местах учителя приглашены без прав. Отовсюду хотят посылать нарты за учебными пособиями и медикаментами. Можно ли что-нибудь получить в Петропавловске?»

Телеграфная линия приходит в упадок, и вряд ли на будущий год можно будет работать. Самый скверный участок — Усть-Большерецк — Кол. Говорил с начальником Коловского отделения... чтобы исправить линию, необходимо сейчас же подвезти и заменить все березовые столбы... Население будет согласно исправить линию, если будет уплачено за это продуктами. Прошу на это разрешения, а также заплатить старые долги по ремонту линии продуктами из запаса Союза.

Большевистской властью в некоторых местах было разрешено выдавать учащимся по 100 руб. в месяц продуктами из кооператива. Как поступить с этим? Жду от генерала ответа и дальнейших инструкций. Если можно, пусть подойдет к аппарату... Поклон всем соратникам и доброго здоровья. Нашли ли тело замерзшего хорунжего Таута?»

Петропавловск (сотник Петр Федорович Болотов) отвечал: хорунжий не найден, а генерал находится на совещании у Бирича.

Помимо Н. А. Полякова на этом совещании присутствовали Н. М. Соколов, А. А. Пурин, Ч. К. Щипчинский и исполняющий обязанности командира «Свири» Г. Я. Бойко. Они именовались комиссией по вопросу организации команды военной милиции.

Решено было образовать из части действующего в Петропавловске СЭО местную команду по типу учрежденной 23 марта 1913 г. «с подчинением ее в полицейском отношении Особуполномоченному, а в строевом, инспекторском и хозяйственном — той военной власти, которая будет указана Приамурским правительством».

Состав местной команды — шестьдесят человек при трех офицерах. В интересах поддержания боеспособности и дисциплины комиссия нашла желательным считать ее частью СЭО. Непременное условие службы в команде — «ясное и сознательное отношение каждого к Верховной власти в лице Приамурского Правительства и его главного представителя на Камчатке — Особуполномоченного... Всякий, кто неодобрительно отозвется об этих властях или будет агитировать за неподчинение... должен быть немедленно арестован и предан суду».

Сформированная 28 января 1922 г. местная команда оказалась вдвое меньше, чем предполагалось, однако в ее штат были включены четыре офицера. Начальником команды стал есаул А. И. Чешкин, пятьдесят девять казаков (по сведениям красных партизан) остались в подчинении Н. А. Полякова.

30 января конвонец прапорщик Николай Павлович Воинский выстрелами из револьвера ранил отрядника Гофолева и местного жителя...

А. А. Пурин и И. Д. Добровольский информировали С. П. Рудневу: «Отношение населения к правительству самое доброжелательное... В силу особого положения и острого переживаемого момента предстоит огромнейшая работа по воссозданию экономической жизни и поддержанию русского дела в крае...

Вся команда «Свири» обносилась, нечего одеть, необходимо сорок три комплекта полного обмундирования, подвозка угля, ремонтных материалов... Все недоразумения с большим трудом улаживаются».

Примерно в то же время Х. П. Бирич телеграфировал С. Д. Меркулову: «Путем чрезвычайных усилий общими стараниями удалось смягчить... парализовать влияние Наяхана...»

Год спустя на допросе в ГПУ Хрисанф Платонович скажет: «Неудачное назначение командного состава воинской части и ее начальника Бочкарева вызвало проявление злой воли лиц, не признающих никаких моральных преимуществ... В отряде много было людей порядочных во всех отношениях и беззаветных бойцов, но они были перебиты своими же или же подчинились преобладающей силе».

Х. П. Бирич располагал непроверенными данными, что на охотском побережье таким вот образом погибли до шестидесяти военных. То есть — каждый седьмой...

ЧТО ЗНАЮТ ЗАЛОЖНИКИ

В феврале 1922 г. в Сероглазкинский сельский комитет поступили заявления от жителей этого селения Федора Васильевича Третьякова и Алексея и Александра Черных. «30 января я выехал в селение Халактырку, — писал Третьяков, — приехал туда приблизительно часов в двенадцать дня, застал там коммунистов; коммунисты меня задержали; говорили, что обожди до завтра; на следующий день я сказал Ларину (председатель Камчатского областного нарревкома, сокращенно КОНРК или ОНРК, ушедшего с приходом белых в сопки. — *В. П.*), что поеду домой, на это Ларин сказал, что ехать нельзя, и я выехал уже на третий день, коммунисты просили, чтобы я не говорил никому о прибытии коммунистов в селение Халактырку».

Братья Черных в тот же день, 30 января, отправились на охоту «в вершину реки Налочеве» и «дорогой у Половинки речки» тоже наткнулись на красных партизан, которые предложили им повернуть назад в Халактырку. Охотники, однако, туда не пошли, а возвратились в родное селение. В своем заявлении Черных приводили слова коммунистов, что те «будут созывать съезд для свержения власти».

К тому времени Сероглазкинский сельком имел в своем распоряжении обращение к населению Охотско-Камчатского края Х. П. Бирича. Он полагался на сознательность камчатцев, говорил о них, как о людях, не поддающихся пропаганде «кучки авантюристов», а пропаганда эта заключалась в следующем: не подчиняться органам новой власти, не платить ей налогов и податей.

«Для успокоения населения» особоуполномоченный в очередной раз подтверждал: «Небольшая кучка скрывающихся где-то в тайге коммунистов не имеет и не может иметь за собой никакой реальной силы». Бывший устькамчатский рыбопромышленник Х. П. Бирич заявлял: «Прожив среди камчатского населения в течение десяти лет, я лично твердо уверен, что местные коренные жители сами переловят нарушающих его спокойную жизнь агитаторов-смутьянов и передадут их в распоряжение властей для высылки их за пределы территории Временного правительства в советский край».

Обращение Х. П. Бирича заканчивалось так: «На жалкие же покушения граждан Лариных, Щербаковых и К^о изобразить из себя какое-то подобие власти убедительно прошу жителей города Петропавловска и всего Охотско-Камчатского края не обращать никакого внимания».

30 января 1922 г. исполняющий обязанности заведующего училищами области П. Т. Новограбленов спрашивает телеграфом согласие начикинского старосты на прием учителя Лукомского и, в случае благоприятного ответа, просит выслать за ним в Петропавловск нарту, подготовить класс и комнату (приедет, дескать, со всеми школьными принадлежностями и продукта-

ми). На другой день с аналогичной просьбой Новограбленов обращается по телефону в Мильково, рекомендуя названное лицо «как интеллигентного, хорошего человека». После возвращения в город советской власти П. Т. Новограбленов, обвиненный в контрреволюции и «вспомогательстве в укреплении белой банды», скажет членам следственной комиссии при ревтрибунале, что рекомендовал Лукомского по представленным документам и назначить его самолично, без согласия сельского общества, не мог.

Из рапорта Н. А. Полякова члену Приамурского правительства по военным и иностранным делам от 20 апреля 1922 г.: «Прибывшие с пароходом “Охотск” представители фирмы “Китомарус” И. В. Пилецкий и Г. Г. Бек, нуждаясь в охране в пути товаров, отправляемых ими на нартах вдоль западного побережья Камчатки, предложили начальнику Северного экспедиционного отряда перевезти 1-ю сотню, подлежащую отправке во Владивосток, на присоединение к отряду в Гижигу или Наяхан каюрным путем с тем, что в пути она явится охраною транспортов. Начальником отряда согласие на то было дано, и последовало приказание мне выступить теперь же с 1-й сотней на присоединение к отряду через Тигиль.

Сообщив об этом особоуполномоченному, прося его удовлетворить уезжающих чинов отряда жалованием и материально обеспечить остающиеся здесь до первого парохода семьи отрядников, я получил секретное отношение от 9 февраля с. г. за № 8, в котором особоуполномоченный заявляет, что “отправка какой-либо команды в Наяхан или Гижигу зимним путем ни совещанием, ни приказом не предусмотрена и не вызывается требованием необходимости, потому что в Гижигинском районе большевиков нет и борются там не с кем”, и своего согласия на перевозку сотни не дал».

Почему отрядники под командованием генерала Полякова собирались идти на соединение с основными силами полковника Бочкарева по западному побережью? Из переговоров с «местными обывателями гг. Захаровым, Косыгиным и Шкляевым» друг Бочкарева Г. Г. Бек выяснил, что этот маршрут предпочтительнее и по снабжению людей продовольствием, и потому, что «большинство охотников возвращается с охоты в половине февраля и, таким образом, возможно арендовать большее количество нартов».

Г. Г. Бек взял на себя все расходы по переброске отрядников до Тигиля, рассчитывая возместить свои затраты на основании договора с Бочкаревым.

«Но, — значилось далее в рапорте генерала, — рассматривая эту операцию как частное соглашение между... Бочкаревым и прапорщиком запаса Беком», особоуполномоченный потребовал от Бека в счет обеспечения всем необходимым отрядников по пути следования внести в Казначейство десять тысяч золотых рублей с указанием, что «казна никаких расходов по передвижению и продовольствию отряда с момента выхода его из Петропавловска не имеет».

Данное требование Бирича, как и «следовать отряду двумя эшелонами с недельным промежутком выхода», — генерал Поляков считал невыполнимым. Последнее представлялось ему таковым «ввиду наличия в области бродячих большевистских шаек, которые не преминули бы воспользоваться таким дроблением сил... и могли бы иметь успех при нападении...»

Получив телеграфное приказание начальника СЭО В. И. Бочкарева выехать в Гижигу, генерал Поляков приступил к «организации транспорта, с какой целью в ближайшие селения был командирован полковник Лукомский для найма нарт». 12 февраля 1922 г. на имя генерала поступило донесение: Лукомский «захвачен большевиками в плен и отправлен, как заложник, в глубь области». Одновременно стали приходиться сведения о подготовке красными наступления на Петропавловск.

4 февраля отряд красных партизан перебазировался в селение Авача, поближе к городу. Их военный совет постановил блокировать его, не пропуская белых в уезд. Партийный вожак М. И. Савченко был назначен начальником штаба при командующем Н. П. Фролове, бывшем главе областной милиции.

Потерявший власть с приходом в конце октября 1921 г. в Петропавловск казаков, Камчатский облнарревком продолжал проводить заседания «в сопках». 10 февраля 1922 г. он обсудил поведение своего члена и члена боевого отряда Ивана Ивановича Флетчера, который, взяв отпуск для свидания со своим семейством в Петропавловске и прибыв туда, «предался пьянству, открыто ходил по городу, желая, видимо, чтобы его задержали, дабы иметь возможность остаться в городе Петропавловске, что и случилось на самом деле».

Облнарревком, находя поведение И. И. Флетчера «крайне позорным и недостойным», исключил его из членов КОНРК с момента ухода из отряда, то есть с 22 января, и постановил привлечь к ответственности «по законам революционного времени».

...6 февраля особоуполномоченный Х. П. Бирич информировал председателя Приамурского правительства: «Взамен снявшего с себя кандидатуру Добровольского от домовладельцев и коренного населения Петропавловска избран депутатом Народного собрания Артюхин, прошедший на новых выборах первым гласным Петропавловской городской Думы».

Спустя неделю городская управа вручила ему наказ: «Милостивый государь Василий Иванович, по поручению Петропавловской городской Думы от 13 февраля, городская управа поручает и просит вас о нижеследующем: участвовать в Охотско-Камчатском совещании при Временном правительстве Приамурском». Документ подписали городской голова Е. А. Колмаков и секретарь Думы и управы В. И. Румянцев.

Особоуполномоченный назвал справедливым замечание совещания относительно расстановки на ответственные посты по областному управле-

нию «лиц, мало соответствующих по своим политическим взглядам и моральным качествам». Касательно одного из них, Х. П. Бирич оправдывался: «Назначенный мною заведующим продовольственным отделом области Бадах, имеющий в своих руках все счета областных кооперативов, которые имеют очень значительную задолженность казне, необходим мне для ознакомления с операциями кооперативов каждого в отдельности и окончания отчетов о полном их расчете с казною. Другого подходящего лица для выполнения этих работ при управлении нет».

В том же письме председателю Особого по делам Охотско-Камчатского края С. П. Рудневу Бирич, учитывая чрезвычайно обильные природные богатства подведомственной ему территории, связывал ее экономические перспективы с широким развитием добывающей промышленности, которую подразделил на четыре отдела: горное дело, золото и другие полезные ископаемые; лесное дело; рыболовство и добывание морских зверей; котиковое, бобровое и песцовое дело на Командорских островах.

«Развитие промышленности во всех этих областях, — писал он, — требует глубокого и тщательного изучения и крайней осторожности в случае необходимых неотложных решений, однако в ближайшее же время нужно предоставить широкую инициативу в деле открытия горных предприятий крупным капиталистам».

Х. П. Бирич перечислил проблемы, не терпящие отлагательств. Открыть фактически еще закрытую стоверстную полосу в Охотско-Камчатском крае для частных предпринимателей по добыванию ископаемых богатств. Разрешить лесные концессии, за исключением крупных площадей по долинам камчатских рек. Решить вопрос «о длительности срока рыболовной конвенции с японским правительством».

В целях сохранения рыбных богатств края бывший рыбопромышленник Бирич предлагал «увеличить расстояние от устья рек при сдаче в аренду морских рыболовных участков» (тогда это расстояние было двухверстным. — *В. П.*), вменить в обязанность арендаторам — крупным рыбопромышленникам на значительных реках — «устройство рыбообразовных заводов с выпуском хотя бы десяти миллионов мальков в год».

По мнению Х. П. Бирича, в Охотско-Камчатский край следовало послать «достаточный состав объездчиков с соответствующей инструкцией для осмотра законности работ на морских и рыболовных участках и проверки арендных прав предпринимателей», тем более, что в последнее время охрана и конт-роль промыслов «фактически совершенно отсутствовали».

Вопрос о Командорских островах, полагал Бирич, можно решить двумя способами: отдать их в концессию частным лицам или фирмам, либо «оставить их запретными в целях сохранения пушного зверя на более или менее

продолжительный срок» (он имел сведения, что количество зверя там за последние годы уменьшилось более чем на 30 %).

...Между тем, о предстоящей переброске на север отряда белых стало известно партизанам. 14 февраля 1922 г. в восемь вечера в Завойкинское волостное правление явились председатель КОНРК И. Е. Ларин, А. С. Лукашевский, И. Селиванов и С. Е. Морев. Они попросили одного из руководителей волости Григория Матвеевича Бибикова созвать сельский сход для оповещения населения о создавшемся положении, но сделать это не было возможности, так как большинство жителей находилось на охоте. Тогда прибывшие высказали пожелание получить бумагу, что Завойкинская волость «выносит протест правительству Бирича и оказывает облкому активную моральную поддержку». Таковую, однако, Г. М. Бибиков выдать им без ведома населения отказался, о чем рассказал впоследствии в ОГПУ весной 1923 г., когда его допрашивали по делу гласных Петропавловской Думы.

На другой день в с. Завойко приехал Григорий Никодимович Попов из Сероглазки. Он привез протокол сельского схода сероглазкинцев за № 28 от 15 февраля и сообщил: облнарревком со своим отрядом, по донесению охотников, расположился у Сероглазкинской речки.

Сельский сход в Сероглазке (председатель В. Г. Крупенин, секретарь Г. Н. Попов), рассмотрев вопрос «О вооруженном выступлении коммунистов в количестве около семидесяти пяти человек, которые стараются вовлечь местное население к свержению существующей областной власти и которые в настоящее время двинулись по тракту в селение Завойко», постановил: «Принимая во внимание, что всякое вооруженное выступление в городе даст основание иностранцам (японцам. — *В. П.*) высадить десант и оккупировать город, сельский сход, во избежание этого», предупреждает: если это произойдет, «все подобные русские подвергнутся с нашей стороны жестокому наказанию».

«В начале марта сего года у нас назначен съезд нескольких волостей, на котором будут разрешены все областные вопросы. Все, которые идут сейчас к вооруженному выступлению, ведут область к анархии и дают право иностранцам вмешаться в наши дела, в противном случае мы обратимся к японскому командованию (военных кораблей, курсирующих по побережьям и регулярно заходящих в Петропавловск. — *В. П.*) за содействием».

Постановление Сероглазкинского схода завершалось словами: «...предложить коммунистам не занимать здания нашего волостного комитета, а также чтобы они не беспокоили и не задерживали местных жителей».

Под данным постановлением подписались все 15 присутствующих: И. М. Дьячков, П. И. Виноградов, В. Г., И. Г. и П. А. Крупенины, Г. Н., К. Н., С. Н. и С. Ф. Поповы, Г. И. Томский, П. В. и Ф. В. Третьяковы, Александр и Алексей Черных, Чю-чи-лю.

В упомянутом выше рапорте генерала Н. А. Полякова говорилось: «15 февраля я был приглашен к особоуполномоченному, где мне было сообщено, что большевики в количестве сорока человек сосредоточились в деревне Авача, в пятнадцати верстах к западу от Петропавловска, по тракту на деревню Завойко, и этот передовой отряд прервал сообщение с областью. При этом г. Бирич просил моего совета как военного специалиста.

Сознавая тяжелое положение защиты города в тот момент, когда политикой и действиями г. Бирича гарнизон уже превратился в разрозненную силу с подорванной воинской дисциплиной, что ясно учитывали большевики, я счел необходимым первым условием для успешного отражения наступающих красных поставить то положение, которое продиктовано основами военного дела, а именно — единство командования.

16 февраля с. г. город и его окрестности были объявлены на военном положении, и словесным приказанием особоуполномоченного я был назначен начальником обороны города Петропавловска. Такого же числа были начаты оперативные действия против наступающих большевиков, и наши части вошли в боевое соприкосновение с противником на 6-й версте по тракту на запад от города».

Ночью 16 февраля, писал Х. П. Бирич в дополнении к докладу председателю Приамурского правительства, произошла стычка с красными, «двое военных ранено».

«По случаю глубокого снега и неопытности воинских частей в ходьбе на лыжах, командирование отрядов вглубь найдено нерациональным и решено укрепить заставы и охрану ближайших окрестностей города.

Городское самоуправление решением Думы единогласно заявило свой протест выступлению большевиков и для объявления своего решения послало делегатов Артюхина и Кобцева к главарям большевиков с предложением прекратить вооруженное выступление».

Особоуполномоченный не называет третьего делегата и, наверное, не случайно. Скорее всего, он не доверял ему, а возможно, и разделял мнение поручика Маслова, старшего офицера «Свири», передавшего своему командиру бумагу следующего содержания: «...местный житель, домовладелец и даже состоящий при городском самоуправлении в качестве члена Косыгин Николай П. в политическом отношении неблагонадежен, крайне левого направления и страшно вредит настоящему положению, занимается агитацией против существующей власти в пользу большевиков, и, по-видимому, даже общает им все наше положение.

Мнение и факты о нем в этом направлении известны не только мне, но даже жителям, гг. офицерам, матросам и солдатам, а по сему прошу принять меры к тому, чтобы эта сволочь не могла вредить нашему общему делу за освобождение Великой России».

Бумага датирована февралем (неизвестно лишь, до инцидента 24 числа, когда Н. П. Косыгина ударил пьяный казак, или же после), а зарегистрирована канцелярией особоуполномоченного 14 марта, в то время как делегация ездил к красным в середине предшествующего месяца и ее состав, судя по всему, утверждал Х. П. Бирич.

17 февраля 1922 г. думские парламентарии приняли участие в совещании представителей Завойкинской волости. От Сероглазки приехали К. П. Попов и И. Е. Крупенин, от Хутора И. Поротов и Дымов, от Коряк — М. Чудинов, от селения Тихая — М. Чудинов. Семь человек прислала Авача: А. и П. К. Найновых, С. Рязанцева, А. Колмакова, В. и И. Третьяковых, В. Пономарева. Столько же представил волостной центр селение Завойко (в 1923 г. переименовано в Елизово) — В. Ангелец, И. Балайко, Г. А. и П. Г. Ворошиловы, П. Г. Машихин, П. П. Шаболин и И. А. Шкляев.

Обсудив «всесторонне создавшееся серьезное положение и желая предотвратить всякое вооруженное столкновение, с чьей бы стороны оно не исходило», завойкинское совещание призвало белых не производить переброску казаков в глубь области, а обларревком — немедленно убрать свои отряды «с занятых ими вблизи Петропавловска позиций». В случае передвижения красных по партизанским или личным нуждам совещание гарантировало им полную неприкосновенность и о том же просило Х. П. Бирича. Если враждующие стороны не прислушаются к завойкинцам, и вооруженное столкновение все же произойдет, то вся ответственность за его последствия ляжет «на сторону, начавшую выступление».

Совещание проходило под председательством одного из руководителей волостного комитета Григория Матвеевича Бибикова, по социальному происхождению крестьянина, по основной профессии охотника, который с восстановлением советской власти работал делопроизводителем и членом Елизовского волревкома, а в 1928 г. даже попытался вступить в партию большевиков.

Не приняли, мотивируя отказ тем, что «в период партизанской борьбы... мог бы сделать услугу партизанским отрядам, в действительности же за его подписью не только по своей волости, а по всей губернии от имени Завойкинского волостного комитета рассылались отношения и воззвания против обларревкома и партизан». И потом, с 1923 г. «тов. Бибиков ничем особенным себя не проявил и особых заслуг перед партией и советской властью не имеет». Ему предложили — ежели он «осознал полезность партии и советской власти, доказать это на общественной и советской работе». В комиссию по проверке вновь поступающих в партию, которая рассматривала заявление Бибикова, входил бывший председатель обларревкома И. Е. Ларин.

Г. М. Бибиков избежал репрессий 1930-х гг., хотя в одном из тогдашних дел № П-56752 его фамилия фигурирует. В агентурном сообщении от 2 апреля 1934 г. он, служащий почтового отделения села Елизово, был охарактеризо-

ван так: «инвалид — отсохли ноги, хитрый, развитый мужик... жалуется, что живет неважно».

Через двадцать восемь лет, рассказывая корреспонденту «Камчатского комсомольца» о былом, Григорий Матвеевич причислит себя и к сочувствующим красным партизанам, и к помогающим им.

...Возвратилась делегация Петропавловской Думы домой, так и не достигнув главной своей цели: от переговоров с ней руководство облнарревкома уклонилось. 22 февраля 1922 г. И. Е. Ларин информировал о происшедшем военный революционный штаб отряда КОНРК: «... в Коряках мы узнали, что заместитель председателя Бибиков созывает совещание волости из наличного состава населения. Нас очень удивило, что во время нашего пребывания он не мог созвать собрание, а тут созывается совещание.

Затем я был приглашен к фonoпору (телефонная связь, когда абоненты говорят и слушают друг друга поочередно, и их разговор становится достоянием всех, кто находится на линии. — *В. П.*) для переговоров с Бибиковым, который приглашал меня на совещание, а затем приглашали городские представители, которые указали, что, мол, ваша и Фролова жены арестованы — необходимо поэтому указать им, где находятся полковник Лукомский и Самсонович — я ответил, что по этому вопросу они могут обратиться к штабу — далее они заявили, что если не будет освобожден Лукомский, то офицеры Полякова примут к нашим семьям репрессивные меры.

Я ответил, что революция без жертв не бывает. А затем категорически заявил, что на совещание прибыть не могу, так как ходить взад-вперед по Камчатке пешком не намерен. Указав им, что совещание могли созвать, когда я был в Завойко. Во всем этом играл первую скрипку Бибиков, а также Сероглазка со своим постановлением».

Докладывая Думе о поездке к партизанам, гласный В. И. Артюхин упомянул 19 февраля о заложниках: «В селе Авача мы увидели Фролова, которому я говорил о причинах ареста его жены и жены Ларина, на что он мне ответил, что это слишком бесчеловечно, нехорошо, варварство вымещать злобу на ни в чем не повинных людях, что это противоречит обращению к населению Камчатки Временного правительства».

О Лукомском выразился, как о человеке интеллигентном, и, якобы, такие люди, как он, очень нужны им, а освобожден он будет лишь по выяснению общего вопроса и дал заверение, что Лукомский будет неприкосновенен.

Далее просил Думу обсудить вопрос об освобождении из-под ареста его жены и жены Ларина, причем предупредил, что если их не освободят, то их отряд «будет делать налеты на город или совсем обложат. Общая же цель отряда комитета — это не допустить части отряда генерала Полякова прорваться в Наяхан к Бочкареву и творить насилие над жителями».

В. И. Артюхин спросил Думу, кто распорядился «в первый раз» выставить военный караул за селением Сероглазка. Присутствующий на заседании начальник обороны г. Петропавловска генерал-майор Н. А. Поляков ответил: «Особоуполномоченный Бирич». В начале 1923 г. на допросе в ГПУ бывший председатель Сероглазкинского селькома В. Г. Крупенин подтвердил, что «общество» послало его с Саввой Поповым к Биричу. В городе встретил Колмакова (городского голову. — *В. П.*), тот повел к Биричу. На третий день его пригласили в Думу насчет партизан. Он представил заявления охотников и «пояснил о постановлении общества». Бирич давал охрану в Сероглазку, но Крупенин отказался — «общество не уполномочивало».

Сельский сход, пославший В. Г. Крупенина и С. Попова в Петропавловск, состоялся 15 февраля 1922 г., и, по словам председателя селькома, «уже смеркалось, солнце еще не закатилось», когда они с Саввой засветло вернулись из города. То есть военных они не приводили. Но 16 февраля караул во главе с сотником Бодровым уже был в Сероглазке.

Пришло семь или восемь человек. Поселились у Ильи Черных, тот пил с ними, как и В. Г. Крупенин. В тот же день вновь собирался сельский сход. Возможно, как и предыдущий, в доме охотника Гавриила Ивановича Томского, который, подобно братьям Алексею и Александру Алексеевичам Черных и Федору Васильевичу Третьякову, подавал заявление в сельком на притеснения красных партизан. 6 июля 1938 г. колхозника артели им. Кирова Г. И. Томского арестуют, а 26 августа расстреляют. К тому времени он имел пятерых детей: четырех сыновей и дочь (от двух до одиннадцати лет).

Кроме командированного в Завойко секретаря сельского комитета Григория Попова, на сходе выступал чиновник для особых поручений особоуполномоченного Ю. М. Дельсаль. В. Г. Крупенин не запомнил, что он говорил; прибывший вместе с ним из города сын Х. П. Бирича Арсений молчал. После собрания они сразу же уехали. На другой день, — вспоминал В. Г. Крупенин, — один из партизанских вожakov В. М. Чекмарев предъявил сельчанам ультиматум: уберите караул, иначе — наступаем на Сероглазку. Бодров уйти отказался...

Где находились в этот момент красные? Сначала, рассказывал Г. А. Машихин, их штаб располагался «в районе десятой версты от города к Елизово, вверху по речке 2-й Крутобереговой», и он уверял, что, «проезжая мимо этого места, иногда разговаривал с караулом красных, стоящим в лесу около дороги», они его знали и выходили из кустов.

Между тем, с военным караулом в Сероглазке вышло «маленькое недоразумение». Отчитываясь о поездке мирной парламентской делегации в стан красных, ее руководитель, депутат Приамурского Народного собрания В. И. Артюхин заметил: «Я слышал здесь, что караул поставлен по инициативе сероглазкинцев, но, странно, что на совещании в Завойко представитель Сероглазки

говорил как раз наоборот и даже просил о снятии этого караула, так как они, якобы, боятся большевиков, что, благодаря караулу, на их деревню будет первое нападение большевиков, а то бы они, может быть, остались в стороне».

В. И. Артюхин информировал Думу о записке командующего партизанами Н. П. Фролова в Сероглазкинский сельком с требованием снять военный караул, в противном случае селу не избежать нападения красных. Руководитель делегации упоминает также о стычке между партизанами и военными после проезда парламентарями селения Авача: казаки пошли в разведку и наткнулись на красных, которые, отвечая на их стрельбу, двоих ранили.

Возвращаясь к вопросу о заложниках, В. И. Артюхин предложил Петропавловской городской Думе возбудить ходатайство перед властями об освобождении жен Ларина и Фролова. Присутствовавшие на думском заседании представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов и генерал Н. А. Поляков подтвердили свою позицию: женщин отпустят немедленно, едва партизаны сделают то же самое в отношении Лукомского и каюра Самсонова.

В анкете губженотдела, заполненной Дарьей Петровной Лариной 29 декабря 1923 г., указана дата ее ареста — 16 февраля 1922 г., после наступления партизан на город. Ларина пишет, что ее арестовали вместе с Фроловой «и еще 16 человек, просидели мы на пароходе “Свирь” один месяц». По рассказу жены другого красного партизана Полины Васильевны Лукашевской, она тоже была посажена на этот пароход, где, помимо Лариной и Фроловой, встретила Матрену Ивановну Чекмареву.

В 1968 г. «Камчатский комсомолец» в публикации «Адрес — улица имени мужа» описывает, со слов Лукашевской, ее помощь партизанам до ареста: «Однажды посланец принес ей большую пачку бумаги. В ответ на удивленный взгляд пояснил: это листовки. Их надо незаметно расклеить на улицах, в них важное сообщение партизанского штаба, жители должны были прочесть листовки». О чем шла речь в этих листовках, не уточняется, но говорится, что Полина Лукашевская расклеивала их вместе с соседским пареньком Мишей Стоусом на Верхней улице (ныне Партизанская), а однажды «ворвавшиеся ночью солдаты и офицер все перерыли, забрали Полю с собой, едва дав ей закусать малышку (семимесячную дочь. — В. П.)».

«В течение нескольких дней, — вспоминала спустя сорок шесть лет жена красного партизана Лукашевского, — женщин избивали, не давали есть, пытались добиться от них сведений о партизанах. Но так ничего и не добились...»

Подробности пребывания партизанских жен на «Свири» всплыли еще раз в том же 1968 г., в той же газете. На материал о П. Лукашевской откликнулась бывшая связная Вера Панова-Афанасьева из Ленинграда. «Мы носили им передачи. Часто в хлебе проносили записки от мужей, хотя обыск был строгим».

...18 февраля начальник обороны г. Петропавловска Н. А. Поляков издал приказ № 4 о ночной охране областного центра добровольцами из числа его

жителей. Организацию охраны взяло на себя городское самоуправление при участии статского советника Н. М. Соколова.

Однако, если верить другому участнику событий, А. М. Дьячкову, охранять город стали раньше, в ночь на шестнадцатое. Накануне Н. М. Соколов собрал некоторых горожан, в основном домовладельцев, и среди них Шигаева, Савина, Неустроева, Таланцева. Находились там и городской голова Е. А. Колмаков, председатель союза домовладельцев Н. П. Косыгин.

По Дьячкову, «гражданин Неустроев говорил, что он первый пойдет в охрану — “прийдут большевики, разобьют нас, если мы не примем своевременных мер”». Дьячков оговаривается: присутствовал на совещании моментами, «так как меня посылали с поручениями — то отдать распоряжение потушить огни, то по сбору лыж с граждан».

«Охрана здесь же была организована, — продолжает А. И. Дьячков (выступая в качестве свидетеля по делу гласных Думы в 1923 г., когда служил, уже при советской власти, милиционером), — и кто не имел оружия, того снабдили им. В этот вечер город охраняли человек тридцать добровольцев, а затем было вменено в обязанность каждому домовладельцу участвовать в охране.

Некоторые граждане, как, например, Грызлов И. Д., отказались идти в караул, но его привлекли за это к ответственности и взяли подписку о невыезде... Начальником дружины был Н. Соколов, в период наступления партизан, приблизительно около месяца, его сменил начальник гормилиции Пригородский, Пригородского сменил Петр Александрович Круленин. Это я узнал от служащего канцелярии милиции Григорьева, который был правой рукой Пригородского и который впоследствии уехал с белыми.

Город был разбит на три района, одним из районов заведовал Одынец. Вся переписка по дружине была сохраняема в строжайшей тайне и направлялась в запечатанных конвертах с надписью “секретно”».

Согласно показаниям А. И. Дьяčkова, начальник милиции капитан артиллерии Дмитрий Иванович Пригородский имел переписку с военно-политическим розыском (армейской контрразведкой). Ему, к примеру, поступила бумага навести справки о семье Номова. Дьячков узнал об этом, зайдя в канцелярию милиции с Игнатием Поповым в отсутствие Пригородского, который в то время пьянствовал, а документы не запирались. Пригородский давал также заключение по поводу гражданина Федора Гурьянова — ему, как неблагонадежному, было отказано в выезде в Усть-Камчатск.

Переписка военных, полагал Дьячков, увезена ими, а гражданская — сожжена. Впрочем, Грызлов говорил ему, что какие-то бумаги могли сохраниться у служащего Торгового дома «Чурин и К^о» Позднякова, о чем Александр Иванович сообщил коменданту Петропавловска Фролову. Возможно, что-то есть и у брата епископа Даниила — Павла Шерстенникова — «он всегда при-

существовал на совещаниях в доме Федорова Петра Ивановича, там было “сборище”: Пригоровский, Успенский — судья, Новограбленов П. Т.».

Бухгалтер И. Т. Новограбленов был уверен, что идея организации охраны из добровольцев «ввиду недостатка личного состава служащих городской милиции» принадлежит Соколову. «В городе были две охраны. Первая охрана, где участвовали почти все горожане, и была другая группа, в которой участвовали, как я слышал, Крупенин, Успенский Николай Михайлович, других не знаю».

Охрана, состоящая из «всех горожан», патрулировала по трем участкам: нынешним улицам Ленинской, Советской и Партизанской от Култучного озера до ул. Красноармейской — тогдашнего Судейского городка. Начальниками участков были избраны соответственно Е. Ф. Одынец (гласный третьей — пятой Думы), С. В. Таланцев (кандидат в гласные третьей Думы) и Н. В. Савин (кандидат второй и четвертой). Каждый руководствовался инструкцией, составленной Н. М. Соколовым и утвержденной Н. А. Поляковым.

Самым авторитетным из них являлся почтово-телеграфный работник Е. Ф. Одынец. Его мнение о том, какая политическая сила должна править областью, не отличалась от мнения большинства населения. Поскольку Камчатка всецело зависит от материка, а материк — это, прежде всего, Владивосток, то: там белые — здесь белые, там красные — красные и здесь, но «две власти недопустимы». А лично сам он, Одынец, по его словам, «активно ни по отношению красных, ни по отношению белых не проявил себя».

Для чего организовали охрану? Вот как отвечали на этот вопрос добровольцы. Е. Ф. Одынец: «Исключительно следить за порядком в городе, чтобы не было дебоша. Время ее организации совпало со временем наступления большевиков на 8-ю версту». С. В. Ганцев: «Поддерживать тишину и спокойствие в городе от хулиганских выступлений». Н. П. Косыгин: «Нес охрану мирного населения от грабежа, пожара и других беспокойств, как велось и раньше у нас в Петропавловске, в помощь милиции». Т. Е. Головань: «Заместить поляковцев в гарнизонной службе на предмет выступления боевых частей на позицию». Д. А. Шигаев: «Против партизан...»

Сохранились высказывания и тех, кто по той или иной причине не участвовал в охране города в феврале 1922 г. Ф. Д. Стецюк: «На случай внезапного нападения красных». И. Ф. Голованов: «Предупредить столкновение, вернее, избежать кровопролития лиц, не причастных к политике».

Подобное временное формирование существовало и в Сероглазке. Тогдашний председатель сельского комитета В. Г. Крупенин рассказывал: «Мы организовали ночную охрану для самозащиты, в которой участвовал я, Попов Григорий, Алексей Черных, Александр Черных, Крупенин Павел, Томский Гавриил, Третьяков Федор, Петр Третьяков, Винокуров Петр, Илья Черных, Третьяков Егор, Попов Константин... Охрана продолжалась шесть-

семь дней и только в ночное время. Мы поставили караул, который помещался в доме Анны Алексеевой. Цель нашей охраны была предупреждение наступления красных на деревню Сероглазку, и мы были в полной боевой готовности».

20 февраля 1922 г. в Петропавловске под председательством особоуполномоченного Х. П. Бирича состоялось совещание «по поводу представленных делегацией от Петропавловской городской Думы сведений о действиях и намерениях лиц, называющих себя представителями Камчатского революционного комитета», с участием начальника обороны Петропавловска Н. А. Полякова, руководителя добровольной охраны города Н. М. Соколова и членов Особого совещания А. А. Пурина и И. Д. Добровольского.

Было отмечено, что ревкомы, как таковые, упразднены еще в октябре 1921 г. с распространением власти Временного Приамурского правительства на Охотско-Камчатский край.

Никакой переброски войск на Север не планировалось, а те двадцать пять человек, что собирались сопровождать грузы фирмы «Китомарус», оставив военную службу, поступили по вольному найму в коммерческое предприятие; теперь, «при создавшейся обстановке», отправка грузов осуществиться не может, и население, помимо лишения необходимых средств и запасов, потеряло крупный заработок».

В принципе же, заявили участники совещания, войска будут посылаться во все важные пункты Камчатки, но «только для обеспечения мирной жизни и условий спокойного труда камчатского населения, и если бы не было вооруженного выступления Революционного комитета, начавшая налаживаться спокойная жизнь ни в чем не могла бы быть нарушена».

Жалоб со стороны населения на притеснение военными, за исключением «маловажных проступков отдельных лиц, за которые виновные понесли заслуженное наказание», к особоуполномоченному не поступало, а «частичные реквизиции у коего и торговых фирм компенсируются действительной стоимостью товаров».

Один из пунктов постановления, принятого на совещании, гласил: наблюдательные заставы или сторожевое охранение правительственные войска готовы снять в случае ухода коммунистического отряда на такое расстояние от города, «чтобы последнему не угрожала опасность неожиданного нападения».

В тот же день на думском заседании вновь возник вопрос о насилиях, чинимых партизанами. Облнарревком называл это ложью и грозился привлечь за нее к ответственности Думу в полном составе. Объяснения давал В. Г. Крупенин. Два сероглазкинских охотника встретили «около Налочевой отряд большевиков, который требовал, чтобы они поступили в их ряды, а после отказа им было приказано возить на собаках икру, юколу и прочие продукты; братьям Черных были тоже подобные приказания, а также многие другие

лица заявляли, что большевики не дают работать, задерживают их по дорогам и заставляют возить их вещи. . .»

Красные утверждают, говорил председатель Сероглазкинского селькома, что борются за народную власть, но кто им поверит, если «у них одни лишь хищники в отряде, которые уже нас погубили тем, что уничтожили всякого зверя, поэтому и нужно их послать туда, откуда они пришли».

Из резолюции общего собрания всех отрядов Камчатского облнарревкома от 22 февраля 1922 г.: «Впредь, до решения созываемого облкомитетом съезда, штаб отрядов снимает свои передовые посты в районе города и не будет начинать в этой местности боевых действий. В случае, если вооруженный отряд Полякова и Бирича будет пытаться продвинуться от занимаемых позиций и в близ находящиеся деревни по направлению тракта или в тайгу, штаб. . . примет меры для ликвидации этих попыток и снова оцепит город, чтобы окончательно ликвидировать никем не прошенных “правителей”».

24 февраля в 18.00 А. А. Пурин, Г. Г. Бек и Е. А. Колмаков связались с Наяханом, намереваясь переговорить с начальником СЭО В. И. Бочкаревым. По поручению Н. А. Полякова они сообщили: «Красные под напором наших отрядников отступили от города на двенадцать верст. Во время смелой разведки с нашей стороны ранены отрядники Емлин и Унинский, которых генерал просит наградить Георгиевскими крестами следующих степеней. Жители ближайших мест, с которыми вошли в соприкосновение наши отряды, помогают нам всемерно». Городской голова Е. А. Колмаков просил дать информацию о положении на охотском побережье, поскольку красные на Камчатке распространяют слухи о «постоянных трениях между отрядом и населением».

В. И. Бочкарева в Наяхане в тот день не было. Его ожидали 25—26 числа. Вместо него к аппарату подошел начальник Наяханского гарнизона капитан 2-го ранга Г. А. Ивлев. Он отвечал: «Красные распространяют гнусную ложь, очевидно, с целью провокации. В Охотске, Наяхане, Гижиге между отрядом и населением самые дружеские отношения. По приезде начальника отряда дадим информацию подробную. Во вверенном мне гарнизоне. . . отношение моих подчиненных к местному населению выше всяких похвал. То же я наблюдал в Гижиге, прожив там по делам службы две недели».

В Гижиге полковник В. И. Бочкарев издал инструкцию начальнику Тигильского административно-пропускного пункта (АПП), открытого там, чтобы иметь: хорошо налаженную систему переправки войск СЭО; надзор за населением и «проведение в его жизнь законности и порядка»; наблюдение за торговлей и законной эксплуатацией богатств и промыслов.

Инструкция предписывала немедленно приступить к оборудованию «небольшой питательной базы, взяв все необходимое. . . из казенных продовольственных складов», а при их отсутствии — «путем открытия кредита в размере одной тысячи рублей» в счет отряда в любом кооперативе, обществен-

ной лавке или у частников. Следовало также взять на учет все средства передвижения и пользоваться ими, по возможности, так, чтобы «казенные разезды не ложились тяжелым бременем на население».

Надзор над населением, введение законности и порядка предполагали организацию отдела политической разведки и контрразведки «по общим принятым законным способам дореволюционных установлений», поголовный учет пришлого населения и, по возможности, введение паспортной системы для него, перепись инородческого коренного населения края по родам и кочевьям.

«Согласно имеемым сведениям, — писал полковник Бочкарев, — с открытием навигации можно ожидать большого наплыва в край иностранных хищников, эти лица, как элемент крайне беспокойный, несомненно окажутся неспособными к правильной эксплуатации промыслов, а посему, во всяком случае, явятся для нас не только элементом нежелательным, но едва ли вообще терпимым. Удаление же их из пределов края после водворения, безусловно, вызовет необходимость крайних мер и даже вооруженных столкновений, что в настоящее время для государства Российского и в силу прежних международных трактатов, очень нежелательно, а посему, в виде временной меры, необходимо установить, чтобы без особого на каждый раз разрешения Приамурского Правительства прибытие, проживание, а равно и занятие какими бы то ни было промыслами в Охотско-Камчатском крае воспрещается иностранным подданным всех национальностей, за исключением лиц, ранее в нем водворившихся».

Начальнику Тигильского АПП надлежало взять на учет все торговые предприятия, как частные, так и казенные, «конфисковать во всех торгоях нарезное и огнестрельное оружие, а также товары и продукты, составляющие монополию казны или запрещенные вовсе к продаже, обложить держателей запрещенного штрафом в размере продажной стоимости найденного, увеличенного в два раза».

В. И. Бочкарев приказывал взыскать с торговых предприятий за промысловые свидетельства за 1921 г. по 247 руб. 50 коп., за 1922 г. по 345 руб. С торговцев, занимающихся развозным торгом, — соответственно 31 руб. 70 коп. и 75 руб. Кроме того, торговые предприятия должны были уплатить десятипроцентный налог за 1921 г. с полного оборота. При вычислении оборота «пользоваться данными: сколько сдано к отправке и сколько наторговано до 1 января 1922 г. Произвести проверку отчетности и наличия всех казенных общественных предприятий. Кассу принять от вахтеров. Все взысканные налоги, кассу казенных складов, конфискованное оружие, припасы и запрещенные товары немедленно высылать в Гижигу начальнику Гижигинского военного района». Под документом две подписи: самого Валериана Ивановича и «за Начальника Штаба» — полковника Фиалковского. И дата: 26 февраля 1922 г.

25 февраля В. И. Бочкарев был проездом в Наяхане, но Петропавловск на связь не вышел. Следующий разговор по радио состоялся 28 числа. Кавторанг Г. А. Ивлев сообщил для сведения генералу Полякову, что в Гижиге ставят небольшую радиостанцию, а начальник отряда приказал передать об избрании его «на должность представителя населения от Охотска до Пенжина, Анадыря и бухты барона Корфа», а также о созыве съезда по выборам делегатов в Народное собрание от Охотско-Камчатского края из коренных жителей и инородцев. Делегаты будут отправлены во Владивосток с первым парходом навигации 1922 г. Все шесть делегатов, в том числе два отрядных офицера, прошли единогласно. Полномочия начальнику СЭО В. И. Бочкареву избравший его съезд «дал почти неограниченные». В этом смысле, подчеркнул капитан 2-го ранга Ивлев, СЭО и его начальник «встречают большое доверие, и популярность среди населения растет».

За двое суток до переговоров Н. А. Полякова с Наяханом старший адъютант генерала ротмистр Муратовский составил список арестованных на конец февраля 1922 г. Среди них гражданские — Д. Бадах, И. Флетчер, М. Кравченко, военный — поручик Топорков... Вперемешку политические и неполитические. Всего пятнадцать человек. Две женщины: Дарья Ларина и Анна Фролова — «заложницы за полковника Лукомского». Вспоминавшей через сорок шесть лет о своем сидении в тюрьме у белых Полины Лукашевской в списке арестованных нет...

1 марта 1922 г. И. Е. Ларин приказал штабу соединенных отрядов облнарревкома занять боевые позиции около Петропавловска, установить секретные посты по тракту, ведущему к Завойко, и ввиду того, что белые остаются на сельхозферме и в Сероглазке, организовать «летучий отряд из отборных охотников», задача которого — делать набеги и быть готовыми к засаде в случае, если бочкаревцы попытаются проникнуть по тракту — «в таком случае лучше их пропустить, а затем уже напасть».

Второй ларинский приказ, отданный в тот же день, касался членов РКП(б). Они объявлялись мобилизованными, им предлагалось «принять самое активное участие в осаде Петропавловска и охране дороги по тракту... в рядах Камч. Обл. Нар. Рев. Комитета».

Не ведая об этом, Х. П. Бирич 1 марта 1922 г. снял с добровольной охраны обязанности окарауливания областного центра «вследствие ухода коммунистических отрядов из окрестностей города и возвращения наших воинских частей в Петропавловск». Особоуполномоченный поблагодарил всех добровольцев за охрану города. Их список вместе с приказом Бирича напечатала газета «Камчатский листок».

В 1930-е гг. этим списком воспользовалось ОГПУ — НКВД, репрессировав тридцать пять из девяноста семи добровольцев. Четырнадцать поставили

к стенке. Среди расстрелянных были: маячник Василий Илларионович Гайдамак (встречал осенью 1921 г. казаков во главе с генералом Н. А. Поляковым хлебом-солью), бухгалтер Иван Трифионович Новограбленов (будучи избран верующими, вместе с епископом Нестором принимал участие в работе Всероссийского Поместного церковного собора 1917 г.), бывший мировой судья Николай Михайлович Успенский (его разыскали в 1932 г. в Бийске), сын торговца Василий Николаевич Флетчер, конвоировавший высланных с Камчатки летом 1918 г. советских работников Иван Яковлевич Иванов. А первому, записавшемуся в охрану Петропавловска, столяру Ивану Лукичу Неустрову, повезло — его взяли 25 февраля 1932 г., а 27 мая того же года выпустили.

К выявлению «пособников белобандитов» красные приступили сразу же после окончательного восстановления своей власти. На допросах по «думскому делу» они допытывались, кто изготавливал камлейки. Городской голова 1922 г. Е. А. Колмаков пояснил: местные жители надевают их в плохую погоду (дабы, как объясняет современный искусствовед М. И. Белова, охранить меховую одежду от снега и намокания), а отрядникам надо было сливаться со снегом. Иными словами, камлейки заменяли маскхалаты.

«Сволочи, подлецы! Ранили одного и убили одного за деревней Сероглазкой, потому что у них (у партизан. — *В. П.*) чехлы белые, и их незаметно. Наши — в черном, они всех наших могут перебить», — говорила Е. И. Борейша Г. Загорулько, который, боясь ареста, дал ей для образца свою камлейку. Она затем уточнила: «Наши дамы все взяли пошить, отец Михаил кроит...»

«Нашими дамами» оказались жены начальника таможенной заставы Кодылева — Елизавета Игнатьевна, бухгалтера Ошева — Анна Семеновна, врача Рубецкого — Агриппина Петровна, священника собора святых Петра и Павла Ерохина — Людмила Ивановна. Камлейки шили еще трое — их мужья И. Лазарев, М. Орлов и Г. Поздняков значатся в списке добровольной охраны Петропавловска. Все «белошвейки» работали абсолютно бесплатно.

В. И. Святой, так же, как и Г. Загорулько, сочувствующий коммунистам, указал на существование на квартире М. Ерохина целой мастерской по изготовлению не только одежды, но и «разных знаков для белых». Однако, по утверждению А. С. Ошевой, там женщинам давали лишь материал и забирали готовую продукцию; ее о. Михаил относил в комендантское управление.

Он жил в Петропавловске с 1915 г., в июле 1922 г. исполнял обязанности гарнизонного священника. Подобно финансовым работникам К. М. Борейше и С. Г. Ошеву, врачу П. П. Рубецкому, о. Михаил являлся Почетным гражданином.

Примечательно, что никого из «белошвейек» не тронули, в том числе Е. И. Борейшу. За месяц до процесса над гласными Думы в июне 1923 г. она сыграла (правда, некоторые считали, довольно слабо) роль «полковой бары-

ни» в комедийном спектакле-фарсе по пьесе Пернатова, поставленном сотрудником губпрокуратуры В. С. Романовским.

М. Ерохин обвинялся «в попомогательстве белой банде» (приводил к присяге военных судей И. Рябикова и А. Бабкина-Байкалова, вдобавок у генерала Полякова служил его сын), кое-кто показывал на него, как на участника охраны города: мол, ходил вместе с А. А. Пуриным и И. Д. Добровольским. Впрочем, у о. Михаила хватало забот и без того: исполнял все требы для Петропавловска и окрестных селений, только в Завойко и Халактырку не ездил, помня переданную П. Н. Белокопытовым угрозу красных партизан взять его «для подтапливания палаток».

Тем временем, другой священник — о. Петр (Денисов), направляющийся на север к полковнику Бочкареву, прибыл в Соболево. Отслужив молебен, он собрал жителей села (Н. А. Ворошилова, Петра и Степана Спешневых, Александра, Диомиды и Константина Трапезниковых, Степана Копьева и др.), хвалил Приамурское правительство, объяснял необходимость созыва Учредительного Собрания — оно установит на Камчатке твердую власть — и призывал всех присоединиться к его мнению. Присоединились.

Среди них был Николай Александрович Ворошилов. Он только что возвратился из Петропавловска, куда его отряжали разведать обстановку соболевчане (во многих селениях не знали, какая власть в областном центре). Как рассказывал потом Ворошилов, не успел он в городе распрячь ездовых собак, к нему подошел Н. П. Косыгин и передал просьбу П. Т. Новограбленова поприсутствовать на думском заседании, где тот же сообщил гостю, что жизнь в городе хорошая, продовольствия много.

«На прошлой неделе, — писал «Камчатский листок» 26 марта 1922 г., — в Петропавловск прибыли делегаты от Мильковской волости... Ревком, бродя в сопках, съел всю муку, сахар и другие продукты на Островной и на Колыгири, съел мясо, добытое населением Сероглазки и оставленное на Налычевской юрте, не пускает мирное население на охоту, а заставляет возить продукты, потребные для армии Комитета, разрушает телеграф и телефон, чтобы население не узнавало, что делается в Петропавловске, и распускает самые нелепые слухи, желая окончательно сбить с толку...»

«Напрасно, товарищи большевики, — продолжала газета, — думаете, что население пойдет за вами и вашими сподвижниками, которые уничтожили в заповедниках кулемками соболя, извели с помощью стрихнина лисицу и угрожают при помощи хитрых ловушек — выдру. Местные жители, несмотря на свою необразованность, достаточно умны и прекрасно понимают, что вы их дурачите, и хотя вы, товарищи большевики, разрушаете телеграф, но местные жители все-таки узнают правду от своих делегатов, которые, вернувшись, расскажут, что они слышали в Петропавловской городской Думе».

Направляли представителей в областной центр и другие волости, встревоженные все теми же слухами о «жестокостях, какие применяются в Петропавловске по отношению к жителям». Обращались они непосредственно к главе гражданской администрации Х. П. Биричу, который информировал их об истинном положении вещей.

10 марта сын особоуполномоченного Арсений («Жорж») отпечатал на машинке письмо зятю К. Н. Хартлингу в Усть-Камчатск, но ушло оно туда или нет — неизвестно, поскольку в 1923 г. было подшито к делу, заведенному на гласных Думы. Письмо частное, однако представляет, на наш взгляд, несомненный интерес как документ той сложной, во многом трагической, эпохи.

«Дорогой Карлуша, как ты поживаешь, а? ... Погода стоит хорошая и временами теплая. На лыжах бросил кататься после того, как здорово один раз упал и получил растяжение жил, но предполагаю через неделю начать снова, и уж тогда научиться основательно. Пароход “Охотск” еще стоит и будет стоять до тех пор, как в бухте не сломает ветром лед. Из Владивостока получаем телеграммы, но в них много содержательного нету, только про стычки разведочных отрядов с красными, а в остальном все тихо.

... Теперь начинаются ветра, и надеюсь, что скоро будет возможность отправить “Охотск”. В предыдущем письме я писал тебе, что ребята твои здоровы, живут на даче (видимо, во Владивостоке. — *В. П.*) с Борисом Лисуновым, который их балует. Мама посылала им отсюда игрушки, и вообще о них не беспокойся, все состоит великолепно, и надеюсь их увидеть весной здоровыми и большими. ...

Сколько получаешь монет и какая твоя должность... как тебя Демби (рыбопромышленник. — *В. П.*) устроил и вообще как ты устроился вдруг на Камчатке вместо угольных копей, где ты работал по выезду моем в Дайрен?.. Имеешь ли какие-либо сведения от Демби, и когда он собирается приехать сюда. Мы имели сведения, что они все уехали в Америку, а после ни слуха не получали. Ожидаем в начале будущего месяца шхуну г-на Свенсона, а также г-на Виттенберга, так что думаем, что будем иметь первые какие-либо свежие новости насчет Вашингтонской Конференции (по ограничению морских вооружений и по тихоокеанским и дальневосточным вопросам, проходившей с 11 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. при участии США, Японии, Китая и пяти других стран. — *В. П.*)...

У нас жизнь протекает тихо, все время ожидаем нападения от большевиков, которые нас ведь уже две недели как осаждают, и в городе все объявлено на военном положении и позже восьми вечера нельзя ходить без пропуска. Вообще для нас, молодых, здесь жизни почти нету, и живешь только в надежде, как бы поскорее отсюда выбраться.

О будущем не могу писать, так как еще не знаю, как будут дела у нашего Правительства, но если придется скоро бросить этот край, то тебя извещу так

же, как и ты меня, если думаешь скоро уехать куда-нибудь. У нас трения между генерал-майором Поляковым — представителем есаула Бочкарева — и нашей властью здесь идут по-прежнему, но, надеюсь, с прибытием подкрепления из Владивостока, которое скоро будет, все прекратится, и ненужный элемент придется отправить отсюда.

Ходил ли на охоту и пришлось ли вообще хотя бы один раз тебе прилично поохотиться? Видал ли медведя? Пока здесь ввиду всех беспорядков мне не пришлось поохотиться, но надеюсь, как все исправится, то, если будет возможность, сразу беру ружье и иду на охоту. Ты ведь знаешь, какой я страстный охотник и особенно на крупного зверя.

Вчера здесь (в Петропавловске. — *В. П.*) были лыжные состязания у японцев, только офицеров с посыльного судна “Канто”, причем играл ихний оркестр, и устроили они эти состязания на радиостанции, ты, наверное, знаешь, где здесь радио (теперешний район Дома офицеров флота. — *В. П.*). Всего было семь призов, и первый был выигран летчиком лейтенантом Ичимарусан. Командир судна, хотя и пожилой господин, но все-таки тоже принял участие и только ввиду обстоятельства случайного падения не взял первые призы, а пришел шестым.

Он большой дипломат и великолепно владеет русским языком, бывший долго при миссии в Петербурге еще, то понятно, что он находился при дворце и должен был выучиться говорить, иначе было бы как-то неподобающе. У нас с офицерами его и с ним самые желательные отношения. Напиши, как настроение вообще всей публики по долине Камчатки, отрицательно ли в отношении большевиков, или наоборот, и что поговаривают насчет нашего Приамурского Вр. правительства?»

«...Большевики, — пишет далее Арсений, — находятся в пятнадцати верстах от города и сначала угрожали, потом притихли, а сейчас опять угрожают. Предполагают они устроить Съезд где-то, только не в Петропавловске, а где-нибудь подальше от влияния представителей Временного правительства, но я почти уверен, что этот номер им тоже не пройдет, так как все почти население настроено против их. Мильковская и Ключевская волости против их, а по прибытии охотников в с. Завойко и Завойкинская волость против них восстанет, и не будет-то им очень тепло, а придется им или сдаться или удирать подальше и поглубже в лес.

Много о политике не буду писать, так как я стараюсь в нее не влезать и никогда в жизни не думаю связываться с ней вообще. Ей-Богу, паршивое дело политика для нас, молодых (Арсению было чуть больше двадцати лет. — *В. П.*), так как она убивает неспособных и расстраивает способных до нервных припадков. Вот и на Камчатке образовался фронт, а это прямо удивительно, куда не придут большевики — так и недовольство, и пакость начинается твориться, и это вполне понятно. Ну, желаю тебе всего наилучшего, и в ожида-

нии скорого ответа и благоприятных известий. Пиши. Слушай, ты говеешь или нет? ...Поздравляю тебя с наступающим великим праздником Св. Пасхи...»

...Руководитель ушедшего в сопки партизанить облнарревкома И. Е. Ларин обращался с просьбой о материальной помощи отряду к жителям селений Камчатки, призывая их одновременно вступать в ряды красных. В селении Запорожье ларинское обращение обсуждали наиболее влиятельные люди (братья Иван и Емельян Потужные, Алексей Шараев, Григорий Данилюк) во главе с сельским старшиной Яковом Онищенко, который заявил: «Этим краснож. ...ым надо не только не помогать, а надо брать оружие и пойти бить их». Запорожье отказалось поддерживать партизан.

К сероглазкинцам Ларин и не обращался. «Прошу сообщить, — запрашивал 13 марта 1922 г. это селение особоуполномоченный Х. П. Бирич, — требуется ли вам немедленная посылка военного отряда или, в случае надобности, вы дадите мне знать». По-видимому, не требовалась. Представители Сероглазки на 1-м Завойкинском волостном совещании говорили одному из партизанских вожаков В. М. Чекмареву, что их селение поголовно вооружилось, имеет двенадцать тысяч патронов и теперь оперировать в городе отрядам облнарревкома, состоящим из коммунистов, они не допустят. 5 марта Сероглазкинский сельком уведомил Петропавловск о конфискации, «до особого распоряжения», шлюпки и оружия некоторых граждан, в том числе В. И. Крупенина, В. Ц. Пересвет-Салтана и Г. В. Елизова. Все трое, выпущенные на волю в феврале, ушли к партизанам.

15 марта 1922 г. военное положение в областном центре было отменено «в силу экономического затруднения и получения благоприятных известий из волостей». То же число состоит на предписании господам домовладельцам завести домовые книги, «каковые вместе с паспортами жильцов» представить для регистрации в гормилицию. Так распорядился ее начальник Д. Пригоровский.

В середине марта власти оповестили население о том, что они полностью расплатились за реквизированные военными осенью 1921 г. товары. В отношении фирмы Сун-ин-туна это сделал Х. П. Бирич, торгового дома «Сайденберг и Виттенберг» — Временное Приамурское правительство.

Вместе с тем правительственная администрация обвиняла партизан в трусости и воровстве: опасаясь открытых реквизиций, они крадут по ночам у местных жителей продукты. Например, 3 марта у сероглазкинцев А. В. Крупенина и С. Н. Попова похищено соответственно четыре и восемь фундов медвежьего мяса.

Партизаны, в свою очередь, постоянно твердили о репрессиях и даже белом терроре в Петропавловске. Документ городской Думы по данному вопросу от 18 марта гласил: все, взятые под стражу и содержащиеся на пароходе «Свирь» одиннадцать человек, за исключением одного, освобождены,

и среди них член ревкома И. И. Флетчер и красный отрядник С. А. Селиванов «как добровольно сдавшие властям оружие», из восьми высланных во Владивосток только Н. Белокопытов — местный житель, и о его возврате городское самоуправление возбудило ходатайство еще до выступления красных в феврале; П. Чужих, подозреваемый в убийстве трех офицеров два года назад, застрелен при попытке к бегству.

«Камчатский листок» в приложении № 14 за 26 марта 1922 г. поместил заметку о посещении делегатами из волостей области парохода «Свирь», о котором красные говорили, будто он «полон арестованными стариками, женщинами и детьми, и что последних морят голодом». На «Свири» приезжие обнаружили только гражданина Трубку, задержанного «в кустах в районе г. Петропавловска... и были страшно удивлены, когда арестованный на вопрос, кормят ли его, открыл полный ящик с хлебом и выразил при этом желание остаться совсем на пароходе... под арестом». Кто такой Трубка и за что он попал на «Свирь», нами пока не установлено, однако и его, по информации Викулы Попова члену облнарревкома Н. П. Фролова, выпустили 21 марта.

Из всего этого следует: к моменту думского заседания 18 марта 1922 г. заложниц за полковника Лукомского — жен партизанских начальников Дарьи Лариной и Анны Фроловой на пароходе уже не было. Год спустя Е. А. Колмаков вспоминал: «Щипчинский мне однажды показал телеграмму Бочкарева на имя Полякова о том, чтобы арестовать Бирича за то, что дал возможность выехать из города Лариной и Фроловой». На себя, как на инициатора их освобождения, указывал и сам Хрисанф Платонович.

В статье «Облнарревком действует...» в сборнике «За советский Дальний Восток» (Владивосток, 1982 г.) Г. И. Панкратов и Н. М. Селецкий придерживаются иной версии. Они пишут: «Генерал Поляков распорядился отпустить Дарью Ларину и Анну Фролову и установить за ними наблюдение, надеясь, что партизанские вожаки не замедлят повидаться со своими семьями. Но начальник партизанской разведки Чекмарев организовал контрмеры: из-под самого носа беляков женщин увезли на нартах из Петропавловска и доставили в Паратунку».

Кстати, Анна Фролова сидела на «Свири» при белых дважды. Первый раз ее посадили со всеми женами партизан (не тронув только Ларину), но продержали всего сутки. Так, во всяком случае, доносила в январе 1922 г. из Налычева своему штабу партизанская разведка. В район этого селения убежала супруга Пересыпкина, рассказывал А. М. Дьячков, который якобы снабдил ее «сведениями о расположении белых». А бежала, добавлял он, вовремя: его самого «будто бы арестовали и возили на квартиру Викулы Попова узнать Пересыпкину».

... 19 марта 1922 г., через четыре дня после отмены белыми военного положения, облнарревком объявил о введении такого не только в Петропав-

ловске, но и в его окрестностях. 20 марта на заседании городской Думы слово дали Н. Л. Лосевой — жене задержанного партизанами жителя областного центра Самсонова. Она жаловалась на тяжелое материальное положение в связи с отсутствием кормильца.

Красные все чаще и чаще задерживали и уводили в свой стан людей. Одним из первых угодил к ним каюр полковника Лукомского Е. С. Самсонов. То же самое произошло с командированными на Мильковский волостной съезд от Завойкинской волости Третьяковым и И. А. Шкляевым, чьи полномочия «забрали партизаны Лукашевский и Морев».

Так, по словам И. И. Флетчера, красные обращались с теми, «кого считали контрреволюционерами». В феврале 1922 г. они задержали Н. В. Кирица. Прошло десять лет, прежде чем были зафиксированы подробности и предыстория этого задержания.

Из показаний Никифора Варлаамовича Кирица в Камчатском окротделе ОГПУ: «Глава города Петропавловска распорядился поместить в мой дом караул меркуловской армии, в это же время у меня жил на квартире коммерсант Хайрулин. Хайрулин познакомил меня и в моем доме с генералом Поляковым и командиром военного судна Петрище, которые бывали часто в моем доме в гостях у коммерсанта Хайрулина. Я тоже выпивал вместе с ними... Караул стоял в моем доме около двух недель.

В феврале месяце 1922 года я повез из Петропавловска в селение Налычево гражданина Барсукова, по дороге меня встретил партизанский отряд, задержал и предложил мне остаться в отряде, я отказался, тогда партизаны меня арестовали и сказали: “Ты будешь находиться в отряде до ухода белых из Петропавловска”. Я не знаю, почему меня задержали, видимо, они меня подозревали, чтобы я белым не передал, где партизанский отряд находится.

...Я пробыл до ухода белых. Последнее время мне выдали винтовку на руки как партизану. Я должен сказать, что это не партизанские были отряды, а бандиты. Единственный был отряд хороший, который был организован из охотников местных, как, например, в котором находились домовладельцы Черепанов и Суسمетов (задержанные, подобно Кирицу, красными. — *В. П.*)».

Приведенные выше случаи Петропавловская Дума 20 марта 1922 г. расценила как насилие над мирным населением и приняла постановление обратиться к большевикам с требованием «о немедленном освобождении всех задержанных граждан г. Петропавловска и впредь никого не задерживать, так как все арестованные по подозрению в коммунизме уже освобождены».

27 марта состоялся Завойкинский волостной съезд, созванный председателем волкома Александром Яковлевичем Чернышевым. (В июне 1931 г. вместе с братьями Машихиными приговорен к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной организации, «ставящей своей целью вооруженное свержение советской власти». Реабилитирован посмертно). На нем

избрали делегатов на открывающийся в Мильково 8 апреля съезд нескольких волостей: В. П. Брагина, П. И. Дьяконова, И. М. Дьячкова и Г. Н. Попова.

30 марта 1922 г. городской голова Е. А. Колмаков получил от генерала Полякова официальную бумагу следующего содержания: «Прошу предложить Думе вынести постановление о воспрещении жителям приглашать к себе в гости чинов 1-й сотни Северного экспедиционного отряда и угощать спиртными напитками, так как никто из нас не имеет ни копейки, и мы не имеем возможности пить на свои средства, а если пьем, то — нас угощают гостеприимные жители или — в кредит в столовой “Камчатка”».

Беспокойство генерала можно понять: прибывший 21 января «Охотск» привез, помимо всего прочего, восемьсот ведер спирта и несколько сот ящиков разных вин, и торговля ими шла полным ходом, ее (с уплатой акцизных сборов и выбора патентов) разрешило Приамурское правительство.

Управляющему ведомством торговли и промышленности этого правительства Х. П. Бирич 30 марта 1922 г. сообщал, что с предпринимателя А. М. Березовского, зафрахтовавшего «Охотск», за недостачу грузов причитается, «по существующим рыночным ценам в г. Петропавловске», в казну 13 тыс. 5 руб. 78 коп. Кроме того, господин Березовский обязан возместить особоуполномоченному 3 тыс. 207 руб. 18 коп. за перевозку грузов от борта парохода в склад и примерно такую же сумму «за ледакольные работы по вводу парохода “Охотск” в Ковш к пристани по расчету 30 коп. с пуда, какой, согласно пункту 3 заключенного с Березовским контракта, должен быть произведен его средствами и за его счет».

Генерал Поляков уведомил Х. П. Бирича о своем решении выехать в Наяхан на соединение с Бочкаревым через Владивосток на «Охотске». Тем же пароходом возвращались в столицу Приморья представитель правительства Н. М. Соколов, старший государственный контролер К. И. Миховский, а также члены Особого совещания А. А. Пурин и И. Д. Добровольский, которые, по выражению Бирича, «скоро сблизились» с генералом.

Однако «Охотск» оставался стоять во льдах. Морозы и совершенное отсутствие угля исключали возможность выпустить его на свободный рейд. Тем не менее, Поляков и его подчиненные начали грузиться на «Охотск» и с ними «фирмачи» (то ли «Китомаруса», то ли «Фукуда-Гуми») с разным товаром и спиртом. Люди Полякова и нанятые им рабочие приступили к пропиливанию льда. Работали несколько суток, но «Охотск» продвинулся лишь на длину своего корпуса.

Работы были прекращены. Рабочих направили за расчетом к особоуполномоченному. Бирич выплатить им деньги (320 руб. золотом) отказался, потому как «разрешения на бессмысленную работу не давал». Он высказывал недовольство и по иному поводу — командир парохода не представил ему списка отправляемых на «Охотске» товаров с указанием пункта назначения.

Хрисанфу Платоновичу показалось вообще очень сомнительной вся эта затея: посадка военных чинов и погрузка товаров на пароход, который без запасов топлива «должен спешить отправкой к порту Японии» и там взять его. Зачем понадобилось увозить обратно товар туда, где он куплен? Обо всем этом Бирич телеграфировал председателю правительства.

...Ввиду полного отсутствия на складах Петропавловска дров для казенных зданий и отопления воинских помещений, ежедневно на 7-ю версту «за заготовленными сырыми дровами» посылался обоз с охраной из трех казаков. 4 апреля обоз обстреляла партизанская засада. Два казака погибли: старшие урядники местной команды восемнадцатилетний И. Н. Езерский и двадцатиоднолетний В. Н. Зайцев, третий был ранен. Партизанам достались четыре лошади и оружие убитых. Посланный вдогонку отряд преследовал красных до Халактырки, но так и не настиг.

На следующий день Х. П. Бирич получил извещение о «трехволостном» съезде в Мильково, где, в свою очередь, состоялся форум населения волости. В письме на имя его председателя особоуполномоченный обвинял красных в нарушении собственных заверений — «начали нападать не только на военных, но и не пропускали ни одного из жителей-камчадал, не обыскав и не надругавшись над ними».

«Я не хочу пролития крови на Камчатке», — писал Бирич и добавлял, что после отмены в середине марта военного положения он не предпринимал никаких вооруженных акций, «хотя и знал... вблизи бродят незначительные шайки красных бандитов; несмотря на то, что они увели полковника Лукомского — у меня ни одного политического арестованного нет, но последние действия красных меня вынудили принять строгие меры, и теперь я им снисхождения не буду делать. Пощады не буду давать».

Послать своего представителя на ваш (трехволостной. — *В. П.*) съезд я не могу, ибо нельзя рисковать жизнью человека, которого вы знаете, что он наверняка может быть убит из-за угла».

В другом письме к председателю Мильковского волостного комитета Х. П. Бирич признает необходимость — «по политическим мотивам» — созыва Камчатского областного съезда и состав его мыслит «исключительно из представителей сел и волостей... из лиц коренного населения и... некоренного, но проживающих в области не менее пяти лет и ни в чем предрассудительном в обществе не замеченных».

По Биричу, съезду желательно установить привила, «при каких условиях волостные и сельские общества могут приписывать пришлых с разных мест лиц, как единых, так и семейных, и в каких правовых отношениях такие лица должны состоять в пользовании наделами, правами охоты и рыбной ловли».

На областном съезде, считал Бирич, следует всесторонне обсудить «общепросветительные и образовательные дела», состояние школ и училищ, их

материальную базу, и что население ожидает в этом направлении от правительства. Х. П. Бирич выдвинул идею института советников при областном Камчатском управлении, которых бы съезд командировал в Петропавловск и которые бы «личным своим опытом могли бы быть полезны администрации при решении разных вопросов о нуждах и правах населения края».

... Но покамест намечался трехволостной съезд в Мильково. Туда выехали делегаты от Завойкинской волости. Х. П. Бирич, как уже говорилось, направить своего представителя отказался. 5 апреля 1922 г. Петропавловская Дума тайным голосованием — один «за», семнадцать «против» — также воздержалась от посылки делегата (им, по некоторым сведениям, был П. Т. Новограбленов), заслушав доклад доктора П. П. Рубецкого. Он сообщил: несколько волостей Петропавловского уезда предлагали партизанскому вожаку И. Е. Ларину дать гарантии неприкосновенности городских представителей от насилий большевиков, но тот таких гарантий не дал, более того, отрядом красных были приняты меры к задержке делегатов и недопущению их на съезд в Мильково.

Мотивируя свое решение, Дума сослалась на непрекращающиеся задержания мирного населения при проезде из уезда в город, обыски и насильственное отобрание имущества партизанами, как, например, у жителя Большерецка А. П. Корюкина и сероглазкинца П. А. Крупенина. Думцы тогда еще не знали, что произвол партизаны чинят и в более отдаленных местах. Не раз производили обыск у столяра-модельщика из Козыревска А. И. Никитина за отказ поставить им продовольствие и патроны. (А в том, что все это у него есть, они не сомневались, ведь в 1919—1920 гг. он был председателем волостной продуправы).

В 1931 г. среди обвинений, предъявленных Алексею Ионовичу, фигурировало и это. Приводились также якобы им сказанные слова: «Коммунистов на материке здорово бьют белые за то, что они издеваются над интеллигенцией, уничтожают церкви и духовенство и занимаются грабежами крестьян. Коммунисты — это кучка хулиганов, которые задалась целью в России уничтожить все, ограбить народ и бежать за границу...»

В постановлении Петропавловской Думы отмечалось: несмотря на стремление гражданских и военных властей к предотвращению кровопролития между правительственным отрядом и коммунистами, как русскими людьми, произошло убийство двух солдат, поэтому не исключено, что подобное случится и с представителями народа. Суммируя вышеуказанное, гласные пришли к выводу: считать «большевиков-коммунистов не защитниками трудового народа, а просто бандитами на большой дороге». В связи с новым преступлением красных, Дума вменила в обязанность всем проживающим в городе русским подданным «нести внутреннюю охрану» в помощь милиции, согласно инструкции, каковую и выработают на сей счет городской голова и начальник милиции.

На заседании Думы были зачитаны телеграмма В. И. Бочкарева и оперативная сводка о движении его отряда и занятии совместно с коренным населением многих важных северных пунктов до г. Якутска включительно.

8 апреля 1922 г. А. А. Пурин и И. Д. Добровольский поздравили начальника СЭО с победой, назвав его солдат лучшими сынами Родины. Из Петропавловска в Наяхан ушла еще одна телеграмма за подписью Н. М. Соколова и К. И. Миховского. Ее текст гласил: «Поражены успехами Ваших отрядников. Достигнутые результаты превзошли самые смелые ожидания... желаем дальнейших успехов в выполнении Вашего широкого плана очищения Охотско-Якутских районов от большевиков под флагом Приамурского правительства. Выезжая во Владивосток, со своей стороны постараемся оказать Вам всякое содействие. Телеграфируйте сюда, что Вам в первую очередь необходимо».

5 апреля одновременно с Думой заседал военный совет: начальник местной команды резерва военной полиции есаул Чешкин, временно исправляющий дела командира «Свири» поручик по Адмиралтейству Маслов, начальник военно-полицейского розыска подпоручик Поярко, прапорщик Кулий, исправляющий дела командира роты «Свири» подпоручик Подгорный при участии старшего чиновника особых поручений при особоуполномоченном М. С. Миклашевского. Военный совет решил в кратчайший срок перевести все правительственные учреждения и воинские части в центральный район города (чтобы «увеличить обороноспособность и сократить гарнизонный наряд»), завершить в срочном порядке формирование военно-полицейского розыска, предложить добровольцам из граждан осуществить охрану Петропавловска посменно. Совет попросил Х. П. Бирича назначить себе военного советника, которому будут подчинены все воинские части и управление военно-полицейского розыска».

8 апреля представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов изложил в письме на имя Бирича свои соображения по борьбе с красными партизанами. Он располагал данными о том, что в нескольких местах в районе Завойко — Авачи их насчитывается около семидесяти.

В архивах сохранился приказ облнарревкома № 8 от 1 апреля о создании «часового поста на дороге около села Авача». Ему, вспоминая партизан П. Г. Ивашкин-Ларичев, вменялось в обязанность «не пропускать банды Бирича и Полякова в глубь области, а у всех проезжающих из города жителей и торговцев отбирать нарезное оружие, черносотенную литературу, спиртные напитки, а с торговцев взимать налог с провозимой ими в город пушнины».

На соединение с этими красными численностью около семидесяти, продолжал Н. М. Соколов, движется полусотня из долины р. Камчатки и восемнадцать-двадцать человек с западного побережья. Прогноз (который не оп-

равдался) на ближайшие семь-десять дней: город будет обложен отрядом в количестве от ста пятидесяти до двухсот человек. Соколов предлагает, не давая им соединиться и организовать в наступлении на город, бить их по частям. Предположение, что под давлением местного населения они разойдутся по домам, пишет далее Н. М. Соколов, «грозной действительностью совершенно опровергается. Коренное сельское население оказалось инертным, безвольным и, очевидно, пойдет за тем, кто победит, на чьей стороне будет реальная сила.

Идущее с нами и за нас городское население ждет от нас энергичных, сплоченных действий, требует нашего объединения. При ограниченности наших вооруженных сил, каждый боец должен быть на счету. В момент грозной опасности все старые ссоры и счеты должны быть забыты. Между тем, население видит какое-то, по меньшей мере, безразличное отношение власти к грядущим событиям».

Оговорившись, что при такой обстановке и в такой ответственный исторический момент даже человек величайшего государственного ума и опыта в военном деле не взял бы на себя одного все бремя ответственности, представитель Приамурского правительства мыслит возложить это на специальный орган из военных и гражданских лиц, который поддержит политику Владивостока. В качестве примера он указывает на жителей Сероглазки, готовых к вооруженной борьбе с красными, ждущих «от нас объединения» и высказывающих просьбу дать им инструкторов из офицеров. Что же касается Петропавловска, то там раздаются голоса о возможности мобилизации городского населения.

Н. М. Соколов доказывает Х. П. Биричу: находящаяся с ним в конфликте команда генерала Н. А. Полякова свое вынужденное бездействие считает «преступлением перед Родиной и соглашается немедленно выступить на борьбу с большевиками без нарушения существующего деления на части, и по ликвидации красных готова вновь вернуться в Охотск и выехать, куда прикажут».

Н. М. Соколов предлагает обсудить перечисленные вопросы на военном совете и на совещании с гражданскими и выработать «план борьбы с надвигающейся опасностью». Он предупреждает: если это не будет сделано без промедления, то вся вина «за возможную гибель национального дела на Камчатке» ляжет исключительно на Бирича.

Восьмого же апреля 1922 г. Н. М. Соколов, А. А. Пурин и И. Д. Добровольский телеграфируют председателю Приамурского правительства Спиридону Меркулову: «Красные вновь большими партиями группируются в ближайших селениях с намерением взять Петропавловск вооруженной силой... Положение усугубляется трудностью создать единство военной власти. Надеемся... сохранить положение до прибытия скорой помощи. "Охотск"

может выйти не раньше конца апреля, когда очистится бухта». (Кстати, Приамурское правительство довольно быстро среагировало на «сборы Полякова на Север, к Бочкареву». Оно распорядилось всей его команде из сорока чинов ждать замены из Владивостока).

В тот же день Х. П. Бирич издает приказ № 215 о переводе областного центра и Петропавловского уезда на режим усиленной охраны. Начальнику штаба СЭО Н. А. Полякову надлежит находящуюся в его распоряжении часть «иметь в боевой готовности», а начальнику военной милиции есаулу Чешкину — «принять срочные меры к бродячим элементам и очищению Петропавловского района от шаек большевиков».

Наряду с этим в Петропавловске происходили и другие события. В марте 1922 г. было зарегистрировано два землетрясения (4-го ночью и 7-го утром), оба секунд по десять и «шли с северо-востока». 14 марта хоронили сотника Анатолия Ивановича Тарасова, умершего, по-видимому, своей смертью. Проводить его в последний путь, помимо боевых соратников, пришло немало гражданских. Накануне, в пять вечера, когда банщик ушел ужинать, загорелась гарнизонная баня. Пожар ликвидировали прибежавшие граждане...

9 апреля стало известно, что правительство приравнило в паспортном отношении китайских и корейских подданных «к другим иностранцам». Ввиду этого указанные лица должны были получить у Х. П. Бирича в недельный срок «установленный законом билет на право свободного проживания в пределах области». Для приобретения билета следовало подать прошение (оплатив его гербовым сбором в размере двух рублей) с приложением национального паспорта, а за неимением такового, в удостоверение личности можно представлять или старые билеты, выданные милицией, или же удостоверения от представителя китайской и корейской колонии.

А 2 апреля в Народном доме состоялся духовный концерт под управлением священника Михаила Ерохина. Любителями церковного пения исполнялись произведения композиторов Архангельского, Бахметьева, Старорусского и других. Особенно благоприятное впечатление произвел Бортнянский («Тебе Бога хвалим») в первом отделении концерта, где прекрасно, по мнению публики, прозвучало «трио на детских голосах». Присутствующие получили «полное художественное наслаждение». Областная газета отдавала должное руководителю хора Михаилу Ерохину, а также аккомпаниатору В. А. Огородникову, который способствовал успеху выступавших.

12 апреля 1922 г. в Мильково открылся «Второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд», созданный большевиками. Судя по резолюциям и постановлениям этого форума, он претендовал на областной, не зря же его полновластными делегатами являлись «посланцы» Анадырского (беспартийный большевик В. М. Чекмарев) и Охотского (коммунист М. П. Щербаков) уездов.

Среди других шестнадцати (по некоторым данным, четырнадцати) участников съезда не было представителей крупнейших волостей Петропавловского уезда — Мильковской и Завойкинской, а также Малкинской. Они хотели провести свой съезд нескольких волостей, и тоже в Мильково, но так и не провели, а только посоветовались и разъехались о домам. Не было на Втором чрезвычайном и делегатов от областного центра, а интересы Паланской волости представлял... житель Петропавловска И. Е. Ларин. Вдобавок делегирование шло от волостных народно-революционных комитетов, упраздненных осенью 1921 г. в связи с переходом Охотско-Камчатского края под юрисдикцию Временного Приамурского правительства.

14 апреля Второй чрезвычайный съезд принял резолюцию, предлагая «Биричу и К^о» немедленно убраться из пределов Камчатки, в противном случае — «съезд приступает к ликвидации их силой оружия». Командующий военными отрядами Н. П. Фролов и руководитель камчатских большевиков М. И. Савченко (Славский) поставили свои подписи под документом, адресованным облнарревкому, волкомам и селькомам, в котором содержались оскорбления председателя Петропавловской Думы Ч. К. Щипчинского, его заместителя П. Т. Новограбленова, городского головы Е. А. Колмакова и секретаря управы В. И. Румянцева.

Выступая 13 апреля 1922 г. на чрезвычайном съезде, И. Е. Ларин заявил, что большинство гласных Думы «покинуло город с высадкой вооруженных сил Бирича». Между тем, в сопки ушло лишь четверо гласных и один кандидат, все коммунисты: И. Е. Ларин, Н. П. Фролов, А. Н. Пересыпкин, А. Т. Коробко и И. И. Елисеев (имеется в виду Четвертая Дума, действовавшая по январь 1922 г. и состоявшая из 37 чел. — 19 гласных и 18 кандидатов).

За угрозами расправиться с гласными теперь уже Пятой, «незаконной» Думы, последовало обещание не применять репрессии, если народные избранные откажутся от поддержки Приамурского правительства и будут проводить политику облнарревкома. Обещание это можно было найти в обращении штаба отрядов к Думе.

Администрации Х. П. Бирича и военным, говорилось в резолюции съезда от 14 апреля, следует не просто убраться, а «без казенных грузов и имущества, с возмещением ими убытков за забранные у кооперативов товары и продукты, принадлежащие по праву населению области». Для сообщения всего этого в Петропавловск направили делегацию: И. В. Рябиков (представитель Хайрюзовской волости), Г. П. Яковлев (Паратунка) и Е. И. Попов (Ключи).

Делегация должна была поставить в известность о решении съезда изгнать белых японского консула, заверить его в самом дружественном отношении к этой стране и ее подданным, сказать, что облнарревкому поручено «идти навстречу всяким попыткам... к заключению торговых договоров на пользу русского и японского населения, если Япония уберет свои военные

суда... а отказ... выйти на рейд будет рассматриваться съездом как содействие Японии узурпаторской власти Бирича и Полякова и может нарушить отношения между областью и японскими подданными».

Процитированные выше выдержки из резолюции Второго чрезвычайного съезда вошли в сборник «За власть Советов. 1920—1922 гг. Документы и материалы», изданный во Владивостоке в 1967 г. А вот то, что в этот сборник не попало и взято нами из «Думского дела» ОГПУ.

«Примечание № 2: В случае, если упомянутой делегации не представится возможным по каким-либо причинам лично информировать население города и войти в непосредственное сношение с представителями иностранных Правительств и подчиненными областной власти (администрации Х. П. Бирича. — В. П.) органами городского самоуправления, Съездом будет установлено место для ведения парламентских переговоров представителей указанных сторон или же, в крайнем случае, представляет делегации право сноситься с указанными лицами и органами письменно».

«Примечание № 3: Делегации ставится в обязанность не решать самостоятельно никаких важных вопросов, вытекающих из тех или иных условий, предлагаемых переговаривающейся стороной или ее посредниками, вообще делегация обязана своевременно обо всем детально информировать съезд».

Одним словом, задача делегации состояла в передаче петропавловским властям ультиматума, информации об этом населения и — в особой форме — японского консула. Направляясь в областной центр, делегация наверняка имела на руках еще один документ (он ни тогда, ни после 1922 г. в Советской России не публиковался) — обращение к населению Петропавловска, начинавшееся словами: «Граждане порабощенного города...» В конце этого документа стояло: «Если после мирных мероприятий, которые на днях сделает чрезвычайный съезд, Дума не изменит своей позиции, и Бирич не уберется со своей бандой из Петропавловска, то мы не остановимся ни перед чем. Пусть тогда пролитая кровь ляжет на совесть гласных Думы и на горожан, вовремя не остановивших преступной работы своей Думы, помогшей и помогающей Биричу держаться в городе...» Обращение к гражданам «порабощенного города» подписали командующий военно-революционным отрядом Н. П. Фролов, начальник штаба Г. М. Елизов и уполномоченный облнарревкома М. И. Савченко (Славский).

...И вот делегация двинулась в путь. Бывший партизан В. И. Семенов, находившийся на боевом посту на Завойкинском тракте, вспоминал спустя пятьдесят лет: «Смотрим из-за кустов, не имеем права окликнуть. Молча они прошли, я, верите, смотрю на Рябикова и слез не могу сдержать. Чувствую, идет человек на верную смерть».

Из характеристики делегатов Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, составленной ревкомовцем Петром Глебовичем Ивашки-

ным-Ларичевым в 1960-е гг.: «Он в селе Хайрюзово являлся председателем волостного кооператива. Это был среднего роста человек в возрасте около тридцати лет (точнее, двадцати восьми. — *В. П.*). По специальности являлся связистом. Беспартийный, но всей душой преданный Советской власти человек...

Тов. Рябиков представлял собою в полном смысле слова интеллигентарабочего. Культурный в общении с окружающими, держался очень просто, без всякой рисовки. Лицо мужественное. Говорил страстно, убедительно и, я бы сказал, очень доходчиво до каждого слушателя. Он сразу, с первого дня прибытия, завоевал симпатию к себе простотой и умелым подходом к каждому из присутствующих на съезде. Создавалось впечатление, как будто бы уже давно его знаешь, давно с ним знаком».

Иллариона Васильевича Рябикова делегаты избрали председателем съезда, а И. Е. Ларина — заместителем председателя. Рябиков стал членом облнарревкома...

По прибытии в Петропавловск делегацию арестовали. Спутников Рябикова вскоре отпустили, а его оставили заложником за полковника Лукомского.

В партизанском дневнике И. Е. Ларина есть запись от 8 июля 1922 г. «Получено (из тюрьмы — *В. П.*) письмо Рябикова, где он сообщает: “Здесь циркулируют слухи, что якобы находящийся в плену в отряде красных Лукомский убит. Такие слухи меня поражают, зная нравственность лиц, стоящих в Военном совете. Я никак не могу допустить мысль, чтобы эти слухи имели сколько-нибудь правдивости шансов. На предмет опровержения указанных слухов прошу Военный совет уведомить меня письменно, жив ли Лукомский? В утвердительном случае прошу предоставить ему право написать мне письмо».

В остальной части письма сообщает, что «живется мне тяжело, каждая попытка подойти, обстрелять Петропавловск отзывается на моей шкуре...» В заключение пишет: «Поскольку это было мне посильно, я переносил, но теперь силы покидают меня, и я решил писать».

И. Е. Ларин никак не комментирует это письмо; неизвестно, что он на него ответил и ответил ли вообще (никаких свидетельств на этот счет в архивах не обнаружено).

На допросе в ГПУ в 1923 г. Ч. К. Щипчинский, у которого квартировал, прибыв из Охотска, полковник Лукомский, показал, что тот, по его словам, хотел устроиться учителем, но генерал Поляков навязывает ему «наем нарт для переброски людей». Так что запросы исполняющего обязанности заведующего училищами области П. Т. Новограбленова в конце января в Начики и Мильково имели под собой реальную почву, а вовсе не являлись уловкой и, тем более, «вспомогательством в укреплении белой банды».

Но что все же произошло на 6-й версте Завойкинского тракта той злополучной, очень снежной зимой? Иван Иванович Елисеев, работавший под

началом председателя облнарревкома И. Е. Ларина и ушедший с ним партизанить, впоследствии рассказывал: «При занятии дороги захватили в плен бочкаревского полковника Лукомского, у которого были найдены документы, что он командирится в селение Паратунка для найма до сорока нарт. Захватил полковника наш головной отряд (у П. Г. Ивашкина-Ларичева — «боевой пост, руководимый Пересыпкиным». — В. П.), который, не дожидаясь прибытия штаба, расстрелял его, и трудно было удержать людей от этого, ибо все были слишком обозлены, слишком возбуждены...»

Итак, полковника убили. «Об этом председатель облнарревкома товарищ Ларин получил донесение боевого поста, еще находясь в селении Халактырка 2 февраля», — утверждал Ивашкин-Ларичев. Факт гибели полковника Лукомского сразу был засекречен. Кем? По-видимому, руководством партизанскими отрядами или самым главным у них — Лариным. Зачем? Могли ли те, кто засекречивал, предусмотреть арест белыми в качестве заложниц за полковника жен Ларина и Фролова? Да, могли. Но вот женщин выпускают, и они уходят в безопасное место. Однако все остается по-прежнему. Сведения об убийстве Лукомского проникают в Петропавловск лишь в июне 1922 г.

Ничего не знает о гибели полковника и приехавший из провинции Илларион Рябиков, идущий 28 апреля в город действительно на верную смерть. По одним данным, парламентаром его избрал съезд, по другим — он вызвался сам. Почему же Ларин не препятствует этому? Или обязательно должен идти, рискуя жизнью, именно председатель съезда? Опять-таки возникает вопрос — почему? Ведь в противном случае Рябиков остался бы жив. И — быстро превратился бы на Камчатке в революционную фигуру номер один?

...Иван Емельянович Ларин умер в августе 1980 г., пережив на пятьдесят восемь лет председателя Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда. Ларину шел девяносто первый год.

УЛЬТИМАТУМ

25 апреля 1922 г. стало переломным в отношениях между представителями облнарревкома и Думой. Если прежде они обменивались не только взаимными обвинениями, но и имели, помимо эпистолярных, другие контакты, то теперь это было вряд ли возможно. Последним письмом есть основание считать вот это, короткое — городской управы за № 194 от 7 апреля, адресованное члену штаба народно-революционного отряда Елизову, с подписями Е. А. Колмакова и Ч. К. Щипчинского: «Просим распоряжения штаба вернуть наших собак, на которых выехал гласный Копцев».

Заслушав телеграмму председателя Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда И. В. Рябикова, думцы возмутились до того, что тут

же приняли постановление «прекратить с большевиками всякую переписку» и впредь никаких резолюций в связи с их посланиями не выносить.

В телеграмме шла речь о незаконной якобы сдаче Х. П. Биричем (совместно с Думой) Командорских островов японской фирме «Нихон-Моохи». Гласные отвергли это обвинение, заявив, что в нем, кроме извращения фактов и лжи, ничего нет. «Крайне тяжелое финансовое положение в Петропавловске вообще и государственных служащих в особенности, — докладывал Бирич председателю правительства, — а также кругом окруженные бродячими шайками большевиков, ликвидация которых требует усиленных расходов, решил назначить комиссию для выяснения мер, при каких условиях можно выйти из положения. Н. М. Соколов, Добровольский и Пурин от участия в комиссии отказались». В докладе нет упоминания о составе комиссии, лишь говорится, что не было несогласных с заключением: единственный выход из создавшегося положения — «это запродать упрощенную на Командорских островах пушнину в зиму 1921—1922 гг. лицу или фирме, предложившим выгодные условия для казны». Такой фирмой стала «Нихон-Моохи».

На том же заседании выступил при закрытых дверях начальник городской и уездной милиции Д. И. Пригоровский. На него ссылался в письме, отправленном тогда же, 25 числа, Биричу, представитель правительства Н. М. Соколов, предупреждая его об опасности, грозящей Петропавловску со стороны красных.

«...На основании достоверных сведений Вам известно, что коммунисты под руководством Славского, выдающего себя за особоуполномоченного Российской Советской власти, образовали особый съезд, сначала в Милькове, а затем в Начиках и, назвав этот съезд уездным съездом Петропавловского уезда, призывают от его имени все окрестное население встать с оружием в руках против власти Приамурского правительства на Камчатке и изгнать его агентов и его отряды.

Такого рода воззвания распространяются в последнее время и в самом Петропавловске, вызывая вполне понятную тревогу в среде городского населения, так как в этих воззваниях агенты большевиков угрожают суровым возмездием всем, кто будет идти против них.

Сегодня получены новые сведения о перенесении большевиками своего съезда в Завойко и прибытии туда всех участников съезда с ватагой вооруженных людей».

Начальник милиции сообщил Думе: отряд, прибывший в Завойко, насчитывает 24 чел., а делегатов съезда 16, в селении поднят красный флаг, предполагается приступить к исправлению телеграфно-телефонной линии для переговоров с областным центром.

По данным Н. М. Соколова, в районе Авача — Завойко скопилось до ста пяти «сопочников», что было явным преувеличением. К моменту приезда

думской делегации в середине февраля 1922 г., сказал год спустя в ГПУ Н. П. Фролов, численность партизан составляла «с тылом всего и с каюрами около шестидесяти».

К концу февраля, вспоминал бывший облнарревкомовец П. Г. Ивашкин-Ларичев, партизанские силы уменьшились. Руководство отряда распустило по домам вступивших в него со своими нартами жителей Колыгирия, что в ста километрах на запад от Петропавловска, и Жупанова из-за отсутствия корма для собак.

Нервное перенапряжение, полуголодное существование в наспех сооруженных землянках, износившаяся летняя одежда и обувь способствовали простудным заболеваниям среди красных партизан. Тяжелая обстановка вылилась в «нездоровые настроения». Грешили этим и некоторые коммунисты. Прежде всего — Мусорин и Пересыпкин. Начались разговоры о временном прекращении блокады города по причине численного превосходства противника.

«Насколько мне помнится, — писал П. Г. Ивашкин-Ларичев, — секретаря партийной организации т. Савченко в это время не было, он направлен был в Шемлячек для организации доставки оттуда нашей муки и проведения работы по реквизиции пушнины у охотников, промышлявших в Кроноцком заповеднике, как у браконьеров. Такие товарищи, как житель селения Островной Казаков, пошел в свое селение, а отличавшиеся недисциплинированностью коммунисты Мусорин, Пересыпкин пошли в селение Налычево. За ними потянулись другие...»

Прибывший из отряда В. М. Чекмарев доложил И. Е. Ларину: Завойкинский тракт, по существу, «остался открытым... в глубь области могут свободно проезжать из города спекулянты, провозить, что им угодно... под городом осталось партизан десять человек».

Сообщение Чекмарева заставило Ларина обратиться с воззванием к партизанам, в котором говорилось, что снятие блокады не даст управлять областью из Начик и сорвет работу по созыву Второго чрезвычайного съезда (вышеупомянутым был продиктован и его приказ № 1 штабу соединенных отрядов облнарревкома от 1 марта 1922 г.).

Не имея свыше шести месяцев связи с материком, большевики возлагали на этот съезд большие надежды не только в плане моральной поддержки. Они полагали, что с его помощью «удастся втянуть в борьбу с меркуловскими контрреволюционными силами коренное население Камчатки».

Между тем, оно, особенно на западном побережье полуострова, по словам самих же партизан, очень настороженно относилось к призыву облнарревкома о создании боевых отрядов. Если и были селения, сообщавшие об организации отрядов, то дальше этого дело не шло: новые отрядники сидели по своим селам и бездействовали.

На Завойкинскую и Мильковскую волости партизанам рассчитывать не приходилось. И. Е. Ларин объяснил это... спиртом, который завозили «спекулянты» и который «имел немалое влияние на обработку мнения среди коренного населения».

По Ивашкину-Ларичеву же, настороженность «коренников» к облнарревкому основывалась на другом: дескать, население Петропавловского уезда «не испытало на себе... террора и издевательств “белых”», а «меркуловские ставленники Бирич, Поляков и их компания — Пурин, Добровольский... имели задание отторгнуть Камчатку от Советской России, сделать ее в полном смысле автономией под протекторатом Японии, причем добиться этого... с полного согласия местного коренного населения».

Большой помехой в налаживании отношений между партизанами и Завойкинской и Мильковской волостями являлись, считает тот же автор, проживающие там «крупные по масштабам Камчатки капиталисты» камчадалы Машихин и Коршунов. Он не уточняет, кого из братьев Машихиных имеет в виду. Скорее всего — Павла Александровича, уроженца селения Завойко, 1888 года рождения, окончившего двухклассную городскую школу, занимавшегося в то время коммерцией: скупал на Камчатке пушнину, продавал ее в Америку, где брал различные товары и торговал ими в области. Будучи под следствием в ОГПУ в 1930 г., он показал, что собственного капитала у него «доходило не более как двадцать тысяч рублей, а дальше работал на кредитах». Кредитовал его американский торговец Свенсон.

До ареста в 1931 г. лишенный избирательных прав бывший торговец Василий Иннокентьевич Коршунов, 1889 года рождения, жил охотой и крестьянским трудом. Ему принадлежали: дом, крытый железом (10 на 21 аршин), три амбара, сарай, баня, шесть лошадей, четыре коровы и столько же молодняка до трех лет, две свињи и двадцать нартовых собак.

«Правда, — оговаривается П. Г. Ивашкин-Ларичев, — от них не было слышно ни одного открытого слова против советской власти, против ОНРК, они не были замешаны ни в одной аванюре... но Машихин и Коршунов являлись идеологами коренных жителей Петропавловского уезда» и, как убежден Петр Глебович (не приводя конкретных фактов), подкупали политических деятелей, таких, как председатель Завойкинского волкома А. Я. Чернышев, Шкляев. В подтверждение сего он ссылается на И. Е. Ларина, который сказал в 1922 г. в Начиках: «Если бы у нас была валюта, то можно было бы склонить на нашу сторону в селении Завойки и Чернышева, и Шкляева, а в Петропавловске городских “воротил” Колмакова и Щипчинского, все они продажные шкуры». Добавим от себя: в камчатских архивах сведений подобного характера обнаружить не удалось.

Судьба Чеслава Куприяновича Щипчинского, покинувшего наш край в конце 1920-х гг., неизвестна. Елизар Александрович Колмаков, который

проходил по сфабрикованному делу «Автономная Камчатка», расстрелян в 1934 г., Александр Яковлевич Чернышев вместе с Павлом и Георгием Машихиными — на три года раньше. Василий Иннокентьевич Коршунов получил в январе 1932 г. десять лет концлагерей.

Делегат Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда от Ключей А. В. Столяров поведал сотруднику ОГПУ Петренко в декабре 1930 г. о событиях «партизанской поры»: «Перед избранием меня и Попова (на съезд. — В. П.) из Петропавловска кто-то приезжал в Ключи, Усть-Камчатск и — быстрым темпом обратно, после чего появилось воззвание “Камчатка — для камчадал”. Приезжал, как мне помнится, кто-то из Машихиных из Завойко. Во время пребывания моего в Завойко как делегата со стороны торговцев было целое гонение на делегатов, и они всюду агитировали за свержение советской власти.

Делегатам они не давали провианта, подвод и т. д. Особо из них выделялись дерзостью и поведением... это следующие лица: Машихин Павел Александрович, Георгий Александрович, Иннокентий (отчества не помню), Чернышев (имя-отчество не знаю), Шкляев был заведующим кооперативом, Ворошилов Гавриил, Пшенников Иосиф, Рязанцевы, Сметанин Иван, других не помню. Благодаря активной деятельности упомянутых и был убит делегат от Тигильского волревкома Рябиков Илларион Васильевич».

Все поименованные выше, за исключением Шкляева, попали под молот репрессий. Семьи Машихиных и Коршунова подверглись выселению с Камчатки: первых — «в Николаевск-на-Амуре округ», второго — «в спецпоселок».

В селении Завойко в период съезда партизаны П. Г. Ивашкин и И. И. Елисеев, зайдя в один из домов, впервые увидели мать Машихиных. В завязавшейся беседе эта пожилая женщина им сказала: «Молодые люди, вам бы только веселиться, устраивать вечерки, гулять с барышнями, а вы шляетесь по сопкам, затеяли войну, и камчадал к этому призываете. Царя свергли, и дожили теперь до того, что даже русских денег нет, а вот японцы своего царя почитают, у них все есть, и их деньги ценятся. Вы думаете, что камчадалы ничего не понимают. Вот они смотрят, смотрят на вас, “мурок” (прозвище приезжих русских. — *Ред.*), да возьмут соберутся и выгонят всех вас с Камчатки».

А мельковчане, прежде чем выработать свое отношение к облнарревкому, делегировали в Петропавловск И. М. Ворошилова и Ф. П. Плотникова, затем собрались на волостной съезд, который 31 марта 1922 г. заслушал вернувшихся из областного центра односельчан, привезенные гостями — гласными Думы — материалы: документы обеих противоборствующих сторон (администрации Х. П. Бирича и облнарревкома И. Е. Ларина) и Завойкинского волостного управления. И — постановили: «Вполне сознавая, что Камчатка по своему географическому положению самостоятельной единицей быть

не может и находится в зависимости от Владивостока, как ближайшего пункта материка, мы должны подчиняться тому положению, какое там есть.

Выступление вооруженных отрядов КОНРК 3-го созыва (от 1920 г. — *В. П.*), внесло в население тревогу и отразилось на экономической жизни населения нашей волости, а также и других волостей, так как благодаря этому выступлению почти все промышленники должны были выехать с охоты раньше срока — поэтому Мильковский волостной съезд находит необходимым следующее: 1. Всякие выступления вооруженных отрядов нежелательны. 2. Восстановить телеграфное и телефонное сообщение с Петропавловском. 3. Чтобы был свободный проезд, как до Петропавловска, так и обратно».

Данное постановление было опубликовано в областном центре 23 апреля 1922 г. Тем же месяцем датировано дополнение к докладу Х. П. Бирича во Владивосток, где сообщалось о продаже японцам командорской пушнины: бобров, котиков и голубых песцов.

«За всю зиму, — писал далее Бирич, — до настоящего времени известий не получал от своего помощника Покровского и Охотского уполномоченного Соболева о состоянии Охотского уезда и находящегося там отряда под командой Грундулса. От начальника Булыгинского отряда капитана Яныгина и Сентяпова тоже никаких известий нет. Из информации с Наяхана лично от Бочкарева и его начальника штаба поступают весьма утешительные известия о продвижении в глубь к Якутску отдельных отрядов и очищении края от большевиков. Занятие отрядами Верхне- и Средне-Колымска и Верхоленска, в Анадырском уезде сел Марково, а также обложение г. Якутска и установление пропускного пункта в Тигиле (Бирич, конечно же, не знал о предписании Бочкарева начальнику этого пункта от 3 марта 1922 г. всех чиновников, посланных из Петропавловска особоуполномоченным, немедленно отправлять обратно, закрывая их управления. — *В. П.*) при том незначительном числе отряда представляется, если это есть в действительности, в высшей мере геройской работой воинских частей и в особенности воинского командного состава, который сумел привлечь на свою сторону местное население, без помощи которого никакое продвижение воинских частей немислимо, в особенности принимая во внимание громадность захваченной территории.

В Петропавловске находится много фирм, которые имеют свои отделения в разных местах Охотского края и в предыдущие годы в зиму имели постоянное телеграфное сообщение со своими отделениями — в эту же зиму, с самого занятия нами г. Петропавловска, ни от кого их охотских торговцев сведений не поступало, и на запросы местных не отвечали. Все это вызывает в обществе разные комментарии и суждения на верность информации из Наяхана».

«Мне трудно поддерживать убеждение в населении, — докладывал Бирич, — что известия о деятельности Охотского отряда в действительности не преувеличены, и что при активной помощи местного там населения от-

ряд мог осуществить в действительности те свои продвижения в крае, которые получены по информации из Наяхана».

Высказать свое мнение о бочкаревском проекте реконструкции гражданской и военной власти в Охотском крае особоуполномоченный отказался — настолько тот не соответствовал правительственному Положению. Однако счел нужным подчеркнуть: «Проект этот приводится на решение правительства помимо меня и поддерживается, не знаю, по каким соображениям, Пуриным, Добровольским и Соколовым». Первые двое являлись членами Особого совещания по культурно-экономической помощи Охотско-Камчатскому краю, а Н. М. Соколов, как известно, был представителем этого правительства.

Все трое, а также государственный контролер К. И. Миховский, чиновник Ф. Д. Стецук, командир «Свири» Г. Я. Бойко, офицеры того же судна В. А. Кулий и Подгорный приняли участие во второй половине апреля в обсуждении сложившейся ситуации и действий Х. П. Бирича. В его архивном уголовном деле нами найдена краткая запись этого обсуждения.

«Пурин, Добровольский и Миховский говорили: финансовая политика г. Особоуполномоченного направлена по ложному пути, так как ориентация на американцев поведет к ухудшению отношений между нами и японцами, что для нас в настоящее время крайне нежелательно. Учитывая нечестность японской политики, указывали: на возможность повторения событий, аналогичных событиям 4—5 апреля 1920 г. в г. Владивостоке; вооружения большевиков, бродящих в тайге, — пулеметами, и что все это вместе взятое может привести к общему краху.

Офицеры “Свири”, указав на необходимости координирования действий местного административного аппарата с правительственными пожеланиями, не согласились с мнением гг. Пурина, Добровольского и Миховского относительно вооруженного вмешательства японцев, указав на невыгодность такого образа действий для самих японцев, но, допуская возможность передачи японцами большевикам оружия, предложили присутствующим войти к Особоуполномоченному с представлением по данному вопросу...

Обрисовав экономическую политику правительства и финансовое положение в переживаемый момент, гг. Пурин и Добровольский указывали на необходимость финансовой автономии для Камчатки и срочных мероприятий в этой области».

Пришедшим к этому времени Н. М. Соколовым было повторено все то, о чем говорилось до прихода, и добавлено: генерал Поляков с конвоем, на верное, выедет на транспорте «Охотск».

Недовольство Н. М. Соколова вызывала не только экономическая политика Х. П. Бирича. «На этих днях, — говорилось в его письме на имя особоуполномоченного от 25 апреля 1922 г., — несомненно предъявление больше-

виками ультиматума городу и властям, в нем находящимся, а затем следует ожидать осуществления большевиками их угрозы нападения на город».

Жители сел Завойко и Сероглазка, по информации Соколова, ждут от Петропавловска «энергичных объединенных действий для совместной ликвидации появившихся вооруженных шаек красных»; между тем приказами Х. П. Бирича утверждена лишь должность начальника обороны Петропавловска, а сам город, будучи «в полном смысле слова в осаде», объявлен только на положении усиленной охраны.

Затем представитель Владивостока переходит к главному. «Объединение всех военных сил в Петропавловске для борьбы с красными повелительно требует в своих телеграммах на Ваше имя и на имя генерала Полякова председатель Приамурского правительства С. Д. Меркулов, не мыслящий, разумеется, объединение воинских частей для совместных военных действий не иначе, как под начальством старшего из военных начальников, то есть генерал-майора Полякова, который и должен быть назначен Вами начальником Петропавловского военного района».

25 апреля, сообщает Н. М. Соколов Биричу, он вместе с А. А. Пуриным и И. Д. Добровольским имел беседу с генералом, и тот согласился с ними насчет объединения командования и неизбежности немедленного перевода города на военное положение.

«Уже это одно объединение под командованием генерал-майора Полякова, — доказывал Соколов, — успокоит городское население и внесет панику в ряды большевиков и всех им сочувствующих». Соколов, Пурин и Добровольский были готовы обсудить упомянутое выше с Биричем и предлагали ему это сделать в целях «исполнения в точности указаний председателя правительства».

26 апреля 1922 г. Х. П. Бирич издает приказ № 229: «Ввиду повторяющегося скопления в окрестностях г. Петропавловска разных бродячих банд, имеющих себя большевиками и группирующихся в скопище значительного числа вооруженных людей с угрозой как городскому населению, так и населению окружающих сел — для успокоения населения и ликвидации шаек в дополнение моего приказа № 215 о положении Петропавловского уезда и г. Петропавловска на усиленной охране, — предлагаю начальникам отдельных воинских частей объединиться для ликвидации всех бродячих шаек в окрестностях города и в ближайших селах.

Назначаю начальника штаба СЭО Генерального штаба генерал-майора Полякова начальником Петропавловского военного района на все время положения усиленной охраны Петропавловского уезда. Начальника охраны г. Петропавловска есаула Чешкина — начальником его штаба.

Начальнику ПВР в оперативном отношении подчиняется 1-я сотня СЭО, местная команда военной милиции и команда парохода “Свирь”. Все распо-

ряжения начальника ПВР и его приказы по военным операциям предоставляются мне ежедневно. Все аресты по политическим мотивам производятся чинами по ордерам: моему и начальника военного района. Обыски в домах и выемка должны производиться обязательно в присутствии начальника городской милиции или лица, заменяющего его».

В связи с приказом № 229 начальник Петропавловского военного района генерал Н. А. Поляков созвал совещание, на которое пригласил летчика полковника Андреева, подполковника Кузнецова, есаула Чешкина, Соколова, Пурина, Добровольского, Щипчинского.

Участники совещания пришли к единому мнению: весь район Петропавловского уезда необходимо немедленно перевести на военное положение, а начальнику ПВР, который одновременно является и командиром самостоятельного отряда, — предоставить полную свободу действий и все полноту власти.

В протоколе совещания записано, что оно считает недоразумением подчинение воинских частей начальнику ПВР «только в оперативном отношении» и «не мыслит успешных военных действий без полного подчинения всех находящихся в Петропавловске» белоармейцев. Еще большим недоразумением назвали участники совещания у генерала Полякова порядок обысков и арестов, годный, по их мнению, для мирного времени. «В военное время и при начале вооруженной борьбы военная власть не может быть стеснена в своих действиях при вылавливании большевиков и их единомышленников». Совещание высказалось за выдачу начальнику военного района денежного аванса в пятьсот рублей для усиления разведки и найма в этих целях «тайных агентов и прочего».

Когда 25 апреля 1922 г. Дума решила заслушать доклад начальника милиции при закрытых дверях, гласные С. В. Ганцев и И. Д. Грызлов сделали запрос, можно ли им присутствовать на этом заседании, так как у обоих (у первого сегодня, а у второго 19 апреля) местная сыскная полиция произвела обыск, «вероятно с подозрением в соучастии с большевиками».

Дума о происшедшем не знала и была сильно удивлена, поскольку «за все время выступления большевиков стояла отрицательно по отношению к ним». Выразив сожаление по поводу случившегося, она постановила вынести своим коллегам «полную благонадежность о непричастности к большевизму».

Утром 29 апреля 1922 г. в Петропавловске появились трое партизанских парламентариев с ультиматумом Х. П. Биричу покинуть Камчатку вместе с военными подобру-поздорову, иначе красные приступят «к ликвидации их силой оружия».

Председатель Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда И. В. Рябиков и два его спутника вошли в городскую управу. В это время там находился секретарь управы и Думы В. И. Румянцев и, по его словам, техник Цапов и сторож Крикун.

«Рябиков представился, говоря, что привез пакеты от Областного комитета. Я хотел их принять, но он сказал, что ему лично нужно передать городскому голове... они пошли к нему. На мое предложение послать сторожа, чтобы он указал квартиру, он ответил, что знает, где квартира», — вспоминал меньше чем через год Румянцев. «Когда Рябиков ушел только что из управы к городскому голове, зашел Крупенин Петр Александрович...»

Городской голова Е. А. Колмаков подтвердил в 1923 г. на следствии под арестом: да, Рябиков со своими спутниками приходил к нему домой, где они за чаем беседовали о деле, которое привело их в город, в это время к Колмакову заглянул подпоручик Поярков, начальник военно-политического розыска, разузнал, что за гости и зачем пожаловали. «Поярков ушел, дорогой в управу я передал, кто такой Поярков, и какие творят беззакония бочкаревы, высказал пожелание скорее прийти к мирному соглашению, о чем, я думаю, помнят свидетели Яковлев и Попов».

«В управе, — рассказывал далее Колмаков, — мы занялись рассмотрением дела о вооруженном выступлении, здесь были Румянцев, доктор Щипчинской, Цапов и Петр Крупенин. Рябиков просил собрать Думу и обещался ей доложить о цели посещения делегации. Дума назначена была в 4—5 часов вечера. Повестка об этом была послана, но заседание Думы не было разрешено начальником гарнизона генералом Поляковым».

Согласно показаниям Ч. К. Щипчинского, он встретил Рябикова в городской управе, и они начали договариваться, как найти общий язык для совместной работы. «Мы с ним условились обедать у гражданина Одынца (гласного Думы. — *В. П.*), где и думали весь план выработать для дальнейшей деятельности, а равно устроить заседание на завтрашний день».

«Когда я еще писал повестку, это было часов в одиннадцать, — говорил подследственный В. И. Румянцев, — тов. Рябиков решил со своими товарищами купить что-нибудь в магазинах. Когда они стали выходить из помещения, подошел Поярков с несколькими солдатами и сказал, что временно задерживает их».

ГПУ выясняло, кто сообщил белым о парламентарях. Будучи арестованным по Думскому делу, Румянцев узнал, что грешат на него, даже есть бумага, написанная кем-то. «Но мной этого не делалось», — заявил он, указывая на людей, которые могут свидетельствовать в его пользу, — техника Цапова и сторожа Крикуна.

«Ходил ли куда сторож, когда был Рябиков?» — спрашивали Румянцева. «Я не помню, я его не посылал», — отвечал он. И добавлял, что вообще-то посылал, но не тогда, а после ареста Рябикова — с повесткой по гласным. Но, вероятней всего, думал Румянцев, «когда пришел Рябиков в город, то об этом знало уже полгорода, так как он пил чай у Загорулько».

Справка. Загорулько Григорий Леонтьевич, 1879 года рождения, из днепрпетровских крестьян, грамотный, по профессии слесарь, жена Мария Панова (сестра партизанской связной Веры?). В 1923 г. — сочувствующий РКП(б).

В деле священника Михаила Ерохина, начатом 26 ноября 1922 г. по обвинению в контрреволюции и шпионаже, есть документ «Подробное описание ареста народных посланников для переговоров с черносотенными бандитами Бочкарева-Озерова (фамилия матери В. И. Бочкарева, которой он иногда пользовался. — В. П.)». Под ним подпись Г. Л. Загорулько.

Приводим выдержку из этого документа. «29 апреля 1922 г. ко мне на квартиру пришел И. В. Рябиков, Яковлев и Попов в восемь часов утра, в это время я сильно хворал и лежал в постели. Все три упомянутых выше делегата вошли ко мне в спальню, и Рябиков сразу спросил, какое положение в Петропавловске, я объяснил все подробно и сказал, чтобы он возвращался обратно в Завойко именно потому, что его арестуют и будут делать над ним истязание; но он, Рябиков, мне лично сказал, что он не воротится назад, пока не сделает собрания совместно с городской Думой, попили чаю, и пошли делегаты в Думу, и кода от меня уходили, то Рябиков дал моей жене несколько бумаг, чтобы она сожгла, что жена при Рябикове бросила в плиту.

В городской управе делегатов арестовали в одиннадцать часов. 29 апреля сего Рябиков прислал мне записку со “Свири”, чтобы я прислал ему чистое белье, я ему послал белье: подушку, простынь и бумазею для портянок и продукты...»

В 1937 г. Загорулько, сторож японского завода № 3 фирмы «Ничиро» в Усть-Камчатском районе, был взят НКВД. Рабочий Н. показал на него: «12 января 1937 г. во время ужина, который состоял из мясных консервов, Загорулько, обращая ко мне и своей жене Марии, говорил: “Мы кушаем людские консервы, изготовленные из украинского мертвого народа”. Затем взял на вилку кусок консервированного мяса, сказал: “Смотрите, вот сустав от пальца, там на Украине погибло от голоду (видимо, в 1933 г. — В. П.) свыше пяти миллионов человек”.

На второй день, 13 января, жена Загорулько Мария перед подачей на стол обеда сказала: “Хотя и противно, но ничего не поделаешь, будем опять кушать людские консервы”. А когда стали обедать, Загорулько выгацил на вилке кусок консервированного мяса, показывая его нам, говорил: “Вот видите, белое мясо, это женская грудь. Ну что же сделаешь, если на Украине ели людей и не доели, так мы их здесь будем доедать в консервах вместо свинины и говядины”».

Камчатский областной суд дал Г. Л. Загорулько пять лет исправительно-трудовых лагерей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор и направила дело на новое расследование, в результате которого в мае 1940 г. Григорий Леонтьевич был освобожден. В поста-

новлении об этом указывалось, что граждане Н., Б. и другие показали на него из личных счетов, и все они — «дезорганизаторы производства и не внушают политического доверия». Между тем, тот же Н. заявил следователю на допросе 15 февраля 1938 г. буквально следующее: «Загорулько говорил, что выдал Рябикова белым, над ним издевались три месяца, вывезли в бухту Раковую, убили и бросили в воду».

При аресте у Иллариона Рябикова отобрали две шкурки соболя, но оружие — револьвер «Кольт» — он успел передать Е. А. Колмакову, так, во всяком случае, утверждал последний. Второй парламентар — Егор Измайлович Попов — лишился шестидесяти иен.

В 1938 г. на допросе в НКВД он показал: «После двухдневного содержания под стражей нас допрашивал белый офицер. На допросе вместо того, чтобы выполнить волю съезда, я встал на путь измены и предательства, заявил, что камчадалы не хотят советской власти, рассказал о составе и работе съезда ревкомов, о положении в селах, где сказал, что все села разбились на два лагеря: кулачество и зажиточная часть хотят правительства Бирича, а бедняцкая часть стоит за ревкомы. Сообщил о наличии партизанских отрядов по области... о командирах отрядов, о вооружении и их месте расположения».

6 сентября 1940 г. Е. И. Попов стал говорить совсем другое: «...Бирич меня спрашивал, какую власть я признаю, на что я ответил... областной революционный комитет, и ему подчиняюсь, то есть признаю советскую власть». О партизанских отрядах заявил, что «ничего не знаю, и если бы о них что и знал, то все равно Вам бы не сказал».

«А в действительности знали?» — последовал вопрос. «Да, знал, — отвечал Попов, — знал об их численности, о вооружении, где расположены, где посты и т. п.». Следователь напомнил ему, что он говорил на допросе в 1938 г. «Я себя оклеветал... боясь применения мер физического воздействия со стороны следствия ко мне», — сказал Попов.

По Колмакову же, который был приглашен к особоуполномоченному как понятой, дело обстояло так: «Бирич задал Попову вопрос, знает ли он его, так как плавал на его батах. Затем Бирич говорил ему, что “я вам плохого ничего не делаю, живя в Усть-Камчатке”».

Попов уверял, что ничего худого от него не видели, и стал говорить Биричу, что он малограмотный, он был послан в Мильково на съезд, и что он ничего не понимает в политике и просит Бирича отпустить его в Усть-Камчатку и разрешить ему сейчас же на пароходе выехать домой. Бирич говорил ему, что он только тогда его отправит домой, когда они с Яковлевым (третьим парламентаром, делегатом съезда от Паратунки) отвезут в Завойко на съезд ответ. Попов обещал, что в политику вмешиваться не будет, и дал Биричу подписку в этом.

Яковлев точно так же просил Бирича отпустить его домой, так как он «был в заблуждении...»

И с него особоуполномоченный взял подписку. Рябикова при Колмакове не допрашивали — его городской голова в квартире Бирича не видел. Затем, рассказывал Колмаков все в том же 1923 г., Попова с Яковлевым вывели. Бирич и Поляков, посоветовавшись между собой, решили этих двоих освободить, как местных жителей. Их перевезли через бухту и отпустили.

В конце 1922 — начале 1923 г. на следствии по делу «Камчатской экспедиции» Бирич уверял, будто он хотел освободить и И. В. Рябикова, но из-за «категорической угрозы» подполковника Кузнецова и генерала Полякова убить его в этом случае, распорядился поместить не в казарму, как того добивались военные, а на посыльное судно «Свирь». Бирич добавлял: вообще-то «в залог за полковника Лукомского», попавшего к партизанам, были арестованы все трое парламентаров...

29 апреля 1922 г. произошло еще одно не рядовое для Камчатки событие. Во Владивосток наконец-то ушел пароход «Охотск», застрявший в Ковше с декабря 1921 г. В списке отъезжающих почему-то нет А. А. Пурина и И. Д. Добровольского, хотя точно известно, что они убыли с этим пароходом, зато есть другие известные лица: Н. М. Соколов, К. М. Миховский, М. С. Миклашевский, Г. Г. Бек, полковник Андреев, прапорщик Воинский, А. Н. Татаровский, капитан дальнего плавания Р. Я. Салатко-Петрище, священник Л. Я. Яковлев. Список из тридцати человек замыкают гласные Думы Е. Ф. Одынец и В. И. Артюхин, избранный депутатом Народного собрания.

Неделю спустя в «Камчатском листке» появилось сообщение: «Гг. офицеры и солдаты СЭО, уехавшие на пароходе “Охотск”, за отсутствием свободного времени не имея возможности проститься с петропавловчанами, приносят извинения и заочно благодарят всех друзей, сослуживцев и знакомых, с пожеланием всего наилучшего и доброго здоровья».

А на другой день после ухода «Охотска» та же газета писала, обращаясь к землякам: «Коммунисты опять начинают стравливать мирных жителей Камчатки и вовлекать их в братоубийственную борьбу. Господам Фрумкиным-Славским, Мусориным терять нечего, они исчезнут, а вот мирное население поплатится. В итоге может получиться, что плодами воспользуется кто-то третий.

Граждане Камчатки, одумайтесь, не поддавайтесь на провокации, подумайте, к какой опасности ведут Вас эти господа. Не поддавайтесь на удочку красивых фраз и обещаний. Живите тихо и спокойно. На ход мировой истории влиять мы не можем, никаких нам партий на Камчатке не нужно, они ни к чему».

По времени это обращение совпало с достигшим адресата ультиматумом красных партизан.

В ОЖИДАНИИ КРОВИ

30 апреля Х. П. Бирич, генерал Н. А. Поляков, Ч. К. Щипчинский и Е. А. Колмаков направили Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому управлениям отношение № 2087: «29 апреля с. г. представители Паратунской волости Яковлев и Ключевской — Попов, бывшие делегатами на незаконном чрезвычайном съезде, созванном революционным комитетом, явились в Петропавловск с председателем этого съезда Рябиковым и принесли постановление этого съезда, которое гласит, что если Представитель Приамурского Правительства не выедет со своим отрядом из Петропавловска, то самозванный революционный комитет нападет на город и возьмет город с бою.

Делегаты незаконного съезда, представители местного населения Яковлев и Попов заявили всем нам, что они заведены в заблуждение коммунистами-большевиками, добывающимися власти над коренным населением, чтобы грабить богатства, находящиеся на Камчатке.

Не желая принимать никаких репрессивных мер к представителям местного населения, введенным в заблуждение и не желающим кровопролития», — говорилось в документе, а также принимая во внимание, что особоуполномоченный послан на Камчатку правительством для охраны интересов, имущества и жизни местного населения, он разрешил Попову и Яковлеву выехать из Петропавловска, а «коммуниста Рябикова» (белые почему-то считали его коммунистом, хотя тот им не был) будет содержать под строгим арестом «как вредного человека, призывающего вас, коренных жителей, к кровопролитию», и заложника за полковника Лукомского «и на случай вооруженного выступления большевиков против Правительства».

На следующий день, 1 мая, городской голова Е. А. Колмаков ответил на письмо кандидата к гласным Четвертой Петропавловской Думы А. Д. Брагина о судьбе его сына, задержанного военными по подозрению «в подвозке продуктов отряду красных». Городской голова писал по поручению Бирича и Полякова, что молодой Брагин будет доставлен к отцу в Налычево на пароходе «Свирь», когда выяснится «степень вашей виновности и вашего сына... Артюхин и я видали вашего сына и разговаривали с ним».

23 апреля 1961 г. «Камчатский комсомолец» напечатал песню директора Корякского окружного Дома народного творчества, сопроводив ее предисловием: «Зимой 1921 г. в Петропавловске бандой белых был схвачен шестнадцатилетний разведчик. Никакие пытки не могли сломить красного бойца. Белобандиты замучили Самуила, а затем, изрубив, бросили в Авачинскую бухту». Далее следовал текст песни:

*Дни суровые —
Двадцать первый год.
Алым цветом зарева
Красит небосвод.*

*Ночью на разведку
В город уходил
Юный партизан
Брагин Самуил.
Даль туманная,
Петропавловск спит.
Тишина обманная —
Враг за нею скрыт.
В сонных переулках
Рыщет волчий взгляд;
Юноша заметил —
Нет пути назад.
Пыткой страшною
Не сломить бойца.
За страну Советскую
Голову сложил
Юный партизан
Брагин Самуил.*

Что вдохновило автора на такую песню? По-видимому, двухстраничное воспоминание повара партизанского отряда Василия Дорофеевича Зорина, помещенное в брошюре «Молодость боевая», которая вышла в Петропавловске к сорокалетию ВЛКСМ в 1958 г.

«Продукты для отряда, — пишет Зорин, — приходилось доставать с трудом. Готовить пищу приходилось и во время боя, когда над головой свистели пули (за все время партизанства между красными и белыми произошло два боя: 1 июня около Петропавловска и в конце июля в Паратунке; ни в том, ни в другом В. Д. Зорин не участвовал. — В. П.). Зачастую я держал в одной руке половник, а в другой винтовку. Помимо своей поварской работы, я охранял партизанские склады.

Зимой 1921 г. наш партизанский отряд находился в Жупаново, а база наша была в Налычево. Из-за отдаленности базы у нас сложились тяжелые условия с продовольствием, не было медикаментов, да и с боеприпасами было туго. Чтобы достать медикаменты и самое необходимое для отряда, нужно было связаться с женой нашего партизана Лукашевского, которая жила в Петропавловске. Но в Петропавловске свирепствовали тогда белобандиты, возглавляемые атаманом Биричем, поэтому связаться с ней было трудно или, лучше сказать, почти невозможно. Решено было послать на связь самого юного нашего партизана Самуила Брагина, ему было всего шестнадцать лет».

До города, повествует партизанский повар, юноша добирался на собаках. В ту пору стояли жестокие морозы, он едва не замерз. Ехал Брагин несколько дней, стойко перенося трудности. Но выполнить задание не смог — «какой-то провокатор выдал его белобандитам».

По рассказу В. Д. Зорина, юного партизана схватили и доставили к Биричу, который, как известно, никаким атаманом не был, а был главой гражданской администрации Приамурского правительства. Бирич расспрашивал «о расположении, численности партизанского отряда и все, что знает о партизанах. Однако Самуил молчал. Тогда началось самое страшное. Руку молодого партизана окунули в керосин и подожгли. Самуил смотрел, как на его охваченной пламенем руке трескалась кожа. Из покусанных от нестерпимой боли губ сочилась кровь. Ему дали неделю на раздумье, но партизан молчал. Потом снова пытки. На этот раз ему подожгли другую руку. Но и это не сломило молодого героя.

Тогда его потрескавшиеся и окровавленные руки начали обливаться раствором крепкого тузлука. От боли Самуил терял сознание. Это был юноша железной воли. В редкие часы, когда прекращались пытки, из его камеры слышались звуки партизанской песни. Самуил пел назло врагам.

Поняв, что их старания бесполезны, бандиты в бессильной ярости изрубили его тело на куски, и Авачинская бухта стала могилой юного героя».

Обо всем этом, по словам Зорина, поведал партизанам И. В. Рябиков, «который был уполномочен для переговоров с белогвардейцами... Ему удалось увидеть все это своими глазами». Правда, рассказчик не уточняет, каким образом парламентар передал виденное в стан красных, будучи сам под стражей.

Партизанский дневник И. Е. Ларина молчит о подвиге мученика. Нет его и в воспоминаниях П. Г. Ивашкина-Ларичева «Второй Чрезвычайный Петропавловский уездный съезд Камчатской области 12 апреля — 27 мая 1922 г.». Впрочем, говоря о пребывании красных в Налычево в двадцатых числах января 1922 г., Петр Глебович мимоходом замечает: «Все же в селении... вступили в наш партизанский отряд тт. Румянцев (не путать с секретарем Петропавловской Думы и управы. — В. П.), коренной житель Камчатки тов. Косыгин, и, как мне припоминается, вступил в отряд один или два сына Брагина».

...Отец Самуила Андрей Дмитриевич Брагин в 1931 г. был раскулачен и лишен избирательных прав, а на следующий год выслан Тройкой ОГПУ ДВК за пределы Дальневосточного края на три года. Свидетель по его делу, односельчанин и бывший красный партизан Андрей Иванович Кобцев показывал: Брагин-старший «смотрел на партизан как на разбойников, не хотел разговаривать. Однажды посылает своего сына в город, белые его арестовали. Гражданин Брагин стал принимать все гнусные меры освободить сына от белых. Однажды отправляется сам в г. Петропавловск, попадает на встречу разведки спросили, куда идет. “В город выручать сына”. — Вы читали постановление военно-рев. отряда? “Да читал”. Приступили к обыску нашли письмо в адрес городского головы Колмыкова и Артюхина.

Он пишет постарайтесь освободить моего сына я для вас открою всю подлость красных партизан Штаб красных партизан в с. Налычево. Тов. Славский (Савченко) заявляет гр. Брагину: тебе на старости лет надо поставить к березе расстрелять но жалея твоих детей (у Андрея Дмитриевича было их десять: шестеро своих и четверо приемышей. — *В. П.*) вернули обратно. Гр. Брагин во время интервентов имел тесную связь с японскими офицерами... в доме гр. Брагина ежедневно десятки офицеров пьянствовали. Гр. Брагин имел в то время 5 коров дойных, все молоко продавал японским офицерам, а детям городских не продал ни одной бутылки, так как у них не было иен, а у японцев были...»

А. Д. Брагин, указывалось в обвинительном заключении, не только не признал себя виновным в антисоветской агитации — выступал против коллективизации — но даже приписывал себе революционные заслуги в период партизанского движения. Из Усть-Камчатска прислали груз для партизан (муку, жиры, сахар, чай, мыло, мануфактуру), а он-де прятал его около трех месяцев на японском заводе Ничиро, а когда осенью 1922 г. японцы сказали забрать, то прибывшие партизаны забрали и спрятали «в погребках... в верстах десяти от озера».

«В моем ведении, — прибавлял А. Д. Брагин, — находилось и хранилось оружие и припасы партизан, которые выдавались по требованию штаба. Человек шесть пленных городских жителей, которые попадались партизанам, содержались под стражей, чтобы не могли донести белым о партизанах... эти пленные сами встали в ряды партизан, оформление... их в партизаны проходило через меня... Приходилось у японцев на заводе доставать медикаменты для партизан».

На допросе 5 мая 1932 г. А. Д. Брагин сообщил: «Сын мой Самуил был пойман белыми, шесть месяцев сидел на пароходе “Свирь”, был освобожден осенью 1922 г. как малолеток, после этого он вступил в комсомол и был переведен в партию, в данное время учится во Владивостоке в Рыбвтузе».

Василий Дорофеевич Зорин, проходящий свидетелем по делу Брагина-старшего, о Самуиле не вспоминает. О самом Андрее Дмитриевиче говорит, давая показания в качестве председателя Налычевского колхоза: «Старался уменьшить хозяйство (свое, индивидуальное. — *В. П.*), скот больше чем наполовину... в найме чужих рабочих не содержали... Посевную кампанию не выполнял, то есть расширение посевных площадей не производил...»

Впрочем, о том, что Самуил Брагин оказался жив и невредим, я узнал за несколько лет до того, как раскрыл дело его отца. В комсомольских фондах ЦДНИКО он встречался мне неоднократно. В характеристике на него, члена РЛКСМ (родился в 1906 г.), караульного губернского финотдела, не имеющего основной профессии, значится: «Честен, неподкупен. Обязанности выполняет вполне добросовестно».

Попадается фамилия Самуила Брагина и в одном из партийных фондов. На 30 февраля 1928 г. он — помощник карантинного смотрителя районной таможни в Петропавловске. Товарищи по комсомольской ячейке знали его как активиста по комсомолу, но еще мало подготовленного, идеологически вполне устойчивого, партийно выдержанного, с партшколой за плечами. Партсобрания он посещал регулярно, взносы платил. В протоколе тройки по проверке кандидатского состава городских ячеек ВКП(б) от 10 сентября 1928 г. записано: «Участвовал в 1922 г. в партизанском движении — был арестован белыми, в Красной армии не служил».

Для меня этот парень воскрес, когда я ознакомился с докладом секретаря горрайкома РКСМ Аристовой о поездке в Налычево. Доклад датирован 22 июля 1924 г. Самуил входил в тамошнюю комсомольскую ячейку, состоящую из четырех человек (две девушки и столько же ребят).

Как относились налычевцы к советской власти в период противостояния белых и красных? П. Г. Ивашкин-Ларичев пишет, что на второй день после вступления партизан в Налычево общее сельское собрание приняло «очень осторожное решение». В нем указывалось: «Признать власть только народа, каковая существует в Камчатской области». О помощи партизанскому отряду, о вступлении в его ряды жители села Налычево ни словом не обмолвились.

...3 мая 1922 г. партизанские парламентарии Е. И. Попов и Г. П. Яковлев возвратились в Завойко и выступили перед делегатами Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда с информацией об обстоятельствах их ареста белыми, передав вожакам красных в качестве ответа на ультиматум отношении № 2087. В тот же день съезд откомандировал П. Г. Ивашкина-Ларичева в ставку партизанского отряда в районе Крутоберегова для выпуска газеты «Известия облнарревкома» на пишущей машинке «Корона». 5 мая Бирич телеграфирует во Владивосток: «Положение Петропавловска в серьезной опасности. Посылка отряда в окрестности в незначительном составе бесцельна. Большевики мобилизуют силой население сел. Послана ли помощь отряду?»

Тем временем, готовится к отплытию пароход на Командоры за проданной фирме «Нихон-Моохи» пушниной. От японцев получен задаток — десять тысяч деньгами и на двадцать — товарами. Часть этого товара предназначена жителям Командорских островов. Х. П. Бирич образует комиссию по освидетельствованию отправляемого туда груза. На Командоры посылаются заведующий училищами области П. Я. Сусяк, исправляющий дела помощника контролера М. Я. Марамзин и бухгалтер канцелярии особополномоченного М. Ф. Орлов.

Год спустя в штаб красного экспедиционного отряда М. П. Вольского поступила информация, что В. И. Бочкарев сдал весной 1922 г. на шхуну американца Свенсона «Мазатлан» пушнину: гижигинскую на двести тысяч рублей

золотом, ольскую — на пятьдесят тысяч. «Погашение продуктов получил тридцать тысяч на двести двадцать тысяч, получил от фирмы Свенсона долговой документ с обязательством выплатить золотом Америке... Эта фирма снабдила его оружием, семьдесят пять винчестеров тридцатого калибра, пятьдесят револьверов, автоматическое оружие в достаточном количестве». Установить источник этой информации, а также ее достоверность нам не удалось.

8 мая 1922 г. Х. П. Бирич издает два приказа: о замещении П. Я. Суслыка П. Т. Новограбленовым и выдаче содержания временно исполняющим обязанности учителей в начальных училищах.

10 мая от имени Второго чрезвычайного съезда была дана телеграмма председателю Усть-Камчатского волревкома и начальнику боевой дружины об аресте зятя Бирича Н. К. Хартлинга (в ответ на задержание Рябикова), но тот успел выехать из селения на японском рыболовном судне, — вспоминал впоследствии П. Г. Ивашкин-Ларичев.

11 мая 1922 г. Бирич направил на имя генерала Полякова бумагу следующего содержания: «Ввиду непосредственной концентрации большевистских банд в ближайших окрестностях г. Петропавловска и незначительности наших воинских сил в городе (порядка ста отрядников. — *В. П.*) для защиты от могущих быть внезапных нападений шаек на город, в дальние командировки отдельных частей из наличного воинского состава разрешить не могу, и посылку посыльного судна “Свирь” с значительным отрядом в глухие и в настоящее время безлюдные места в расстоянии от ста до ста двадцати миль считаю абсолютно бесполезной и для остающихся частей и для города опасной.

Ваше заявление об официальном освобождении Вас от занимаемой должности начальника военного района в данное время принять не могу, так как в Петропавловске нет, кроме Вашего Превосходительства, достаточно авторитетного офицера, который бы своим авторитетом мог внушить достаточную подчиненность командованию со стороны воинских чинов.

Резолюция моя о недопуске воинских чинов к борту “Свири” имела в виду только отмену Вашего распоряжения, отнюдь же не имела в виду недопуск на “Свирь” лично Вас. Наоборот, мною дано приказание командиру допускать Вас и начальника Вашего штаба во всякое время дня и ночи для личного осмотра готовности “Свири” к боевым операциям.

Ввиду этого прошу Ваше Превосходительство известить меня о Ваших намерениях в дальнейшем для сообщения немедленно Правительству.

Имейте в виду, Ваше Превосходительство, что положение наше до прибытия из Владивостока помощи серьезное, и за опрометчивые действия мы все отвечаем по всей строгости законов перед Правительством и перед Родиной, которая ждет нашей объединенной помощи.

В тяжелую минуту, переживаемую Камчаткой, я прошу Ваше Превосходительство не оставлять столь ответственного поста и отдать все свои знания, опыт и энергию для предотвращения грозящей Камчатке опасности».

Особоуполномоченный уверяет генерала Полякова (и дает честное слово), что примет все зависящее от него, чтобы Приамурское правительство было снисходительно ко всем его действиям, «носившим иногда характер незаконности в силу подчинения... Бочкареву». Однако Х. П. Бирич делает существенную оговорку: нравственное и юридическое право ходатайствовать об этом он будет иметь лишь в том случае, если будет убежден в искреннем подчинении генерала правительству и ему, Биричу, «как его представителю, исполняющему безотступно правительственные предначертания».

В тот же день, 11 мая 1922 г., Бирич получил ответ: «Милостивый государь Хрисанф Платонович. Будучи назначенным Вашим приказом на должность начальника военного района и согласно Вашего ответа на мой доклад, сделанный Вам 6 мая сего, считал, что я являюсь полным и законным распорядителем всех вооруженных сил вверенного мне района, и мои приказания, как начальника его, не могут быть никем контролируемы и отменяемы впредь до закончания операций против красных или же ранее этого вместе с отчислением меня, как начальника, от должности по несоответствию или же вследствие измены интересам Верховной власти.

До сих пор большевики в Петропавловском военном районе не ликвидируются, но, напротив, силы их ежедневно усиливаются. При создавшейся обстановке я признаюсь Вами достойным и авторитетным офицером для руководства обороной города и защиты интересов правительства. Да и вся моя прежняя служба в армии Его Императорского Величества и в рядах Войска, ведомого Атаманом Дутовым, не может говорить противное.

Если мои чисто политические взгляды и все мои действия сводились исключительно к служению моему будущему Монарху, чего я ни перед кем и никогда не скрывал, то я за это моим прямым начальством с занимаемого поста не смеялся. А по сему отмену моих приказаний оперативного характера я считаю только Вашим недоверием ко мне, как к ярому стороннику бывшего сподвижника Атамана Калмыкова — Полковника Бочкарева, которого Вы, Ваше Превосходительство, по неизвестным мне мотивам считаете противником Временного Приамурского правительства, возглавляемого достойными сынами России братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми, политические убеждения которых вряд ли разнятся с убеждениями полковника Бочкарева, моими и всего нашего отряда, а также с их великим предком Мининым».

Как видно из письма генерала, разногласия, возникшие в 1921 г. между военными и гражданской администрацией области, так и остались непреодоленными, разве что утратили остроту, однако являлись большим препятствием в совместной борьбе с красными.

«Если Вы считаете невозможным отчислить меня с занимаемой должности, и, кроме того, ссылаетесь на мой военный авторитет, — говорится

в письме Полякова особоуполномоченному, — то полагаю необходимым предоставление мне полной свободы действий, как начальнику района, как это всегда было в тяжелые минуты войны.

Положение создалось такое, что без серьезного риска, при наличии наших незначительных сил и до прихода подкрепления, по моему глубокому убеждению, ликвидировать большевиков нельзя, и иного плана, кроме намеченного мною нападения на их тыл и базы, изобрести не могу. В противном случае остается последнее — идти и бить красных в лоб. Но это положение крайнее и вынужденное, и успех его весьма сомнителен, причем неизбежно должно пролиться много крови, за которую я нравственно буду отвечать, если сам уцелею, а этого ответа я только одного страшусь».

Заканчивает свое письмо генерал словами: «В эту, столь трудную и тяжелую минуту каждого из нас прошу снять маски и посмотреть грядущей опасности в глаза прямо, будучи готовыми дать ответ совести, Родине и Правительству. С совершенным почтением Н. Поляков».

В 1922 г. переписка Бирича с Поляковым уже не проходила через Зорину, одно время служившую у генерала. В 1921 г., в семнадцать лет, Зорина окончила четырехклассное Петропавловское высшее начальное училище, где преподавал П. Т. Новограбленов, и, никуда не пристроясь, помогая родителям по хозяйству дома, между делом стала осваивать на радиостанции пишущую машинку.

Осенью того же года, когда город заняли белые, она поступила на службу к генералу, «чтобы помочь отцу, который... получал ничтожное жалование», но через два месяца была уволена по неизвестной ей причине. Чуть больше — три месяца — прослужила в военной милиции. Перед уходом Русской армии из Петропавловска Зорина работала на телеграфной станции.

Полагая, что с биографией у ней все в порядке (из крестьян, семья бедная, многодетная: четыре сестры и три брата), девушка в июле 1923 г. вступила в кандидаты РКСМ, но не продержалась и года.

10 мая 1924 г. заседала комиссия губбюро РКП(б) по чистке личного состава Петропавловской городской организации РКСМ (председатель — бывший партизанский руководитель И. Е. Ларин, члены: начальник губотдела ОГПУ И. Ломбак и завагитпропом губбюро В. Глуховецкий, технический секретарь Домман). Зориной «чистильщики» задали тринадцать вопросов, девять из них относились к периоду, когда Камчатка находилась под юрисдикцией Приамурского правительства.

— Ваше отношение к белым? «Сперва безразличное, затем отрицательное».

— Вы близкое с ними знакомство имели? «Нет. Я была лишь личной машинисткой генерала Полякова».

— Характер вашей работы у Полякова? «Личная переписка, обращения к населению, переписка с Биричем, состояние края и т. д.».

— Как вы числились по приказу? «Приказы не велись. Получала лично от него двадцать пять рублей и паек».

— Ваше отношение с Биричем? «Не имела никакой связи».

— Что побудило убежать на маяк от партизан? «К Яковлеву — служащему».

— До прихода красных вы где были? «На маяке».

— Что побудило уехать с материка? «Я уехала к родным в гости. Гостила летом в двадцать втором году, служила в военной милиции».

— Кто был Поярков? «Я его знала — это был начальник контрразведки».

— На вечерах, банкетах у белых вы были? «Была».

— В драмкружке при белых работали? «Да, я была в драмкружке».

— В дамском по сбору на нужды солдат белой армии кружке вы не были? «Нет, не была».

Комиссия по чистке учла строгий выговор, недавно объявленный машинистке «за саботаж в январе месяце, при проведении Компасхи пришла только к началу, не принимала абсолютно никакого участия и на предложение помочь в буфете категорически отказалась. Пропустила шесть политзанятий, не подавала соответствующих заявлений, не участвовала в карнавале, кроме того, несмотря на предупреждение члена горкома оставить игру в лото 3 мая, игру продолжила».

Зорина была «вычищена» и превратилась из Конституции в Параскеву, каковой значилась в метриках. Вчерашние же ее товарищи по комсомолу продолжали именоваться распространенными среди коммунистической молодежи кличками: чекист Александр Домман — Интернационалом, дочь известного в Петропавловске содержателя (в 1912—1913 гг.) публичного дома Мария Немова — Идеей... В набор комсомольских имен входили Трибунал, Свобода, Безбожник. Справедливости ради следует отметить, что не все поддались модному поветрию. Партизанский помощник Стовас, к примеру, так и остался Мишей.

Ответ Н. А. Полякова от 11 мая за № 312 удовлетворил Х. П. Бирича. Тем не менее, он попросил генерала ставить его в известность обо всех своих оперативных распоряжениях заранее, чтобы совместно обсудить возможность осуществления предполагаемых мер и проводить в жизнь все приказания по Петропавловскому военному району только по соглашению с особоуполномоченным. Бирич напоминает генералу: цель одна «и шероховатости по пути не могут служить причиной уклонения от основной идеи из-за личных недоразумений».

Х. П. Бирич был убежден, что на текущий момент боевых сил у белых хватает лишь на охрану штаба и населения города и их распыление — дело опасное. Он обращал внимание Полякова на то, какое впечатление могут произвести «на всех» значительные потери военных при невыполнении намеченных задач и «какой моральный подъем получают предводители шаек

(красных партизан. — *В. П.*), а как отразится это в селах, и занятых, и не занятых большевиками, то трудно даже предугадать». И — наоборот: предводителям этих самых шаек и большой урон не нанесет особого вреда, так как им «нечего терять».

О 12 мая 1922 г. П. Г. Ивашкин-Ларичев вспоминал: Ларину стало известно, что «из Петропавловска вышло военное судно белобандитов “Взрыватель” на Командорские острова, на котором находился представитель японской фирмы “Нихон-Моохи”, которой меркуловское “правительство” запродало командорскую пушнину... На нем находилось незначительное количество вооруженных поляковцев, всего восемь человек. От имени облнарревкома Ларин обратился к фирме Свенсона с предложением по примеру 1921 г. закупить командорскую пушнину в обмен на продовольствие для населения островов. Свенсон не отозвался».

14 мая 1922 г. «Камчатский листок», выходявший в Петропавловске, напечатал редакционную статью, посвященную красным партизанам и их вожакам. Она начиналась так: «Полуостров Камчатка — единственный уголок Российского государства, где большевикам не пришлось еще удовлетворить свой дьявольский аппетит на человеческую кровь. Правда, расстреляли (в 1920 г. — *В. П.*) трех юношей-офицеров поздней ночью в тюрьме, да двух казаков, спокойно дремавших на санях, убили из-за кустов. Но и только. Всего пять человек» (об убийстве полковника Лукومского в городе еще не знали).

«Смерть врагам трудового народа», — истерически выкрикивают большевики в своих воззваниях, распространяемых, как подчеркивала газета, среди удивленных камчадалов. «И есть чему удивляться. Все работают, трудятся, кто как умеет, а товарищи, обворовавши в Петропавловске казенный сундучок, забравши денежки, вырученные на аукционе от продажи вещей покойного Лисового, обобравши соболей у охотников и торговцев, прошлявшись всю зиму по тайге, ничего не деля, а лишь беспокоя население, решили, что они — друзья трудового народа, а кто думает, что это не так, тот враг трудового народа».

И под категорию врагов... подводятся врачи, учителя, почтовые чиновники, охотники и рыбаки, работающие, но не пропивающие заработанного, слесаря и сапожники, и другие ремесленники, то есть все те, кто действительно работает, трудится, но бережливо обращается с добытой трудом копеечкой и поэтому кое-что имеет про черный день.

Эх, вы, друзья трудового народа! Почему же вы не захотели выслушать, что скажет вам самый настоящий трудовой народ, собравшийся в Мильково? Почему вы не прислушаетесь к голосу того трудового народа в Аваче, в Завойко и в других селениях, где вы сейчас и едите, и пьете, и даже пытаетесь насиловать несовершеннолетних девушек? Или вы думаете, что пьяница

и прошельга М. Попов, бродяга Бурнатов, тигильский грабитель Рябиков и им подобные выявляют волно и пожелания народа?»

«Разговор» через газету со своими политическими противниками белая власть вела довольно регулярно, зная (или догадываясь), что «Камчатский листок» попадает в стан красных. На то была рассчитана и публикация от 14 мая 1922 г. И все же писались такие материалы, главным образом, для населения.

«Конечно, — говорилось в статье, — вы видите, в чем дело, и понимаете, где правда, но действуете так, как вам выгодно. И из-за своих личных выгод, ровно ничего общего не имеющих с выгодами настоящего трудового народа, вы начинаете войну, хотя напиться человеческой крови, которой вы пока еще мало выпили. Что же, пробуйте, пейте, не забудьте также, что детская кровь свежее и вкуснее крови взрослых... Но спешите: торопитесь. Пускайте в ход оружие, взятое вами для убийства человека, для пролития русской крови... острите ножи, набивайте патроны и идите на город, где много взрослых и детей... Устраивайте кровавую баню. Кстати, может быть, иностранцы попарятся русским паром».

«Но не забывайте, — предостерегала газета, — что близок час, когда чаша терпения переполнится».

Как видно, гражданская и военная администрация сильно преувеличивали численность красных партизан. То же самое можно сказать и о местном самоуправлении, судя по телеграмме, отправленной во Владивосток городским головой Е. А. Колмаковым депутату Народного собрания от Камчатки В. И. Артюхину: «Петропавловск не в безопасности. Сообщите результат вашего доклада председателю правительства». Телеграмма датирована 14 мая 1922 г.

А 15 мая Н. А. Поляков проинформировал Х. П. Бирича о нижеследующем: «Ввиду того, что мои обязанности и права, как начальника военного района, точно регламентированные Положением о полевом управлении войск и книгой XXIV Свода военных постановлений изменяются и ограничиваются, а также все мои приказы, даже оперативного характера, систематически не исполняются или затягиваются не только чинами Петропавловской местной команды военной милиции, но даже моим начальником штаба есаулом Чешкиным, реагировать же должным образом согласно статьи 5 Устава дисциплинарного ввиду создавшегося тягчайшего политического положения я, как начальник, не имею возможности, то считаю, что моя должность начальника Петропавловского военного района впредь до назначения моего заместителя является только фиктивной...»

На этом переписка Никиты Андреевича с Хрисанфом Платоновичем, по всей видимости, завершилась. 25 мая 1922 г. Поляков говорил по телеграфу с Бочкаревым.

«Здравствуйте, дорогой Валериан. Свенсон согласился нас перевезти к тебе при условии согласия на то Бирича, дабы не нарушить международных законов, но Бирич мне отказал, мотивируя это приказанием Меркулова оставаться сотне в Петропавловске, и сам Бирич признает присутствие сотни необходимым для охраны города. По частным сведениям, из Владивостока 22-го вышел “Томск” с заходом в Петропавловск и далее по восточному берегу. Сведений от Бека и других нет. Свенсон интересуется наяханскими льдами. Пока, всего хорошего».

27 мая генерала Н. А. Полякова, уволенного по болезни в отпуск на четыре месяца, заменил подполковник В. В. Кузнецов, ставший временно исполняющим обязанности начальника Петропавловского военного района.

За несколько дней до этого (а точнее 23 мая 1922 г.) партизаны направили Х. П. Биричу второй по счету ультиматум, текст которого приняли на объединенном заседании члены облнарревкома и Военного совета: если немедленно, в суточный срок, не освободят Рябикова «и прочих граждан города, арестованных по их политическим убеждениям», то «съезд разрешает военному штабу партизанского отряда открыть военные действия», а за жизнь Рябикова будут отвечать своей жизнью лица, подписавшие 30 апреля 1922 г. отношение № 2087 и разославшие его Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому волостным комитетам.

Накануне, 22 мая, Второй чрезвычайный Петропавловский съезд объявил гласных городской Думы врагами трудового народа «с преданием суду революционного трибунала».

ДЕЛАЯ ГОРОДУ ТЕРРОР...

26 мая 1922 г. в Петропавловске отмечалась годовщина прихода к власти Приамурского правительства. Х. П. Бирич приказал не проводить занятия в казенных учреждениях и школах. В поздравлении, направленном им и председателем Думы Ч. К. Щипчинским на имя председателя правительства Спиридона Денисовича Меркулова, содержалось пожелание «довести до благополучного конца начатое великое русское дело». В Петропавловском соборе был отслужен молебен.

Ровно за год до этого, по свидетельству очевидцев, во Владивостоке, «словно в день Воскресения Христова, люди поздравляли друг друга с воскресением русской национальной власти, а поливший после ухода коммунистов тихий дождь омыл всю грязь и всю пролитую ими кровь... Горсточка кашпелевцев выгоняли целые полчища красных из Приморья. И госполитохраны (местные чекисты. — В. П.) не могли устоять против бородатых богатырей, которые без оружия в руках... полуголодные освобождали от коммунистов города и села».

В тот день, по словам участника событий, народ увидел, что есть еще кому постоять за русскую веру, Отечество. Но, подводя итоги четырехлетнего владычества коммунистов, народ увидел и другое — что он «очутился над... пропастью, к которой довели эти осатаневшие изверги рода человеческого. Он увидел убитых в госполитохране и горько оплакивал невинно замученных в ее подземельях.

И как стало светло на душе, когда исчезли эти, пропитанные кровью, красные флаги, когда кончились бесконечные обыски и аресты, когда, не боясь захвата в застенки, мог свободно пройтись по улице и мог всем, не боясь расстрела, говорить, что ты Русский».

На заключительном заседании 27 мая 1922 г. Второй чрезвычайный съезд утвердил Наказ облнарревкому из двадцати двух пунктов. Первый предусматривал изгнание с территории области воинских подразделений Приамурского правительства. Второй вменял в обязанность ревкому увеличить партизанские отряды за счет добровольцев и содержать их за счет единовременного налога на торгующих.

В шестом пункте Наказа назывались источники, которые следует использовать при изыскании средств на нужды самого облнарревкома: прогрессивный подоходный налог; «обложить скупаемое коммерсантами, торговыми фирмами и кооперативами пушнину и всякое сырье особым налогом в размере десяти процентов стоимости на рынке валютой или натурой»; попенные и другие государственные сборы; попудная плата с вывозимых из области рыбных продуктов, как морских, так и речных рыбалок, включая концессионные воды...

Седьмой пункт гласил: «Принимая во внимание тяжелое финансовое положение вообще, крайнюю нужду в средствах областного Нар. Рев. Комитета, а также дабы все налоги и сборы своевременно поступали в кассу облнарревкома, издать постановление по вопросу этому, указав в нем ответственность волкомов и селкомов за несвоевременное предоставление налогов и халатное отношение к этому».

Не забыт был и политический сыск. О нем говорилось в пункте № 10. «Организовать и поставить на должную высоту Политическую Государственную охрану на основании законоположений Д.В.Р. (Дальневосточной республики. — *В. П.*), по получении же таковых от Совроссии преобразовать в Ч.К.».

И. Е. Ларин, заместитель председателя съезда, обращаясь к его участникам, сказал: «Заканчивая работу настоящего съезда, мы с горечью должны вспомнить о том, что среди нас нет дорогого товарища Иллариона Васильевича Рябикова, избранного нами в председатели...»

Арест Рябикова исключительно неблагоприятно отразился на настроении делегатов, пишет в своих воспоминаниях П. Г. Ивашкин-Ларичев. Они

«болезненно переживали», так как, несмотря «на короткое время общения с ним, успели все полюбить и оценить».

«Среди делегатов съезда, — продолжает Петр Глебович, — уже не было того подъема духа и даже той сплоченности, какая наблюдалась до ареста тов. Рябикова. Конечно, этому способствовало еще и то, что делегаты квартировали в различных семьях самого контрреволюционно настроенного села Завойко, где единомышленники Шкляева, Машихина, Чернышева использовали все свое старание для того, чтобы внести расстройство в ряды участников съезда, использовать в этом действии меркуловских ставленников, которые, мол, против коренного населения Камчатки вражды не проявляют... а ведут борьбу только против большевиков. В общем, старались тихой сапой сорвать работу Чрезвычайного съезда. Добиться им этого, конечно, не удалось, но такая агитация в домах, где квартировали делегаты съезда, общение делегатов съезда с жителями села Завойко, враждебно настроенных против обларревкома, в известной степени оказала влияние на психологию некоторых делегатов съезда.

Это, например, сказалось на заседании съезда 23 мая, когда на голосование делегатов был предложен тов. Лариным ультиматум Биричу с требованием в течение суток освободить из-под ареста т. Рябикова, и в котором говорилось, что в случае неосвобождения... съезд разрешает штабу партизанского отряда начать против белобандитов военные действия. Когда на голосование был поставлен этот вопрос, то четыре делегата съезда... воздержались, объясняя это тем, что они против кровопролития, в то время как в селе Мильково в принятой съездом резолюции по текущему моменту разрешалось обларревкому открыть против белобандитов военные действия, и голосовали за это все делегаты единогласно, воздержавшихся не было».

Были у вожаков партизан и практические проблемы. Выделяя жителей Налычевской волости («сознательнее других граждан»), начальник штаба военно-революционных отрядов М. Савченко-Славский писал командиру 4-го отряда А. Пересыпкину, что налычевцы «должны сами решить, кто из них должен уйти на работы по побережью, а кто должен остаться на постах Революции... Если население допустит до того, что отряд останется менее указанного количества (15 чел. — *В. П.*), то штаб отзовет тогда оставшихся товарищей из Халактырки совсем для совместной борьбы с находящимися здесь отрядами, так как посылать людей в Халактырку отсюда штаб не может.

Относительно граждан Воронова и Сусметова: эти граждане штабом в отряд не принимались и не утверждались, и они могут уходить, но пусть подадут Вам для передачи в штаб заявление о том, где они намерены жить и чем заниматься. При необходимости отобрать у этих граждан подписку о том, что они не будут вести никакой агитации и вообще работы против Нар.-Рев.

Власти... Миничев и Личкун должны быть высланы из населения на побережье, как решено ранее...»

В другом послании от 30 мая 1922 г. командир того же отряда Савченко-Славский и командующий всеми партизанскими силами Н. П. Фролов вновь поднимают этот вопрос. «Недопустимо не выполнять отдаваемых распоряжений: Личкуна и Миничева немедленно же отправить в одно из селений для работы, так будет поступлено и с остальными задержанными. После освобождения Рябикова и других арестованных Личкун и Миничев смогут идти, куда захотят — или в отряд, или домой, а в настоящих условиях оставлять их в отряде невыносимо».

Примерно в это же время в Петропавловске были получены сведения о действиях партизан: унесли «с дальнего маяка осветительные средства» и увели с собой заведующего маяком Шантина; «банда, находившаяся в Аваче, ушла по направлению Налычево».

31 мая Х. П. Бирич получил отношение Петропавловского самоуправления № 295 за подписями А. Колмакова, В. Румянцева, И. Новограбленова и Н. Цапова (исполнял обязанности секретаря, в сотрудничестве с белыми советской властью не обвинялся, впоследствии служил в Камчатском погранотряде. — В. П.), где речь шла о словесных заявлениях в органы городского самоуправления граждан областного центра об угрозах со стороны отрядов Облнарревкома, что было, по сути дела, ультиматумом всему городу.

Красные предупреждают: пока не выйдет на волю Рябиков, они продолжат вылавливать гласных думы и жителей города и не позволят им промышлять рыбу в б. Солеварня и других местах, заготавливать сено и дрова, выпасать скот на выгонах, по той якобы причине, говорится в отношении, что «Дума и жители не протестовали против ареста Рябикова».

Свои угрозы партизаны приводят в исполнение. В Солеварне ими взяты упомянутые выше гласный Думы Миничев и рыбак Личкун «и вообще своим появлением вблизи города они деморализуют население... и не дают возможности жителям ни выйти, ни выехать из города».

Находя такое положение вещей крайне тяжелым для обитателей Петропавловска, городское самоуправление просит Х. П. Бирича «сделать распоряжение об освобождении гр. Рябикова с тем, чтобы в дальнейшем отряд никого ни из гласных и жителей не задерживал и не мешал им заниматься своим трудом».

Уместно отметить, что если простые горожане терроризировались, так сказать, неофициально, то думцы — «на законом основании»: как говорилось ранее, 22 мая Второй Чрезвычайный съезд объявил их врагами трудового народа «с приданием суду революционного трибунала».

П. Г. Ивашкин-Ларичев вспоминал: ультиматум съезда по поводу И. В. Рябикова был передан для вручения Думе и японскому консулу И. Ф. Голова-

новым, тайно помогавшим красным партизанам. Этот факт подтверждается в срочном донесении ОНРК командующего отрядами Н. П. Фролова, которое датировано 3 июня и включено в сборник документов и материалов «За власть Советов (из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области) 1920—1922 гг.».

«31 мая с. г. мною передан протест уездного съезда Биричу через заведующего сельскохозяйственной фермой Голованова... 2 июня на ферму командирован 3-й отряд для получения ответа. Отряд прибыл вечером. Все сильно промокли от дождя и устали. Решили остаться на ферме ночевать, расположившись в помещениях. Противник, узнав о пребывании на ферме отряда и воспользовавшись сильным туманом, подошел к ферме в пять часов назначенным на расстояние двадцать шагов. Наш сторожевой пост в количестве шести человек, заметив подошедших, открыл по неприятелю стрельбу.

Остальные были застигнуты спящими, и под обстрелом противника пришлось выходить из помещений; благодаря лишь энергичному сопротивлению нашего сторожевого поста удалось выйти из дома благополучно и занять более удобную позицию. Стрелять отряду по зданию было не приказано, иначе могли бы пострадать служащие фермы, где было много детей.

Спустя три-четыре часа 3-й отряд, заняв более удобную позицию, открыл огонь по подошедшему к банде подкреплению. Противник бежал по направлению Мишенной сопки, оставив ферму. Во время первой и второй перестрелки с нашей стороны героически пали жертвами стоящие на боевом посту товарищи Бохняк, Тушканов Леонид, Войцешек и легко раненый Давыдов, которого бандиты пристрелили. Белье потеряли четырех убитыми и одного раненого...»

Данной интерпретации боя на ферме десятилетиями придерживались (порой несколько «раскрашивая» ее — Давыдова белые, мол, закололи штыками) как историки, так и журналисты. Некоторые из них, конечно, знали о существовании еще одного документа, написанного рукой того же Фролова в тот же день — 3 июня 1922 г. Но на него не ссылались по вполне понятным причинам. Адресован он был председателю областного комитета И. Е. Ларину, назывался «военной сводкой». Вот его текст:

«Настоящим сообщая, согласно постановления ревштаба отряды 1 июня выступили к городу, прибыли в восемь часов на ферму, где застали командира 4-го отряда т. Пересыпкина с одиннадцатью отрядниками на вопрос почему ты здесь, а не как тебе приказал штаб, Пересыпкин ответил для такой операции я должен быть лично и узнать условные сигналы чтобы свои своих не постреляли.

Тогда было решено сделать общий план на завтра и на ферме разбили по отрядам и заняли три помещения, выставив часовых и дежурных по отрядам. Привезли телефон и поставили на ферме.

На рассвете Неприятель воспользовавшись сильным туманом подошел к ферме на близкое расстояние цепью, Наши часовые и дежурный по отрядам хотя и видели ихнюю разведку но отнелись на это халатно и во время не разбудив все отряды сразу, только отряд который находился в бани рассыпался в цепь и открыл по приближающей неприятельской цепи огонь: остальные отряды выскочили из помещения во время стрельбы, командир 4-го отряда был своевременно предупрежден не смотря на это не разбудив свой отряд бросился бежать не захватив даже ружье и патроны, а также большинство членов отряда оказались трусы не смотря на крики и команды стой, ложись, не бегай, все же бегство продолжалось в паническом настроении, более смелые из наших отрядов делали несколько раз засаду Но нижелая стрелять по домам фермы, оттуда пьяные бандиты с превосходящим нас оружия с криком ура открыли ураганный огонь так что, трудно было выдержать сильный и смелый натиск противника.

Результат перестрелки, потеряв и неприбыли в отряд тов. Тушканов Леонид, Бохняк, Давыдов и Войцешек, точно незнаем может они попали в 4-й отряд с Пересыпкиным но есть предположение, что они убиты, потому что они увозили в город 8 человек, говорили пастуху 4 красных 4 наших После чего мы обстреляли их на ферме но нежелая разбивать дома выгнать их с фермы не удалось.

Тогда решили пойти... (далее неразборчиво. — *В. П.*) а для сбора всех членов отрядов куда и пришли... (неразборчиво. — *В. П.*) из 4-го отряда с тов. Чекмарева который при перестрелки прибыл на ферму.

Дальнейшие действия постановили выполнить первый план Штаба т. е. тов. Чекмарев с своими пошел в 4-й отряд который должен обстрелять часовых на радио и дня три не дав ей работать, а мы разбивши на отряды сегодня выступили к городу, делая терор городу выстрелами. Телефон на ферме оставлен, но мною сделано распоряжение ком. 4-го отр. снять на маяке и скорее прислать сюда по телефону было слышно посылал телеграмму Меркулову; Сообщаю потом шифр и подконец Надежды на успех не имею Х. Бирич;

Ввиду прибытия п/х Томск где может быть им есть подкрепление и поднятия духа у поляковцев, что они нас выгнали с фермы. То Комитету и др. товарищам находящимся в Завойко нужно быть осторожными чтобы не могли они прибыть туда по реке Авача и незастать в распах, хотя сегодня в Авачу послана разведка покажется что там есть наш караул, но всетаки комитету нужно быть осторожным, потому что река Авача нами не охраняется и охранять таковую очень трудно.

Сегодня в три часа выступаем к городу будем осторожны, а то мы до сего времени действовали все не острожно. Но дух среди товарищей не пал и надеся что бандиты поплатятся за наших 4-х товарищей — более подробно передаст тов. Елисеев о дальнейших результатах буду сообщат немед-

ленно посылаю копию: думы и Бирича есть надежда, что Рябикова должны освободить».

4 июня 1922 г. штаб военно-революционных отрядов ОНРК в составе командующего Фролова, начальника Савченко-Славского и члена Чекмарева постановил: «Усматривая, что командир 4 рев. отряда т. Пересыпкин не исполнил боевого приказа, результатом чего вышло четыре жертвы с нашей стороны, а так же и то, что Пересыпкин бросился в бегство без оружия, оставив свой отряд на произвол судьбы и своим бегством произвел панику в других отрядах, Штаб Революционных Отрядов считает, что Пересыпкин умышленно не исполнил боевой приказ, а поэтому... Пересыпкина предать Военно-Революционному суду».

Потом передумали и решили избрать по делу Пересыпкина товарищеский суд. Из двенадцати кандидатур тайной баллотировкой в товарищеские судьи прошли пятеро: Кобцев, Бурнатов, Пересвет-Салтан, Морев и Елисеев. Выборы происходили на общем собрании 1-го ревотряда 26 июня 1922 г. Участие в голосовании принимали сорок три человека.

Состоялся товарищеский суд в спочных условиях или нет, неизвестно, однако после возвращения красных в Петропавловск и окончательного установления советской власти председатель Камчатского губревкома М. И. Савченко-Славский инициирует возбуждение уголовного дела против Пересыпкина на основании материалов, «обличающих его как тяжкого преступника». ГПУ арестовывает Пересыпкина и помещает в губернскую тюрьму. Неделю спустя, 31 марта 1923 г., по ходатайству Савченко-Славского начальник ГПУ Н. К. Глушков изменяет меру пресечения бывшему партизану. Пересыпкина выпускают под имущественное поручительство жителей Островного А. Кочкина и Г. Амосова — односельчан обвиняемого. А 9 апреля Глушков отказывается от ведения этого дела в связи с заявлением председателя губревкома, что «над следствием надо назначать еще следствие», которое тот сделал в присутствии Н. П. Фролова. Одновременно циркулируют слухи, будто начальник губернского отдела ГПУ стал собутыльником Пересыпкина...

Справка. Пересыпкин Александр Николаевич, 1893 года рождения, прибыл в Петропавловск из Владивостока в 1920 г. с «хвостом»: будто бы там в союзе грузчиков растратил сорок тысяч рублей «с каким-то своим товарищем, которого впоследствии грузчики поймали и закололи штыками», а ему «благодаря связям Совдепа» удалось скрыться, затем его отправили на Камчатку. Этот факт зарегистрировала Петропавловская Дума осенью 1920 г., так как А. Н. Пересыпкин являлся гласным, избранным 20 июня от Трудового союза рабочих и служащих и партии коммунистов-большевиков.

А поскольку он некоторое время в августе 1920 г., после перерегистрации, возглавлял (его сменил Савченко-Славский) Петропавловский уездный комитет

этой партии, коммунисты запросили Владивосток. Ответ в архивах не найден, однако в июне следующего года командир ишхуны «Чайка» А. О. Милютин, расправлявшийся компромат на Пересыпкина, принес ему публичные извинения через местную газету, объяснив свое поведение тем, что был введен в заблуждение людьми, заинтересованными в очернении его. Та же газета в 1921 г. публикует приказ № 22: «Заместитель начальника областной милиции Пересыпкин с 26 августа (за два месяца до ухода облнаррекома в сопки. — В. П.) за появление в общественном месте в нетрезвом виде отстраняется от должности без права получения заштатного пособия». Приказ подписан заведующим административным отделом ОНРК Ларыным и заведующим подотделом Фроловым.

... Уголовное дело Пересыпкина 1923 г. становится персональным члена партии. И в нем много документов, посвященных бою на ферме и так или иначе связанных с ним. Сам Пересыпкин в заявлении от 3 апреля на имя ответственного секретаря губбюро РКП(б) В. Кручины писал: «...когда я получил приказ от командующего отрядами т. Фролова чтобы обстрелять радиостанцию, на другой день я выступил с отрядом... И расположил отряд в лесу. Члены моего отряда наполовину были босыми и раздетыми кукулей у нас не было хлеба было очень мало не больше как $\frac{1}{2}$ фунта на человека... остальные отряды в том же приказе было, что остальные отряды во главе с командующим и штабом будут обстреливать город.

Я оставил отряд в скрытом месте взял с собою десять чиловек и пошел на ферму чтобы взять там хлеба и установить связь с штабом когда я пришел на ферму то через несколько минут пришел штаб с отрядами. Тогда т. Фролов увидел меня и заявил мне: что хорошо что вы пришли штабом было (неразборчиво. — В. П.) требование Биричу об освобождении Рябикова в 12 часов дня Бирич должен был ответить до 12 час. Мы не должны были принимать военных действий. Нам предложил командующий отрядами Фролов ночевать на ферме и нас освободили от караула то я просил чтобы нас разбудить в 1 час ночи чтобы я мог пройти не замеченным в свой отряд... мне был назначен заместитель Чикморов утром в пять часов я проснулся сам.

Когда я встал в это время часовой т. Войцешык спросил у меня где Метальников (командир одного из отрядов. — В. П.) я ответил не знаю и он уходя позвал меня я встал увидел что товарищ Солтон и Киринец не спят я мохнул им и взял ружо когда мы вышли на двор то был сильный туман ничего было не видно я вспомнил что у меня осталась сумка с документами пот столом я поставил винчестир у крыльца только что вышел в коридор то белой начали обстреливать наше помещение.

И вто время кто-то из товарищей с командовал в ружо но было не возможно кода за скочил в помещение я то все убегали черезчорный ход и выскочили черезчорный ход и убегали в лес кто как попало в лесу нас собралос васим

и я с двумя товарищами т. Козырин и т. Логинов пошли в отряд к радиостанции надругой день т. Чекмарев принял отменя отряд».

5 апреля 1923 г., отвечая на вопрос следователя начальника губотдела ГПУ Н. К. Глушкова, Пересыпкин внес в свой рассказ некоторые уточнения и дополнения. Когда «кто-то скомандовал спящими товарищам: “В ружье!”, там же спал и тов. Фролов», а когда Пересыпкин «выскочил из коридора, то у ворот никого не было, и в то время белые уже пошли в атаку с криком “Ура!”»

Допрошенный 29 марта 1923 г. член отряда Пересыпкина Николай Афиногенович Костиков подтвердил, что вскоре после их прихода на сельхозферму прибыл 2-й отряд Метальникова и с ними Фролов, что этот отряд нес караул, а пересыпкинцы отдыхали. «Мы высушили все что было у нас мокрое, — вспоминал Костиков, — и пошли в дом Голованова и попив чаю легли спать до того как ложиться спать пришел на ферму Немов с женой. Немова задержали, а жену отпустили в г. Петропавловск, тов. Фролов и Пересыпкин говорил жене Несовой когда придешь в город скажи Биричу что на ферме красные задержали мужа когда ложились спать был соединен телефон с г. Петропавловском, после соединения телефона было подслушано несколько слов, например, “застава, застава, солдаты вышли”, ответ был “вышли” и больше слов не было, может были, но я не знаю уже спал».

Проснулся Николай Афиногенович на рассвете, потом, едва опять уснул, — вбежал командир 2-го отряда Метальников и закричал: «Вставайте!» Все схватили винтовки и бросились к парадному выходу, но Метальников сказал, что туда нельзя.

Далее, по Костикову, события разворачивались следующим образом: когда красные партизаны выбежали на улицу, белые обстреливали ферму с трех сторон. Партизаны побежали за ферму в овраг. «Меня, — рассказывал Костиков, — обогнал тов. Давыдов и побежал на сопку, где и был ранен, когда упал, то он кричал: “Товарищи, помогите!”», а бандиты бежали к нему и кричали “ура”, после чего ферма была занята бандитами».

В овраге партизаны разделились на «две партии, по настойчивости тов. Копцева». Одна партия «заняла позицию с юго-востока фермы... Заметили пятерых белых, шедших со стороны города. Им навстречу вышли те, что заняли ферму. Партизаны открыли по ним огонь. Некоторые из них упали сразу же, при первых выстрелах, другие зашли в помещение. Стрельба по зданию была прекращена. Стреляли только по тем, которые попадали».

Н. П. Фролов сказал Костикову, чтобы он шел в свой отряд — вечером надо обстрелять радиостанцию, то есть выполнить боевой приказ его и Савченко-Славского от 30 мая 1922 г.: «...отправиться к Радио, снять там посты и постараться не давать работать Радио в течение двух дней. Необходимо, чтобы эта операция была произведена 31 мая и 1 июня, так как в это время остальные отряды будут действовать с другой стороны — от Немова... При

обстреле постов у Радио нужно избегать стрельбы по зданию, так как могут быть убиты служащие и испорчен Радио, а это не входит в нашу задачу. После обстрела поста могут выслать подкрепление, на этот случай нужно устроить засаду и обстрелять это подкрепление».

Но выполнить этот приказ не удалось, и 2 июня, после боя на ферме, по ближайшим сопкам расположились белые, к тому же мешала речка. Отряд А. Н. Пересыпкина возвратился в Халактырку.

Когда Пересыпкин ушел 1 июня с частью своего отряда на ферму, за него оставался Г. Трухин, рассказывал в ГПУ в 1923 г. партизан Еремей Никитич Макаров. «На другой же день утром рано услышали стрельбу по направлению от фермы. Командир Трухин, не получив никаких сведений, что за стрельба, взял меня и еще одного отрядника, и мы пошли в разведку. Подходя к ферме, возобновилась вторая стрельба. Мы не могли определить, где наши, вышли на ближайший увал и увидели, что на ферме народу много, и не могли различить, что за народ — наши или белые, и с этого увала увидели, что на другой сопке, которая была ближе к ферме, тоже люди ходят, что и приняли к сведению, что это наши.

Тогда Трухин послал меня узнать, что произошло. Когда я подошел к людям, то я узнал отрядников своих. Здесь был Воронов, Черепанов, Киринец, В. Сахаров, А. Федоров, и от них я узнал, что была перестрелка, и наших выгнали с фермы, и 4 наших товарища было убито».

Что мы знаем об этих людях? Бохняк Иосиф Савельевич, уроженец Варшавской губернии, по профессии кузнец, высокого роста, могучего телосложения, веселого нрава, любил шутку, острое слово. Войцешек (партизаны не знали его имени), чех, служил в Сибирской военной флотилии, отличался выносливостью, сметкой, храбростью. Давыдов Борис, двадцати четырех лет, из Казани, почтово-телеграфный служащий. Тушканов Леонид Яковлевич, сын священника, являлся «примером для более неустойчивых» партизан. Прибыл в Петропавловск вместе с Давыдовым на «Свири» в 1921 г., оба бежали в сопки... В дни празднования 50-летия Октябрьской революции их именами названы новые улицы Петропавловска.

Трое их них упоминаются в донесении начальника Петропавловского военного района подполковника В. В. Кузнецова Х. П. Биричу от 2 июня 1922 г., в котором он сообщает, что в целях «выяснения сил и ближайших намерений противника, блокирующего город», им была выслана усиленная разведка от 1-й сотни СЭО численностью двадцать один боец под командой штабс-капитана Любвина.

«Выступив в двадцать четыре часа 1 июня, разведка скрытно подошла на ближайшие высоты к сельхозферме (она находилась, по определению историка И. В. Витер, в трех верстах от города «у подошвы холма Зеркальце, у северной его стороны». — *В. П.*) и с наступлением рассвета обнаружила сто-

рожевое охранение противника у фермы, которая оказалась занятой отрядом красных.

Заметив нашу разведку, противник в составе не менее пятидесяти пяти штыков (П. Г. Ивашкин-Ларичев полагает, что белых насчитывалось около полусотни, а В. И. Семенов — красных всего пятнадцать. — В. П.) принял оборонительное положение, ввиду чего штабс-капитан Любвин принял решение воспользоваться растерянностью противника и атаковал его.

С могучим криком русского “Ура!”, расстреливая противника, отрядники выбили его из фермы, заставив отступать в беспорядке, бросая имущество и оружие. В этом бою наши потери — убиты: фельдшер коллежский регистратор Торбеев и младший урядник Власов, тяжело ранен ротмистр Файвишевич. Противником оставлено на поле боя четыре трупа, принадлежавшие бежавшим от нас к красным: матросу Тушканову, чиновнику со “Взрывателя” Давыдову, рабочему с Кошки Бохняку и еще одному неизвестному красноармейцу».

Получив донесение от штабс-капитана Любвина, подполковник Кузнецов отправляет на ферму еще семерых казаков — поддержку для развития операции. При входе на ферму красные обстреляли их залповым огнем «с ближайших высот к северо-востоку», убив подхорунжего Краснова и ранив приказного Хромова.

«Невыгодное положение позиции на самой ферме и интенсивный огонь противника, — докладывал Х. П. Биричу начальник Петропавловского военного района, — вынудили нашу разведку отойти на юго-восток, имея под обстрелом ферму... я выслал четырнадцать бойцов от местной команды для обеспечения разведке отхода на город».

По прибытии подкрепления белые вновь заняли ферму, причем без какого-либо сопротивления со стороны красных. Забрав трофеи и тела убитых, разведка в пятнадцать часов 2 июня возвратилась в Петропавловск.

«Наблюдение за противником установило, что он, разбитый, отошел мелкими кучками в различных направлениях и в настоящее время активности не проявляет», — пишет подполковник Кузнецов. В конце донесения говорится о «беззаветной храбрости и лихом молодецки-русском ударе разведки во главе с ее начальником штабс-капитаном Любвиным» и «двухсмысленной и вредной деятельности заведующего фермой Голованова», хотя не уточняется, в чем она состоит.

Есть еще один документ, посвященный бою на ферме — приказ войскам Петропавловского военного района № 15 от 8 июня 1922 г. за подписью Кузнецова и его начальника штаба есаула Чешкина. В нем содержатся дополнительные сведения об операции: раненый в левую руку в начале боя ротмистр Файвишевич, «не выпуская из рук винтовки, продолжал славное дело, после чего вторично был ранен в грудь навывлет»; первое подкрепление красные

обстреляли залповым огнем «со стороны деревни Калахтырки», а вторым командовал штабс-капитан Руднев.

Основной параграф приказа завершался словами: «Ценою жизни и крови славных героев был дан достойный ответ красным на их угрозы и наглые требования. Пусть знают и помнят большевики, что иного ответа от нас им быть не может за все страдания дорогой Родины, за наших замученных, убитых братьев, за разоренные семьи.

Вечной памятью будут в сердцах каждого из нас имена славных героев, павших в этом бою, с великой верой в Воскресенье Родины. Всем участникам этого боя Русское спасибо за беззаветно-храброе дело, горжусь Вами командовать и знаю, что, пока бьются наши сердца, мы также будем бить большевиков, не спрашивая, сколько врага, а только — где он».

По утверждению Е. А. Колмакова, он первый обратился к коменданту привезти погибших партизан в Петропавловск, ходил к Биричу «просить сделать гроба, отпеть и похоронить их по православному обычаю». Просьбу он свою изложил в присутствии начальника милиции Д. И. Пригоровского, которому Бирич тут же приказал выкопать ямы и в саванах похоронить, а Колмакову, якобы, ответил: «Пусть, кому нужно, тот и отпевает».

Коллежского регистратора, фельдшера 1-й сотни Константина Торбеева (22 года), подхорунжего Николая Краснова (26 лет) и урядника Феоктиста Власова (21 год) похоронили 3 июня 1922 г. в четыре часа по полудни, а на девятый день по их смерти в воскресенье 11 числа в одиннадцать часов дня на братской могиле игуменом Николаем была отслужена панихида.

По не подтвержденным данным, и белые, и красные покоились на одном кладбище — неподалеку от того места, где нынче стоят магазин «Золотой ключик» и Дом ветеранов.

В 1972 г. красный партизан В. И. Семенов поместил заметку в «Камчатской правде» о том, что на месте боя по инициативе комсомольцев 7-й средней школы вокруг мемориальной доски сооружена металлическая ограда и «в день 50-летия гибели четырех героев-партизан пионеры и комсомольцы возложат букеты цветов, как это делают они каждый год». Героями Бохняка, Войцешека, Давыдова и Тушканова считали, видимо, потому, что они, согласно легенде, «первыми приняли сражение и грудью своею прикрыли товарищей» («Камчатский комсомолец» от 29 февраля 1968 г.), хотя член обларревкома П. Г. Ивашкин-Ларичев отмечал: белые незаметно для отряда «сняли наших часовых Бохняка и Войцешека», а Давыдов и Тушканов погибли, когда уже шел бой.

Между прочим, мемориальная доска в районе нынешнего областного управления статистики имела название «Могилы четверем партизанам» и таковой значилась во всех официальных документах. В архиве бывшего обкома КПСС нами обнаружена жалоба ответственного секретаря Камчатского

отделения общества охраны памятников истории и культуры Н. З. Кривосовой о сносе «Могилы...», так как в том месте «должна проходить дорога». И вот с этой дороги теперь хорошо виден огромный камень на сопке Зазеркальной. Он является заменой снесенному памятнику, о чем вряд ли кто догадывается.

Вернемся, однако, в 1920-е гг. О реакции красных партизан на бой 2 июня поведал на следствии по делу А. Н. Пересыпкина в 1923 г. Г. Трухин: «Мы понесли позорное поражение благодаря халатности и нераспорядительности комсостава... отряд хотел самостоятельно сменить весь комсостав за то, что командиры отступили от города...»

Что же касается самого Пересыпкина, то он прямо заявил, что признает себя виновным только в том случае, «если будут отвечать и высшие командные лица», имея в виду, в первую очередь, командующего отрядами облнарревкома Н. П. Фролова и, видимо, М. И. Савченко-Славского, в отношении коего употребил выражение «перегрызть горло».

Год спустя, в 1924 г., в Камчатское губбюро партии поступила «Характеристика на членов РКП(б)», подписанная уполномоченным информационно-агентурным отделом местного ОГПУ В. И. Васильевым. «Начгубмилиции Фролов, — утверждалось в документе, — привезен сюда в 1918 г. Зимниковой Евдокией Яковлевной (бандерша) в качестве вышибалы дома терпимости, который она содержала в г. Петропавловске. Означенная женщина проживает в настоящее время здесь. После закрытия перешел на службу в милицию у белых.

В 1920 г. Фролов состоял в Коммунальном союзе; когда союз хотел арестовать белых офицеров, т. Фролов отказался и арестовывать не пошел. Затем каким-то образом попал в партизаны, где был командующим отрядами, но после стычки на ферме, где потерпел поражение, был смещен».

В 1930-е гг. Фролов и Савченко-Славский будут объявлены врагами народа, однако уцелеют. Их реабилитируют, и они оба умрут своей смертью: первый — в 1973, второй — в 1969 г.

А. Н. Пересыпкин попадет в руки властей в 1931 г., браконьерствуя в Кроноцком заповеднике. За это и продажу иностранцам (японским рыбопромышленникам) одного лиса, пойманного бывшим партизаном А. Офицеровым, его лишат права проживания в двенадцати пунктах Дальневосточного края на три года.

Сотрудничавший с «сопочниками» И. Ф. Голованов, заведующий Петропавловской сельхозфермой, погибнет в январе 1934 г. Его привлекут по сфабрикованному чекистами самому расстрельному в нашей области делу «Автономная Камчатка».

...Календарное лето 1922 г. в областном центре началось с того, что городская санитарная комиссия два дня — 1 и 2 июня — ходила по дворам, осмат-

ривая их и составляя «на некоторых граждан... протоколы за антисанитарное отношение, в особенности около казенных зданий».

А на следующий день, 3 июня, по призыву самоуправления состоялся трудовой субботник по засыпке Большой (ныне Ленинская) улицы галькой «против магазина Виттенберга и против церкви, а также по исправлению моста против магазина Сун-ин-туна». Местная газета «Камчатский листок» писала: горожане охотно работали на субботнике, используя в качестве транспорта своих лошадей.

Акционерное общество «Гудзон-Бей» пожертвовало для населения Камчатской области немалое количество медикаментов и врачебных инструментов, и 9 июня большую их часть (тридцать один ящик) приняли представители Х. П. Бирича.

4 числа при большом стечении народа на Братской могиле, где захоронены погибшие в событиях лета 1854 г. воины, был освящен памятник-крест, доставленный в Петропавловск тем же «Гудзон-Беем» по поручению британского правительства.

6 июня 1922 г. закончились проведенные впервые за годы революции и смуты выпускные экзамены для четвертого класса Высшего начального училища. А 11 июня прошли торжества по этому случаю. В училище, красиво декорированном «национальными флагами и зеленью», игумен Николай отслужил молебен. На «годовичном акте» присутствовали: Х. П. Бирич, заведующий училищами области П. Я. Сусяк, председатель родительского комитета В. А. Павлов.

Из двадцати учащихся тринадцать получили аттестаты, шестеро — свидетельства о прослушивании курса, а одному предоставили право держать выпускные экзамены осенью. Пятерым выдали похвальные листы. Окончившим училище с отличием В. Козыреву и А. Моисеевой (мать известного на Камчатке и за ее пределами ученого и общественного деятеля, Почетного гражданина Петропавловска Р. С. Моисеева. — *В. П.*) особоуполномоченный вручил награды от себя — серебряные часы.

Х. П. Бирич отметил «прекрасное состояние учебного дела» в ВНУ, а педагог П. Т. Новограбленов поблагодарил русскую национальную власть за внимание, оказываемое народному образованию. Хор исполнил песню «Школа дорогая», после чего «гостям был предложен шоколад». Выпускники сфотографировались на память с преподавателями.

...Окрестности города быстро зеленели. На Петровской и Никольской сопках зацвели ветреницы, хохлатка, лапчатка, княженика, кукушкины тамарки, две крупки, фиалка, калужница, весенний вий, осока, ивы...

В то же время происходили и далеко не мирные события. На материке еще шла гражданская война. Благодаря Петропавловской Думе и политической инертности населения Камчатки втянуть его в братоубийственную бой-

ню не удалось. Тем не менее, вооруженное (хотя и малочисленное) формирование, называющее себя партизанскими отрядами облнарревкома, с наступлением лета стало более активным.

Несмотря на поражение, нанесенное им на сельхозферме, в нескольких верстах от областного центра, красные воскресным вечером 9 июля обстреляли радиостанцию, 12-го — Петропавловское одноклассное училище. П. Г. Ивашкин-Ларичев вспоминал об этом, как о наступлении на город. «Когда с нашей стороны уже начались выстрелы по зданиям, где находились белобандиты, и по их постам, с японского крейсера был высажен десант морской пехоты. Вступать в вооруженный конфликт с японскими интервентами облнарревком всегда воздерживался».

Примечательно, что на высадку японского десанта указывают только советские источники, да некоторые печатные органы, издававшиеся за пределами Камчатки. Сей факт не подтверждается архивными материалами: официальными документами Приамурского правительства, свидетельствами жителей Петропавловска. А уж считать экипажи японских военных судов, охранявших свои рыбалки и рыбоконсервные заводы на побережье, интервентами и вовсе нет никаких оснований. Помимо пресловутого «десанта», даже партизаны не приводят ни одного случая вмешательства японцев в общественно-политическую жизнь Камчатки. Более того, имеются документы, говорящие, что гражданская и военная администрация в Петропавловске боялись именно такого вмешательства и предпринимали шаги, чтобы ничем его не спровоцировать.

...В середине 1960-х гг. я совершенно случайно оказался среди слушателей необычной лекции. На одной из строек неподалеку от пединститута выступал бывший красный партизан. Его фамилию я не запомнил, но историк И. В. Витер полагает, что это был, скорее всего, В. И. Семенов.

На вопрос, почему улица в центре города называется Партизанской, он рассказал довольно-таки авантюрную историю о том, как его боевой товарищ застрелил офицера, захаживавшего к местной актрисе, едва тот встал над столом во весь рост с рюмкой и стал хорошо виден сквозь тюль.

Есть события, о которых мы знаем, в основном, по воспоминаниям, причем «односторонним». К ним относится и террористический акт в Петропавловске 22 июня 1922 г. В нашем распоряжении имеются свидетельства Н. П. Фролова (Сборник «За власть Советов на Камчатке...») и И. Е. Ларина (Госархив Камчатской области).

Фролов: «Судьба взятого нами в плен полковника Лукомского очень тревожила Бирича и Полякова. Они хотели знать, где он и что с ним. С этой целью комендант город капитан Поярков начал допрашивать каждого приезжавшего в город крестьянина. Крестьяне же с наших слов отвечали: “Полковник

жив и помогает партизанам”. Но вскоре все же белогвардейской контрразведке стало известно, что Лукомского нет в живых.

Расширил Поярково и приказал задерживать и пытаться каждого, кто приходил в город. Об этом стало известно и нам. И решили мы разделаться с негодяем, отомстить за издевательства над мирными гражданами».

Ларин: «В это время в Петропавловске охранкой белых руководил некто белогвардеец Поярково. Этот бандит отличался особым рвением. Он жестоко истязал наших товарищей, попавших в руки белогвардейцев. А главное — часто перехватывал передвижение к нам продовольствия, которое перебрасывалось нам крестьянами ближайших селений. Крестьяне под видом лояльности белым нагружали свои лодки продовольствием и затем окольным путем переправляли нам. Поярково это пронюхал и всяческими мерами задерживал отлив из города продовольствия.

Возглавляемый мною ревком, следивший за деятельностью белых, в том числе и Пояркова, решил его уничтожить. Решение это вызывалось и тем, что у Пояркова через провокаторов и дознания под пытками скопились кое-какие материалы к раскрытию нашего подполья в Петропавловске».

Данными о «провокаторах» и «дознаниях под пытками», применявшимися петропавловскими властями до теракта 22 июня 1922 г., камчатские архивы не располагают. Как и о разветвленном партизанском подполье. Речь идет, скорее всего, о нескольких связниках из числа молодежи и одном осведомителе — прапорщике С. Х. Сидоренко, который, работая при советской власти в Камчатском финотделе, покончил жизнь самоубийством.

Трудно сказать, какие «материалы» имеет в виду Ларин. Несомненно одно: белые собрали солидное досье на него и других партизанских вожakov, кое-что предали гласности. Прошлое Ивана Емельяновича представало в таком свете: «В былое время был писцом у областного инженера. В прежней своей должности был скромным мальчиком, совсем неизвестным... многим и многим, будучи очень неказистым по своей фигуре.

Совершенно незаметно провел он на Камчатке первые годы своего пребывания, втихомолку сошелся с девочкой-ученицей и так же втихомолку хотел улизнуть, чтобы избежать “прелестей” семейной жизни. Но дело дошло до губернатора, который заставил Ваню Ларина узаконить браком свои тихонькие похождения. Ваня, смиренный по природе, смирился и женился, и опять, по-прежнему, стал переписывать и чертить у инженера».

В отношении Фролова белая власть была, видимо, менее осведомлена. Именно ему и поручил Ларин осуществление теракта 22 июня.

Ларин: «Медлить было нельзя. Ревком дал 4-му “летучему” партотряду категорическое задание уничтожить Пояркова. Командир отряда тов. Чекарчев выделил группу партизан, которая должна была выполнить задание Ревкома».

Фролов: «Взял я лучших партизан — Метальникова, Трухина, Пересвет-Солтана, Селиванова, Старцева...»

Ларин: «Из числа членов этой группы никто не знал Пояркова в лицо. Тогда перебежчик из лагеря белых Паненко вызвался итти с этой группой партизан. К вечеру добрались они до окраины города и залегли в кустах. Легкий ветерок дул с моря, по пыльным улицам ходили патрули японского десанта. Доносились голоса, пьяные песни. Партизаны лежали, не двигались, чтобы не навлечь внимания патрулей. Лежали и были готовы ко всяким неожиданностям.

Наконец солнце скрылось за сопками. Сумерки постепенно окутывали город, партизаны продолжали терпеливо ждать. И только когда совсем стемнело, группа, осторожно выйдя из кустарника, незаметно пробралась к указанному разведчиком дому».

Непосредственный участник и, надо полагать, руководитель операции Н. П. Фролов несколько по-иному описывает ее. Прежде всего он подчеркивает, что в город отправились ночью. «Перед вылазкой, — пишет он, — узнали, что Поярков бывает часто в одной из квартир на Третьей улице. Подошли к городу со стороны Петровской сопки. Приблизились к дому...»

Ларин: «Часть партизан осталась у засады, а один партизан вместе с перебежчиком подобрался к ярко освещенным окнам нужного дома. Окна были закрыты занавесками. Паненко через верхний край занавески рассмотрел внутренность комнаты. За столом, склонив голову, сидел офицер».

Фролов: «Смотрим через полуоткрытые ставни: Поярков тут, сидит за столом. Мы к двери — закрыта. Решаем, что живым, пожалуй, взять не удастся».

Ларин: «“Это он”, — сказал Паненко другому партизану. Затем раздался выстрел, крик. Свет в доме погас».

По Фролову, само убийство тоже выглядит не так, как у Ларина: «Надо стрелять в окно. Спрашиваю у Трухина (он у нас лучший стрелок): “Попадешь?” “Попаду”, — говорит, а сам уже залез на бочку, потому что окно было высокогато, и прицелился. Грянул выстрел — бандит свалился замертво».

Ларин: «Через минуту партизаны ушли из города, прислушиваясь к навчавшейся позади суматохе. А назавтра наш разведчик проник в город и принес в отряд известие — задание Ревкома выполнено; угроза раскрытия подполья ликвидирована, десятки жизней подпольщиков спасены, угроза срыва наладившегося снабжения — ликвидирована».

Главный партизан Камчатки не называет ни одного селянина, снабжавшего их продовольствием. Что же касается жителей города, то они относились к «сопочникам» настороженно, а с весны 1922 г. — неприязненно. А как иначе, если тебе не дают ловить рыбу в окрестностях Петропавловска, заготавливать сено и дрова, покамест ты не свергнешь власть Приамурского правительства («Бирича и К^о») или, на худой конец, не добьешься освобождения

партизанского парламентаря Иллариона Рябикова, арестованного начальником военно-политического розыска Поярковым и удерживаемого в качестве заложника за полковника Лукомского?

К некоторым лицам из числа красных партизан горожане относились враждебно. «Лучшего стрелка» Григория Трухина людская молва причисляла к «хищникам» за промысел пушного зверя в запретный период и опустошение чужих капканов. Когда в 1923 г. на Камчатке образовалось ГПУ, его взяли туда комендантом, в том же году он стал начальником Анадырской уездной милиции...

А навел партизан на Пояркова (о чем признался лишь в 1990 г. в возрасте восьмидесяти пяти лет) Степан Ким. Это, конечно же, зачлось ему потом при вступлении в комсомол и партию. В 1930-е гг. он трудился в органах ОГПУ — НКВД. В декабре 1934 г. привлекался к суду Военного трибунала Камчатского пограничного военного округа, поскольку был уличен в «преступно-провокационных методах допроса, запугивании обвиняемых и вымогательствах доказательств путем непрерывного в течение двух суток допроса» жителей нашей области.

...23 июня 1922 г. Бирич и Кузнецов подписали приказ № 281, который гласил: «В ночь на сегодня врагами родины злодейски убит подпоручик Павел Дмитриевич Поярков. Эта преждевременная смерть показала, что большевики пытаются стать на путь террора и нападения из-за угла. Бесчинству бродячих красных банд должен быть и будет положен конец».

В приказе содержалось предупреждение мирному населению «соблюдать осторожность в ночное время», в особенности в пределах улиц и окружающих пустырей «на случай возможного проявления военными караулами активных действий по отношению к злодеям». Издавшие приказ, появившийся в газете на следующий день, 23 июня, пригрозили партизанам: при «повторности подобных убийств воинских чинов или... граждан каждый раз будет отвечать своей жизнью один из арестованных большевиков».

Новый начальник военно-политического розыска поручик А. А. Подгорный, не отличавшийся, по словам Фролова, прозорливостью своего предшественника, также объявил (правда, позже, в июле), что всякое покушение на спокойствие в Петропавловске, обстрел людей или же распространение слухов провокационного характера тут же отразится на положении арестантов — все они по очереди будут подвергаться телесным наказаниям.

Приезжие из Завойко рассказывали: коммунисты у них «забрали в продовольственном складе пятьдесят мешков муки и другие товары». В ночь на 13 июня был ограблен склад продовольственного отдела в Петропавловске. Какие-то злоумышленники подсдвигали вывески с китайских лавок и прибили их к домам «совершенно не торговым», поломали мост на Большой улице. Не пощадили даже памятник «Слава» на Кошке (тогда он стоял на мес-

те нынешнего старого холодильника рыбного порта): разбросали пушки, одну из них скинули в бухту.

В субботу 24 июня 1922 г. казаки и многие горожане хоронили П. Д. Полякова. «Мир праху твоему — сын России», — говорилось в соболезновании Х. П. Бирича и чиновников областного управления. В связи с трауром был отменен назначенный на воскресенье спектакль-фарс в трех действиях «Ни минуты покоя».

В ночь с 26 на 27 июня разыгрался сильный шторм. Дул «жестокий норд-ост», причинивший массу повреждений городским строениям: повывивал стекла, посрывал крыши, поломал заборы; шлюпки, находившиеся в Ковше, оказались перевернутыми и выброшенными на берег...

Некоторые читатели, возможно, не поверят, что красные партизаны не давали жителям города ловить рыбу, заготавливать сено, дрова, не выпускали их за город. Борцы за интересы населения так, мол, не поступают.

Обратимся, однако, к фактам. В отчете 1923 г. «Работа РКП на Камчатке» И. Е. Ларин писал: «Главная масса населения... — инородцы, стоящие на весьма низкой ступени культурного и умственного развития... Русское население в большинстве своем из так называемых казаков — выходцев из Сибири и переселенцев, между которыми рассосались чиновники старого покроя, спекулянты, барахольщики и другая нечисть... для которых необходима железная метла».

В другом документе Ларин характеризовал начальнику ОГПУ Ломбаку атмосферу, сложившуюся вокруг покинувших город, как «слишком тяжелую из-за позиции населения, частично перешедшего на сторону противника». Имелось в виду, прежде всего, население Завойкинской и Мильковской волостей и Петропавловска, встретившего Русскую армию, по признанию того же Ларина, с радостью, а по словам некоторых горожан, хлебом-солью.

Тем не менее, жителей областного центра партизаны упорно называли «гражданами порабощенного города». Так начиналось обращение к ним штаба военно-революционных отрядов, распространенное весной 1922 г. «Граждане порабощенного города» призывались к немедленному принятию резолюции с подписями всех жителей, что они не уполномочивали Петропавловскую Думу «решать вопросы государственного значения».

«И делайте это, пока не поздно, — предупреждали партизаны, — а если не сделаете и вообще не примете мер к бескровному удалению из города Бирича, то несмываемый позор ляжет на весь город, а многим из вас придется понести самое суровое наказание... мы не остановимся ни перед чем». Примечательно, что данное обращение выпущено до ареста в городе И. Рябикова.

Читатель помнит, что через месяц после ареста, 31 мая 1922 г., городское самоуправление сообщило Х. П. Биричу об ультиматуме облнарревкома:

пока Рябиков в тюрьме, партизаны будут вылавливать думцев и горожан, не позволят им ловить рыбу в б. Солеварне и других местах, заготавливать сено и дрова, выпасать скот на выгонах по той причине, что «Дума и жители не протестовали против ареста Рябикова».

Красные, как уже отмечалось, ловят и удерживают у себя кандидата в гласные Думы Г. П. Миничева и рыбака Ф. Я. Личкуна. В связи с этим самоуправление просит освободить партизанского парламентаря. Белые не против. Но лишь в порядке обмена.

К середине июня на юге Камчатки наблюдался довольно хороший ход чавычи. В Петропавловске и Сероглазке в сети за ночь попадалось по пять-шесть штук. Сначала рыба продавалась в городских киосках по 80, а затем по 25 коп. за фунт и дешевле.

11 июня партизаны задерживают «ушедших за лошадыю» четырнадцатилетних подростков Игрушечкина и Новограбленова.

Примерно в это же время горожане узнают через местную газету, что красные убили полковника Лукомского еще зимой. Получается, городской голова Е. А. Колмаков и гласный В. И. Артюхин напрасно ездили (в сопровождении начальника контрразведки подпоручика Пояркова) на пароход «Свирь», где содержался Рябиков, уговаривать его написать письмо в партизанский штаб. Написал. Колмаков с Артюхиным переслали письмо. Ответа Рябиков не дождался. Красного парламентаря белые расстреляют в начале осени...

Трудно отделаться от мысли о существовании в гибели этих двух людей некоей тайны. Один едет нанимать нарты (это полковник-то!) для белоармейцев по тракту, контролируемому «красными бандитами», другого посылают в Петропавловск парламентарем (будто надо обязательно председателя съезда, а не, скажем, его заместителя Ларина), и он идет, не ведая о смерти Лукомского. Оба становятся мучениками...

Недавно нам удалось выяснить любопытный факт: оказывается, на Второй чрезвычайный съезд город собирался направить своих представителей (в том числе одного из руководителей Думы П. Т. Новограбленова). На их участии настаивал Рябиков, но вскоре подтвердился слух, что городские «пропущены не будут». Почему? Дабы не повлияли на делегатов из волостей, не помешали принять нужные организатору съезда облнарревкому постановления?

25 июня 1922 г. городской голова созывает общее собрание граждан Петропавловска. Оно обращается к обеим противоборствующим сторонам: к властям — о беспрепятственной выдаче по просьбе городской управы пропусков на все лето тем, кто занимается охотой, рыболовством, рубкой дров; к партизанам — о свободном проезде по удостоверениям управы. Протокол собрания подписали семьдесят горожан.

30 июня красные дают ответ: «Штаб готов идти навстречу населению города и согласен допустить для всех граждан города свободно ловить рыбу, косить сено, заготовливать дрова и прочее, но лишь в том случае, если население города настоит на немедленном освобождении... Рябикова и всех остальных, арестованных по обвинению в причастности к настоящим политическим событиям.

Население города должно требовать освобождения арестованных по той причине, что почти все аресты произведены Биричем при участии и содействии Думы (архивными документами это не подтверждается. — *В. П.*). После возвращения... Рябикова и получения штабом точных сведений об освобождении арестованных будут немедленно отпущены Миничев, Личкун, Игрушечкин, Новограбленов, и впредь никто не будет задерживаться».

Что же касается Х. П. Бирича, то он распорядился пропускать жителей города за его пределы беспрепятственно.

3 июля в шесть вечера в управу пришел пастух городского стада и повел о ЧП. При возвращении домой его остановили десятка три вооруженных людей и один из них, с револьвером, назвавшийся Чекмаревым, потребовал указать ему коров Чурина, Захарова, Колмакова, Вичиркина и Савина. Чурин был торговцем, остальные — думцами. Пастух повиновался.

Не найдя в стаде коров Вичиркина и Савина, Чекмарев приказал своим людям взять трех чуринских и бычка городского головы Колмакова, у которого ранее уже увели стельную корову Гальку. На прощание Чекмарев пообещал добраться до коров других горожан, и в первую очередь гласных Думы. В августе 1922 г. были «экспропрированы» лошадь и корова гражданина Деушева, что мирно паслись на о. Култук.

Дней через десять после ЧП с городским стадом Е. А. Колмаков получил ларинское послание. Не располагая подлинником, приведем несколько фраз из копии черновика, хранящегося в ЦДНИКО: «Ваше поведение... является величайшим политическим преступлением... ваши дни сочтены... будете убиты или в лучшем случае уведены в сопки». И на то есть соответствующие санкции: Вторым чрезвычайным съездом он объявлен вне закона, а его имущество — подлежащим конфискации.

Городской голова отвечал, что «кучка безответственных, обозленных в лесу людей» не правомочна выносить такой приговор, что смерть не страшит его, как и конфискация имущества, стоимость которого полторы тысячи рублей. «Правда, маловато для покрытия расходов отряда, так как дома своего не имею, двух коров Ваши отрядники скушали, только плохо без выпивки, я и это мог бы послать».

Один из партизанских командиров В. М. Чекмарев с восстановлением советской власти проработал несколько месяцев заведующим подотделом

коммунального отдела Камчатского губревкома, затем был уволен за пьянство и помещен на некоторое время в тюрьму. В дальнейшем занимал руководящие посты на Чукотке. Продолжая пить, устраивал дебоши и нередко путал свой карман с государственным.

4 июля 1922 г. в Петропавловске состоялось еще одно собрание граждан. Всесторонне обсудив создавшееся положение, скотовладельцы, рыбаки, домовладельцы постановили: «Так как красные отряды не дают возможности жителям города Петропавловска приступить к заготовке на зиму дров, сена, рыбы и прочего, что угрожает гражданам голодом, обратиться через избранную делегацию в составе Пивинского, Артюхина и Бандурина (соответственно педагог, служащий, домовладелец. — *В. П.*) к Господину Особуполномоченному Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае с просьбой возможно скорее освободить из-под ареста Рябикова, Брагина, М. Немова, Бахтина и Кравченко. В свою очередь аналогичное постановление Собрание сделало и относительно всех задержанных граждан Штабом Военно-Революционных Отрядов».

Из канцелярии Х. П. Бирича уведомили городского голову: ответ, который будет дан делегации, «не подлежит никакому обсуждению, и по этому вопросу никаких собраний он не разрешает».

Между тем, вылавливание горожан не прекращалось. В конце июля партизаны поймали думцев Т. Г. Вичиркина и Л. Е. Захарова. Оба отправились рыбачить. Захарова увели с р. Тихой. У того и другого отобрали катера, но стоявшая на якоре захаровская шхуна «Свобода» красным не досталась.

Похищенные люди не были ни гласными Думы, на даже кандидатами. Сообщив о них, «Камчатский листок» далее писал: «В реке Виллой уведен в сопки г. Святой. Забран катер торгового дома “Сайденберг и Виттенберг”. Сошедшим с катера на берег г. Лобову и Суздалеву, отстреливаясь от коммунистов, удалось бежать в Тарью, откуда они на кунгасе вернулись в Петропавловск. Судьба уведенных коммунистами неизвестна».

Этот факт подтверждается арестом Григория Лобова сразу же по возвращении облнарревкома в Петропавловск в ноябре 1922 г., хотя Чекмарев, свидетель по «Думскому делу», говорил, будто вылавливали только гласных, «как врагов трудового народа», раз таковыми их объявил съезд.

С 23 августа 1922 г. некоторые горожане стали выезжать на покосы, расположенные по Халактырской дороге. Владельцы же покосов в Кирпичной пади и в районе «Сениценского озера» никак не могли нанять косарей-копейцев. Они, по мнению городского головы, «запрашивают очень дорого». Но, через день-два, писал он Х. П. Биричу, приступят к покосу все, а также и в Раковой бухте. Однако на заготовку и вывозку сена потребуются не меньше месяца при успешной работе и хорошей погоде, потому как «красные

неоднократно слали свои угрозы не дать... косить, а если и будет накошено, то угрожали сжечь...»

Но Бирич к тому времени был уже номинальным руководителем. Во Владивостоке к власти пришли военные, и у нас правил всем начальник Петропавловского гарнизона капитан 1-го ранга Борис Павлович Ильин.

Ссылаясь на него, городская управа 3 сентября 1922 г. довела до всеобщего сведения, что «на городские покосы и рыбалки послано сторожевое охранение», и все желающие производить ловлю рыбы и заготовливать сено могут сейчас же отправляться, взявши пропуск у коменданта Петропавловска. Меры, предпринятые Ильиным, оказались, по-видимому, эффективными (следствие по делу гласных допытывалось, уж не городское ли самоуправление инициировало эту посылку).

Столкнуть лбами местное население и русскую власть, спровоцировав тем самым на Камчатке братоубийственную бойню, — такова была, на наш взгляд, цель акции красных партизан против жителей Петропавловска. В советские годы она замалчивалась: уж очень не вязалось все это (особенно ловля людей) с образом борцов за народное счастье.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАМЧАТСКОГО ОБЩЕСТВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

В ноябре 1918 г. в Петропавловске на основах «взаимопомощи и самопомощи» было организовано Камчатское культурно-просветительное общество «Просвещение», «имеющее своей программой распространение полезных знаний и духовное единение граждан всей Камчатки», о чем сообщалось в 103-м номере газеты «Камчатский вестник» за 24 ноября 1918 г. Здесь же указывалось: «Желающие вступить в члены и познакомиться с уставом общества благоволят явиться в контору союза Приамурских кооператоров по 3-й улице, где временно помещается канцелярия общества...»

«Духовное единение» предполагалось осуществлять чтением лекций, выпуском «собственных изданий популярных брошюр», показом «кинематографов» и устройством «подвижных библиотек передовых школ». Что же в действительности предпринималось обществом в целях «духовного единения» и в чем состояла его работа?

В заметке «Из жизни общества “Просвещение”», опубликованной в № 73 «Известий Камчатского Областного Совета трудового народа» от 11 апреля 1920 г., сообщается: «Камчатское культурно-просветительное общество “Просвещение” организовано М. П. Воловниковым и начало свою деятельность 10 февраля 1919 г., слившись с Камчатским Народным театром, который существовал как культурная организация с 6 августа 1918 г.». Слияние, вероятно, произошло в январе 1919 г., поскольку вопрос об этом включался в повестку дня общего собрания членов Народного театра в конце декабря 1918 г. [1].

Однако можно сказать, что свою деятельность общество начало немного раньше: уже 8 декабря 1918 г. оно устроило первый спектакль в Народном доме — были поставлены пьесы «Благодетель» и «Порченный» — «комедии в одном действии», сочинения некоего С. Т. Семенова. Сбор с этого первого спектакля пошел в пользу общества [2]. Его председателем до апреля 1919 г. являлся И. Р. Семенов, который в апреле был призван на действительную военную службу и «подал заявление о сложении с себя обязанности председателя и равно звания члена правления» [3]. Поэтому временно председателем избрали Е. А. Колмакова, а затем до июня 1920 г. председателем был Александр Аполлинариевич Кириллов.

Возможно, что общество «Просвещение» использовалось в подпольной работе камчатскими большевиками. В сборнике «Очерки истории Камчатской областной партийной организации» содержатся несколько строк следующего характера: «10 февраля 1919 г. М. П. Воловников организовал в Петропавловске-Камчатском культурно-просветительное общество “Просвещение”, где конспиративно собирались подпольщики» [4].